

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

42 2025
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 42 (593) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Яков Карлович Грот* (1812–1893), российский филолог.

Яков Карлович Грот родился в Петербурге в дворянской семье немецкого происхождения.

Семья Гротов переехала в Россию в 1760 году. Получив хорошее домашнее воспитание, Яков был определен на казенный счет в Царскосельский лицейский пансион, а через три года стал первокурсником лицея. Во время обучения он первый раз попробовал себя на литературном поприще, а также серьезно изучал иностранные языки — латынь, английский и итальянский. По окончании Царскосельского лицея Грот поступил на службу в канцелярию Комитета министров под начало Модеста Андреевича Корфа, при этом не оставил литературного творчества. В 1832 году в журнале «Современник» был опубликован его перевод поэмы Байрона «Мазепа», получивший высокую оценку общественности и литературоведов.

Со второй половины 1830-х и до начала 1850-х годов научные интересы Грота были связаны со Скандинавией. В совершенстве владея шведским и финским языками, Яков Карлович опубликовал большое количество переводов, а также собственных статей об истории, культуре, географии и литературе скандинавских стран. Эта деятельность Грота привлекла широкое внимание читающей публики, в результате чего его назначили чиновником особых поручений при статс-секретаре Великого княжества Финляндского. В 1847 году Яков Карлович оставил государственную службу и стал профессором русского языка и словесности в Гельсингфорсском университете, где читал лекции на шведском и русском языках.

Грот совершил ряд этнографических экспедиций по Финляндии для сбора фольклора.

Еще одна грань научных интересов Грота — сравнительное языкознание, грамматика и история русского языка. В течение 1850-х годов ученый опубликовал ряд статей по этим вопросам на страницах отечественных журналов; впоследствии эти труды были изданы отдельной книгой под названием «Филологические изыскания. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка». Она выдержала несколько изданий и стала значительным вкладом в разработку вопросов этимологии, лексикографии и грамматики русского языка.

В 1852 году Яков Карлович вновь переехал в Петербург и стал наставником детей великого князя Александра Николаевича — будущего императора Александра II. Он преподавал Николаю и Александру (будущему императору Александру III) русский язык, всеобщую и русскую историю, географию и немецкий язык. Год спустя Грот стал совмещать эти занятия с должностью профессора русского языка и словесности Императорского Александровского лицея.

За научные заслуги и близость к императорскому дому Грот получил звание академика. В 1857 году он выпустил

книгу «Об элементарном преподавании русского языка. Анализ теорий Ф. Буслаева и Я. Гримма», в которой изложил свои мысли о специфике русского языка и особенностях обучения ему. Педагогическая концепция Якова Карловича строилась на учете детской психологии и имела целью пробудить мысль и инициативу учащихся.

Исследования Грота в области орфографии внесли заметный вклад в развитие этой отрасли науки о языке. Его пособие «Русское правописание», изданное впервые в 1885 году, считалось нормативным вплоть до языковой реформы 1918 года.

Еще одно направление научного творчества Грота было связано с изучением отечественной литературы XVIII–XIX веков. Ему принадлежат очерки о М. В. Ломоносове, Н. М. Карамзине, И. И. Дмитриеве, И. А. Крылове, Г. Р. Державине, А. С. Пушкине, Екатерине II как писательнице. Помимо биографического и литературоведческого описания, Яков Карлович вводил в научный оборот подлинные, выверенные тексты произведений, эпистолярное наследие и другие архивные материалы, связанные с жизнью и творчеством писателей.

В 1860 году он начал подготовку девяти томного издания «Сочинения Державина с объяснительными примечаниями», выходявшего с 1864 по 1883 год. Этот монументальный труд заложил основы создания академических, научных изданий. Он представлял собой наиболее полное собрание сочинений Державина, включавшее не только ранние, неопубликованные произведения, но и все возможные, выверенные по источникам варианты. Также девяти томник содержал огромное количество научных историко-литературных комментариев, а отдельный том был целиком посвящен биографии Гавриила Романовича Державина. Кроме того, в последнем томе была представлена библиография опубликованных произведений как самого Державина, так и о нём.

Последние два года своей жизни Яков Карлович работал над изданием академического «Словаря русского языка», а также над очерками о своей учебе в Императорском Царскосельском лицее и его самом знаменитом выпускнике. Результатом архивных и историко-литературных изысканий Грота стал цикл статей под общим названием «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники», а также книга «Пушкинский лицей (1811–1817)», изданная уже после смерти ученого.

Яков Карлович Грот скончался 24 мая (5 июня) 1893 года в Петербурге в возрасте 80 лет. Узнав о кончине Грота, Александр III написал: «Меня эта смерть весьма огорчила. Я знал Якова Карловича более 25 лет и привык любить и уважать эту достойную личность».

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Ахмедов Н. М.

правовая природа оправдательного приговора 137

Бируля Д. А.

Охрана труда как один из основополагающих принципов трудового права 139

Бокова Д. С.

Актуальные проблемы адаптации пенитенциарной системы Российской Федерации к международным стандартам обращения с осужденными к лишению свободы..... 141

Варченко М. Ю.

Способы совершения компьютерных преступлений 143

Варченко М. Ю.

Тактика назначения и проведения компьютерно-технической экспертизы при расследовании компьютерных преступлений 145

Васильев С. Г.

Оказание государственных услуг как вид административных процедур в системе органов внутренних дел Российской Федерации 147

Велицкая А. Г.

Становление обратной ипотеки в российском праве: анализ проблем и перспективы развития 150

Велицкая А. Г.

Правовая природа договора ипотеки по российскому законодательству 152

Волкова М. М.

Сложности правового регулирования размещения наружной рекламы на встроенно-пристроенных помещениях многоквартирных домов 155

Гилязетдинов Э. Ф.

История развития института возмещения убытков в Российской Федерации 158

Голощанов М. Д.

Представительство в уголовном судопроизводстве 161

Григорьева Л. С.

Анализ состава административных правонарушений в сфере режима пребывания..... 164

Григорьева А. П.

Роль семьи в формировании антикоррупционных установок у современной молодежи 166

Гурулева К. В.

Региональные программы борьбы с преступностью в Забайкальском крае: оценка эффективности 168

Джуккаев И. К.

Понятие превышения должностных полномочий 171

Дида М. Г.

Особенности административной ответственности за правонарушения в области организации дорожного движения 173

Додон И. С.

Проблемы квалификации деяния по статье 210.1 УК РФ в судебной практике Российской Федерации 175

Долгушина А. С.

Общая характеристика процессуального порядка постановления приговора 177

Дудикова А. Ю.

Система принципов правосудия как конституционная основа судебной власти 180

Евстратенко Ю. Д.

Аренда недвижимых вещей: проблемы и перспективы развития..... 184

Евстратенко Ю. Д.

Аренда недвижимых вещей: вопросы теории и практики 187

Зотова А. В.

Обход закона как одна из форм злоупотребления правом 191

Исакадиева Б. М.

Регулирование правовых аспектов оказания
банковских услуг через мобильные
приложения 194

Казанская В. А.

Проблемные аспекты привлечения
к административной ответственности
за недекларирование либо недостоверное
декларирование товаров (статья 16.2
КоАП РФ) 196

Калиниченко А. Г.

Правовые проблемы заключения
и исполнения договора купли-продажи
жилого помещения 200

Киселев К. В.

Эволюция института уголовной
ответственности за преступления,
совершаемые в составе организованных
групп, в российском законодательстве 201

Коваленко А. Е.

Проблемы уголовно-правовой
квалификации по статье 126 УК РФ
«Похищение человека», осуществленного
с публичной демонстрацией 203

Коваленко А. Е.

Действия следователя на первоначальном
этапе расследования похищения человека
из корыстных побуждений 206

Коваленко А. Е.

Механизм слеодообразования как
ключевой элемент криминалистической
характеристики похищения человека 208

Коньшин Д. Н.

Уголовно-правовой анализ разбойных
нападений: современные тенденции
и проблемы квалификации 210

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

правовая природа оправдательного приговора

Ахмедов Ниджат Муталиб оглы, студент

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В работе анализируется правовая сущность оправдательного приговора в уголовном процессе, а также его значение для реализации принципа презумпции невиновности и защиты прав граждан. Исследуются научные подходы к трактовке данного института, прослеживаются исторические этапы его становления, изучаются современные проблемы применения и влияние оправдательных вердиктов на уровень доверия к существующей власти. Подчеркивается необходимость дальнейшего применения принципа оправдания в целях соблюдения независимости судов и обеспечения соблюдения публичных и личных интересов.

Ключевые слова: уголовный процесс, оправдательный приговор, презумпция невиновности, реабилитация, судебная практика, правосудие, защита прав граждан.

В научной литературе оправдательный приговор рассматривается как:

- 1) процессуальный акт;
- 2) правовой институт;
- 3) совокупность уголовно-процессуальных отношений.

По мнению И. И. Карташова и Р. В. Приходько, оправдательный приговор соединяет в себе два термина: «оправдать», что означает признание правоты, и «невиновность» подсудимого. Следуя такой логике, обвинительный приговор состоит из терминов: «винить» и еще раз «винить», т. е. любой обвинительный приговор по своей сути ни к правоте, а тем более к социальной справедливости никакого отношения не имеет [7].

В. А. Захарова указывает: «Вынесение оправдательного приговора означает незаконность предварительного следствия (дознания) в отношении обвиняемого, ошибочность позиции прокурора, утвердившего обвинительное заключение (обвинительный акт), а в некоторых случаях и государственного обвинителя в суде» [5].

А. И. Ивенский считает, что вынесение оправдательных приговоров является следствием общего обвинительного уклона отечественного уголовного судопроизводства, когда следователи и прокуроры игнорируют доказательства, свидетельствующие в пользу обвиняемого, не желая проверять и учитывать доводы защиты [6].

И. И. Карташова и Р. В. Приходько правильно обращают внимание на очевидные вещи, в частности, на то, что в уголовном процессе существуют две основные стадии производства: досудебное и судебное. При этом досудебная стадия рассматривается как единая связь оперативной работы с дознанием (следствием) и утверждением

обвинительного заключения прокурором. На этой стадии все работники объединены для получения конкретного результата, под которым понимается вынесение обвинительного приговора, либо прекращение уголовного дела по различным основаниям, прописанным в уголовно-процессуальном законе. В свою очередь, суд не заинтересован в вынесении оправдательного приговора, поскольку [7]:

- 1) может возникнуть конфликт с представителями досудебной стадии судебного производства;
- 2) оправдательный приговор с большой вероятностью (по сравнению с обвинительным приговором) может быть отменен, что негативно скажется на показателях работы судьи, и впоследствии его карьере.

Нет смысла углубляться в споры по этому вопросу. По нашему мнению, обсуждение ведется не о сущности оправдательного приговора, а о системных проблемах работы правоохранительных органов и формальной независимости суда. Прочие аргументы — лишь отражение старых позиций тех, кто, с точки зрения формального права, необоснованно называют себя правозащитниками, при этом по сути ведут политическую диссидентскую деятельность, и тех, кто действительно представляет профессиональное сообщество адвокатов.

Рост интереса к вопросу небольшого числа оправдательных приговоров показывает, что государство стремится не только к объективному рассмотрению уголовных дел в суде, но и к тщательному расследованию преступлений соответствующими инстанциями. Минимальное количество оправдательных вердиктов, в свою очередь, свидетельствует о достаточно высоком уровне уголовного процесса в стране.

Закон устанавливает два типа приговоров: обвинительный и оправдательный. В каждом уголовном деле выносится лишь один приговор, независимо от числа обвиняемых или предъявленных обвинений. Следовательно, единственный документ может содержать обвинительный вердикт по одним эпизодам и обвиняемым, а по другим — оправдательный.

На основании ч. 2 ст. 302 УПК РФ оправдательный приговор постановляется в случаях, если [1]:

- 1) не установлено событие преступления;
- 2) подсудимый не причастен к совершению преступления;
- 3) в деянии подсудимого отсутствует состав преступления.
- 4) в отношении подсудимого коллегией присяжных заседателей вынесен оправдательный вердикт.

Оправдание по любому из оснований, означает признание подсудимого невиновным и влечет за собой его реабилитацию в порядке, установленном законом.

Оправдательный приговор в связи с непричастностью подсудимого к совершению преступления выносится в том случае, когда суд отрицательно отвечает на вопрос — доказано ли, что деяние совершил подсудимый. Иными словами, когда не доказано, что деяние совершил подсудимый, т. е. когда этому нет уголовно-процессуальных доказательств или когда имеющиеся обвинительные доказательства сомнительны и возможности получения новых достоверных доказательств исчерпаны. Суд в таком случае исходит из того, что все сомнения в отношении доказанности обвинения, если их не представляется возможным устранить, толкуются в пользу подсудимого.

Оправдательный приговор независимо от оснований оправдания полностью реабилитирует подсудимого и создает юридическое основание для применения процедуры реабилитации [6].

Если оправдательный приговор выносится в связи с отсутствием события преступления либо отсутствием состава преступления в действиях обвиняемого, уголовное дело после вступления приговора в законную силу подлежит хранению в суде [2].

Чаще всего в оправдательных приговорах доказательственная часть начинается с изложения и анализа показаний подсудимого.

Описательная часть приговора завершается выводом о наличии одного из оснований для вынесения оправдательного решения, которые были указаны ранее.

В тексте приговора не следует без необходимости затрагивать противоправные действия лиц, не привлечённых к уголовной ответственности. Однако в отдельных случаях это бывает неизбежно. Так, оправдание подсудимого по мотиву наличия признаков необходимой обороны возможно лишь при установлении факта общественно опасного посяательства другим лицом на охраняемый законом интерес. Упомянуть об этом в приговоре необходимо.

В то же время оправдательный приговор в отношении подсудимого не должен превращаться в обвинительный акт в отношении иного лица, не являющегося участником процесса. Недопустимо квалифицировать действия таких лиц как преступные или подлежащие уголовной ответственности. Это противоречит принципу законности и нарушает права граждан. Суду следует ограничиться изложением фактических обстоятельств без их правовой оценки [3].

Высокий уровень результативности предварительного расследования обеспечивает суду возможность, рассматривая уголовное дело и анализируя представленные доказательства, установить фактические обстоятельства и вынести законное и обоснованное решение.

В соответствии с положениями главы 18 УПК РФ государство обеспечивает реализацию права оправданного на реабилитацию, включая возмещение вреда, причинённого незаконным уголовным преследованием [1].

Можно выделить следующие факторы, влияющие на постановление оправдательных приговоров.

1. Действующая уголовная политика, проявляющаяся в правотворчестве и правоприменении: принятии нормативно-правовых актов, регламентирующих основания, виды и размер ответственности за преступления, а также непосредственной деятельности правоохранительных органов и отправлении правосудия.

2. Законодательно установленные требования к достоверности доказательств, а также институт признания доказательств недопустимыми.

3. Правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации, Пленума Верховного суда Российской Федерации, устоявшаяся судебная практика.

4. Качество осуществления предварительное расследования.

5. Особый порядок судебного разбирательства (глава 40 УПК РФ), а также возможность рассмотрения дела с участием присяжных заседателей (глава 42 УПК РФ).

6. Общественное мнение сформировано под влиянием СМИ и правоохранительных органов так, что образ оправдательного приговора в первую очередь ассоциируется с необъективностью либо коррумпированностью суда [1].

Возможность вынесения судом ошибочного решения — незаконного, необоснованного или несправедливого — прямо признаётся уголовно-процессуальным законодательством. На это указывает наличие в УПК РФ положений, предусматривающих процедуры обжалования судебных актов в вышестоящих судах. Институты апелляционного и кассационного обжалования, а также механизм пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам являются неотъемлемой частью процессуальных систем всех современных государств. Даже наиболее добросовестный судья не застрахован от совершения ошибок при вынесении решений, поскольку человеческая деятельность в целом сопряжена с определённой вероятностью ошибок, обусловленной профессиональным уровнем,

психоэмоциональным и физическим состоянием, внимательностью, а также объёмом служебной нагрузки.

При обнаружении следственных ошибок или недостаточности собранных доказательств следователь, руководитель следственного органа либо прокурор обязаны прекратить уголовное преследование.

Таким образом, правая природа оправдательного приговора выражается в его двойственной сути — он одновременно является актом судебного института и защиты личности от смертного приговора, направленным на восстановление прав и свободы гражданина, а также устойчивости общества к последней системе.

Литература:

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025)
2. Волков В. Российские судьи: социологическое исследование профессии / Волков В., Дмитриева А., Поздняков М., Титаев К. — М.: Норма, 2020. — 272 с.
3. Горевой Е. Д., Козьявин А. А. Справедливость судебного разбирательства как условие свободной оценки доказательств в российском уголовном процессе // Мировой судья. 2021. — № 12; — С. 11.
4. Дикарев И. Пределы рассмотрения дела судом в уголовном процессе // Уголовное право. 2022. — № 3. — С. 76–80.
5. Захарова В. О. Оправдательный приговор как результат установления истины // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: материалы Международной научно- практической конференции (Москва, 21 марта 2019 года). В 2-х частях. — М.: Акад. Следств. комитета РФ, 2023, — Ч. 2. — С. 58–60
6. Ивенский А. И. Классификация приговоров // Актуальные проблемы правоведения. Сборник СГЭА. 2022. — № 3. — С. 232–236.
7. Карташов И. И., Приходько Р. В. Проблемы постановления оправдательного приговора //Центральный науч. вестник. 2016. № 4. С. 46–47.

Охрана труда как один из основополагающих принципов трудового права

Бируля Дмитрий Анатольевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Соколова Елена Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский Национальный открытый университет

В рамках статьи анализируются особенности охраны труда как принципа трудового права. Дается общая характеристика принципов в трудовом праве и выделяется их специфика. Автор проводит анализ подходов к определению сущности охраны труда, а также формирует собственное определение понятия.

Ключевые слова: охрана труда, принципы трудового права, безопасность труда, принципы права.

Принципы представляют собой основополагающие начала определенной отрасли права, которые определяют координаты ее развития и основные направления правового регулирования отношений. В основе любой отрасли права лежат ее принципы. Именно поэтому для уяснения содержания отрасли права необходимо установить, что понимается под принципами отрасли.

Основные принципы трудового права закреплены в ст. 2 Трудового кодекса Российской Федерации [3] (далее — ТК РФ). Далее данные принципы более подробно раскрываются в тексте самого ТК РФ. Ст. 2 ТК РФ гласит, что принципы трудового права признаются, исходя из общепризнанных принципов международного права и принципов, закрепленных в Конституции Российской Федерации [2]. Основным международно-правовым документом, содержащим принципы трудового права, является Декларация Международной организации труда «Об основополагающих принципах и правах

в сфере труда» [1] (далее — Декларация об основополагающих принципах).

Система принципов конкретной отрасли представляет собой целостную совокупность принципов, лежащих в основе конкретной отрасли права. Принципы трудового права также образуют систему. Долгое время принципы трудового права не были закреплены законодательно, а определялись лишь на уровне доктринальных исследований. Такая историческая особенность принципов трудового права определила зависимость системы принципов от системы отрасли права и структуры основного акта отрасли — ТК РФ.

К основным отраслевым принципам относятся:

1. Социальное партнерство и участие работников в управлении организацией.
2. Защита от безработицы и содействие в трудоустройстве.
3. Свобода трудового договора и трудовых отношений.

4. Ограничение рабочего времени.
5. Предоставление времени отдыха.
6. Справедливая оплата труда.
7. Соблюдение дисциплины труда и правил внутреннего трудового распорядка.
8. Возмещение вреда, причиненного сторонами в процессе трудовой деятельности.
9. Предоставление работникам гарантий и компенсаций.
10. Создание безопасных условий труда и охрана труда.
11. Осуществление надзора и контроля за соблюдением прав и гарантий работников.
12. Защита трудовых прав и свобод.

Данные принципы также играют важную роль в построении трудового права, однако они не так обширны, как названные выше.

Значение принципов права состоит в том, что они помогают разрешать возникающие на практике проблемы. Так, суды нередко при принятии решений ссылаются на национальные и международные принципы регулирования труда для обоснования принятого решения [7, с. 18].

В соответствии с п. 1 ст. 209 ТК РФ охрана труда — система сохранения жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности, включающая в себя правовые, социально-экономические, организационно-технические, санитарно-гигиенические, лечебно-профилактические, реабилитационные и иные мероприятия. Сущность охраны труда как принципа трудового права состоит в обеспечении достойных условий труда, которые исключают причинение вреда жизни и здоровью работника и третьих лиц.

Важно отметить, что несмотря на наличие нормативно закреплённого определения в рамках доктрины права ведутся дискуссии относительно содержания рассматриваемого понятия. Например, Н. А. Самарская говорит о том, что охрана труда — это комплексная система, включающая в себя как правовые нормы, мероприятия и требования, так и средства, направленные на оптимизацию процесса обеспечения безопасности труда [6, с. 43]. Указанное определение имеет общие черты с закреплённым в рамках закона. Однако исследователь также подчёркивает, что задача охраны труда — это нахождение баланса между интересами работника и работодателя.

М. А. Сороколетова, напротив же, рассматривает охрану труда как структуру различных мероприятий, направленных на защиту работника от неблагоприятных воздействий во время осуществления трудовых функций, а также формирующих допустимые условия осуществ-

ления трудовой деятельности [5, с. 77]. Данное определение представляется более широким, чем нормативно закреплённое определение, поскольку включает в себя не только определённые мероприятия, но и раскрытие основ создания безопасной среды для осуществления трудовой деятельности.

Существует также широкий подход к определению сущности охраны труда. В соответствии с данным подходом, охрана труда — это все аспекты трудовой деятельности, направленные на обеспечение безопасности труда (условия труда, организация рабочего места, психоэмоциональное состояние внутри рабочего коллектива и так далее) [4]. Однако, по нашему мнению, такой подход представляется излишне широким и может привести к включению в рассматриваемое понятие лишних элементов, затрудняющих понимание его сущности.

Отсутствие единого подхода к определению сущности понятия «охрана труда» порождает необходимость разработки собственного определения. Единое определение понятия позволит обеспечить единообразие в научных исследованиях, а также лучше понять сущность охраны труда в России. По нашему мнению, охрана труда — это фундаментальный принцип трудового права, заключающийся в институционно закреплённой системе совместного управления условиями труда и поведением участников трудовой деятельности, направленная на устойчивое сохранение жизни и здоровья человека и предотвращение вреда для него и окружающей среды в результате осуществления трудовой деятельности. Указанное определение подчёркивает особую правовую природу охраны труда, а также указывает на его многогранность. Кроме того, указанное определение фиксирует охрану труда как управленческую систему, построенную с учётом требований действующего законодательства. Также мною подчёркнуто, что охрана труда — это динамично развивающаяся система, подстраивающаяся под реалии осуществления трудовой деятельности с целью обеспечения максимальной безопасности. Мероприятия в сфере охраны труда постоянно обновляются и дополняются, что позволяет обеспечить их эффективность.

Таким образом, охрана труда — это важнейший принцип трудового права. Он определяет модель организации рабочего процесса, а также устанавливает обязательные требования по отношению к работникам и работодателям. Задача системы охраны труда — обеспечить здоровье работников при сохранении безопасной окружающей среды.

Литература:

1. Декларация Международной организации труда «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда» (принята в г. Женева 18.06.1998) // Российская газета. 1998. — № 238.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. — 2020. — № 144.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1. — Ст. 3.

4. Агаев М. А. К вопросу о понятии и принципах охраны труда в России [Электронный ресурс] // StudNet. — 2023. — № 1. — Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-i-printsipah-ohrany-truda-v-rossii> (дата обращения: 25.09.2025).
5. Петров А. Я. Понятие охраны труда в правовых актах и совершенствование Трудового кодекса РФ // Кадровик. — 2021. — № 3. — С. 61–75.
6. Самарская Н. А. Понятие «охрана труда»: новые подходы к конструированию дефиниции с помощью метода двухуровневой триадической дешифровки категории // Социально-трудовые исследования. — 2022. — № 3 (48). — С. 35–45.
7. Филющенко Л. И. Трудовое право: учеб. Пособие. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. — 204 с.

Актуальные проблемы адаптации пенитенциарной системы Российской Федерации к международным стандартам обращения с осужденными к лишению свободы

Бокова Дарья Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Олейник Ирина Ивановна, доктор юридических наук, профессор

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В статье автор рассматривает текущий уровень соответствия пенитенциарной системы Российской Федерации международным стандартам обращения с осужденными к лишению свободы, выявляет ключевые достижения и проблемные зоны, а также предлагает пути совершенствования и системной адаптации законодательства в указанной сфере.

Ключевые слова: пенитенциарная система, международные стандарты, уголовно-исполнительное право, осужденные, гуманизм, правозащитные гарантии, адаптация законодательства, социальная реинтеграция.

Пенитенциарная система выполняет важнейшую функцию в уголовно-исполнительной политике любого государства. Это не только шаблонная изоляция от общества, а также и исправление, социальная реинтеграция, защита прав и свобод осужденных, сохранение их человеческого достоинства.

Международные стандарты, разработанные Организацией Объединенных Наций (например, Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые на первом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в Женеве в 1955 году [4]), Советом Европы и другими организациями, устанавливают общие принципы и нормы обращения с заключенными, которые служат ориентиром для национального законодательства. Российское уголовно-исполнительное право содержит положения, направленные на реализацию этих стандартов, но по-прежнему остаются актуальными и нерешенными вопросы полного и эффективного их воплощения.

Международная правовая база и ключевые международные стандарты обращения с осужденными к лишению свободы (такие как Всеобщая декларация прав человека 1948 года [5], Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 года [6]) закрепляют принципы недопустимости пыток в любом их понимании, жестокого или унижающего достоинство обращения, законности

и соблюдения всех процедур, индивидуализации в отбывании наказания и дифференциации, полноценность материально-бытового и технического обеспечения исполнения наказания [8].

Несмотря на то, что законодательство Российской Федерации закрепило международные принципы обращения с осужденными в Конституции РФ [1], в Уголовно-исполнительном кодексе РФ [2], в Федеральном законе «О пробации в Российской Федерации» 06.02.2023 года № 10-ФЗ [3], все же ещё существует ряд проблемных зон и препятствий для органичной интеграции международных правовых стандартов обращения с осужденными к лишению свободы в национальную систему.

Так, многие международные стандарты носят сугубо рекомендательный характер, являются необязательными, что часто приводит к их некомплексной реализации и эти нормы остаются лишь на бумаге, а непосредственное их исполнение напрямую зависит от бюджетной и/или материальной обеспеченности учреждений уголовно-исполнительной системы.

Ярким примером также служит и разрыв между «нормой» и «практикой». Условия содержания спецконтингента (переполненность камер, неудовлетворительная вентиляция, санитарно-гигиенические условия), доступ к медицинской помощи и психологической поддержке в ряде учреждений явно не соответствуют международным требованиям.

Недостатки в подготовке к освобождению и социальной реинтеграции в последние годы стало ещё одним важным аспектом в развитии национальной пенитенциарной системы Российской Федерации. И несмотря на то, что в 2023 году был принят Федеральный закон «О probation в Российской Федерации», поддержка адаптации бывших заключенных в обществе, их обучение/переобучение и психологическая помощь до сих пор недоработаны и зависят напрямую от наличия локальных инициатив муниципалитетов в помощи данной категории граждан.

Слабые механизмы внешнего контроля, недостаточная прозрачность и ограниченная роль общественных наблюдателей и правозащитных организаций также оказывают немалое влияние на реализацию международных стандартов, равно как и финансово-экономические ограничения (бюджет, инфраструктура, кадровый состав и т. д.).

Исходя из приведенного выше анализа, можно вывести ряд мер для усиления системной адаптации пенитенциарной системы Российской Федерации к международным стандартам обращения с осужденными к лишению свободы:

1. Укрепление нормативной правовой базы:

Пересмотр и уточнение Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и сопутствующих к нему актов с учетом последних редакций международных стандартов.

Включение конкретных обязательных норм, где закреплены четкие требования к содержанию заключенных, санитарно-гигиеническому режиму, трудовые гарантии и т. д.

Законодательное закрепление права на психологическую помощь, образование, профессиональное переобучение, как обязательный элемент исполнения наказания.

2. Развитие механизмов контроля и надзора:

Расширение роли государственных и негосударственных институтов, общественных наблюдателей, правозащитников.

Повышение прозрачности учреждений уголовно-исполнительной системы России (публикация отчетов, независимые инспекции, участие международных наблюдателей).

Эффективное использование судебных и внесудебных средств защиты прав осужденных к лишению свободы.

3. Обеспечение материально-технической и кадровой базы:

Инвестиции в инфраструктуру (повышение условий содержания, обеспечение спальных мест, помещений для прогулок и физической активности).

Повышение квалификации персонала уголовно-исполнительной системы, особенно в части соблюдения прав и свобод человека и гражданина, медицинской этики, психологии, работы с уязвимыми группами.

Развитие системы финансирования, привлечение средств на модернизацию учреждения, в том числе с привлечением международных программ сотрудничества.

4. Практика труда, образования и реабилитации. Идеологические начала:

Расширение возможностей трудовой и профессиональной занятости осужденных, создание программ профессионального обучения, которые учитывают потребности рынка труда, с возможностью более достойной оплаты и мотивации.

Создание программ подготовки к освобождению: курсы по социальной адаптации, поддержка в трудоустройстве, психосоциальная помощь.

Образование и обучение как неотъемлемая часть исправительного воздействия.

5. Международное сотрудничество и обмен опытом:

Активное участие Российской Федерации в международных форумах, конференциях, рабочих группах по вопросам развития уголовно-исполнительной системы.

Сотрудничество с организациями ООН, Совета Европы, региональными правозащитными структурами, зарубежными системами исполнения наказания.

Использование международной помощи и грантов для реализации пилотных проектов реформ.

Таким образом, подводя итог, можно сделать вывод, что системная адаптация пенитенциарной системы Российской Федерации к международным стандартам обращения с осужденными к лишению свободы — это сложный и многогранный комплекс мер, который уже сейчас демонстрирует заметные признаки продвижения. Законодательные изменения, включение принципов гуманизма и обязательств в нормативную правовую базу не остаются незамеченными. Но не стоит забывать, что значимые пробелы в реализации международных стандартов, обусловленные ресурсными, институциональными и организационными причинами, остаются актуальными и по сей день. И только при комплексной и устойчивой реализации норм, при надлежащем контроле за их исполнением, возможна трансформация системы, в которой на первое место выдвигаются не наказание и изоляция, а исправление, помощь и сохранение чести и достоинства человека.

Международные стандарты в области пенитенциарной политики имеют преимущественно рекомендательный характер, что допускает их поэтапное и избирательное внедрение в национальное законодательство. Однако такая адаптация возможна лишь при условии достижения определенного уровня развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации [7, с.203]. В настоящее время не все положения, закрепленные в международных актах, нашли отражение в российской уголовно-исполнительном законодательстве и пенитенциарной практике. Это обусловлено как объективными социально-экономическими факторами, так и необходимостью учета национальных особенностей правоприменения. Внедрение международных стандартов требует не только нормативной правовой базы, но и соответствующих ресурсов, подготовки кадров, а также изменения устоявшихся подходов к исполнению наказания и отбывания срока осужден-

ными к лишению свободы. Тем не менее, постепенное приближение к международным нормам остается важной задачей, способствующей гуманизации и эффективности функционирования системы исполнения наказаний.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. — Текст: электронный // Официальный сайт Президента России: [сайт]. — URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 08.10.2025).
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. — Текст: электронный // Официальный сайт Президента России: [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/10458/print> (дата обращения: 08.10.2025).
3. Федеральный закон от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». — Текст: электронный // Официальный сайт Президента России: [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48882> (дата обращения: 08.10.2025).
4. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными: приняты на первом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. — Текст: электронный // ООН: [сайт]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml (дата обращения: 08.10.2025).
5. Всеобщая декларация прав человека. — Текст: электронный // ООН: [сайт]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 08.10.2025).
6. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. — Текст: электронный // ООН: [сайт]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (дата обращения: 08.10.2025).
7. Дятлов, Ю. Н. Международные стандарты как основа развития сферы трудовой адаптации осужденных в России / Ю. Н. Дятлов. — Текст: непосредственный // Экономика труда. — 2022. — № 1. — С. 195–206.
8. Машков, Е. Г. Международные стандарты обращения с осужденными / Е. Г. Машков. — Текст: непосредственный // Мир науки и образования. — 2017. — № 4 (12).

Способы совершения компьютерных преступлений

Варченко Мария Юрьевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматриваются основные способы совершения компьютерных преступлений, их классификация и характерные особенности. Анализируются современные методы киберпреступности, используемые злоумышленниками, а также правовые механизмы противодействия данным угрозам. Особое внимание уделяется техническим и социально-инженерным методам атак, а также вопросам квалификации таких деяний в соответствии с уголовным законодательством.

Ключевые слова: компьютерные преступления, киберпреступность, хакерские атаки, вредоносные ПО, фишинг, кибербезопасность, уголовная ответственность.

Ways of committing computer-related crime

Varchenko Maria Urievna, master's student
Kuban State University (Krasnodar)

The article examines the main methods of committing computer crimes, their classification and characteristic features. Modern methods of cybercrime used by intruders, as well as legal mechanisms for countering these threats are analyzed. Particular attention is paid to technical and social engineering methods of attacks, as well as issues of qualification of such acts in accordance with criminal law.

Keywords: computer crimes, cybercrime, hacker attacks, malware, phishing, cybersecurity, criminal liability.

С развитием информационных и цифровых технологий компьютерные преступления приобретают все более изощренные формы, представляя серьезную угрозу для безопасности личности и государства. Современные злоумышленники используют широкий спектр методов

для несанкционированного доступа к данным, хищения информации и иных противоправных действий.

Согласно данным МВД РФ и Следственного комитета России, динамика компьютерных преступлений в 2023–2025 годах демонстрирует устойчивый рост, что свиде-

тельствует об увеличении как количества инцидентов, так и их качественной сложности. В 2023 году было зарегистрировано свыше 550 тысяч преступлений в сфере информационных технологий, что на 18 % превысило показатели предыдущего года. Наибольшую долю составили мошенничества с использованием IT-технологий (около 65 % от общего числа), включая фишинг, социальную инженерию и несанкционированные операции с электронными платежами. При этом ущерб от таких деяний, по оценкам экспертов, превысил 120 млрд рублей, что подчеркивает их значительное экономическое воздействие.

В 2024 году тенденция к росту сохранилась: количество зафиксированных киберпреступлений увеличилось до 620 тысяч случаев. Особую обеспокоенность правоохранительных органов вызвал рост атак на критическую инфраструктуру, включая системы государственных учреждений и финансовый сектор. По данным СК РФ, почти 40 % расследованных эпизодов были связаны с использованием вредоносного ПО, в том числе ransomware-атак, направленных на организации здравоохранения и образовательные учреждения. Уголовные дела по статьям 272–274 УК РФ возбуждались в 2,5 раза чаще, чем в 2022 году, что указывает на ужесточение правоприменительной практики.

Предварительные данные за 2025 год (первое полугодие) позволяют прогнозировать дальнейшую эскалацию киберугроз. За первые шесть месяцев зарегистрировано более 350 тысяч преступлений, при этом отмечается рост изощренных схем, таких как атаки на цепочки поставок (supply chain) и эксплуатация уязвимостей в облачных сервисах. МВД акцентирует внимание на усилении международного компонента киберпреступности: около 30 % атак совершаются с использованием инфраструктуры, расположенной за рубежом, что осложняет их расследование. В этой связи особую значимость приобретают вопросы международного сотрудничества в сфере кибербезопасности и гармонизации законодательства.

Таким образом, статистические данные подтверждают, что компьютерная преступность остается одним из наиболее динамичных видов противоправной деятельности, требующим постоянного совершенствования мер профилактики и уголовного преследования.

Способы совершения компьютерных преступлений становятся высокотехнологичными за счет применения нетривиальных технических решений, а также принципиально новых или модифицированных программ [1].

Преступники творчески используют и модифицируют компьютерную технику и программное обеспечение. Результатом таких действий становится исключительно высокая латентность компьютерных преступлений [2]

Компьютерные преступления можно классифицировать по различным критериям, включая метод воздействия, объект посягательства и технические средства реализации. К основным способам совершения таких преступлений следует отнести:

1. Вредоносное программное обеспечение. К данной категории относятся: а) вирусы и черви — программы,

способные к самокопированию и распространению, повреждающие данные или нарушающие работу; б) троянские программы — вредоносные приложения, маскирующиеся под легитимные, с целью кражи данных или удаленного управления системой; в) рансомеры (шифровальщики) — программы, блокирующие доступ к данным с требованием выкупа.

2. Сетевые атаки. DDoS-атаки — перегрузка серверов массовыми запросами, приводящая к отказу в обслуживании. Эксплуатация уязвимостей — использование ошибок в программном обеспечении для несанкционированного доступа. MITM-атаки — перехват данных в процессе передачи между пользователем и сервером.

3. Социальная инженерия включает в себя а) фишинг — создание поддельных сайтов и писем для выманивания конфиденциальных данных; б) претекстинг — использование ложных предлогов для получения информации (например, звонок от имени службы поддержки); в) кви про кво — предложение взаимовыгодного обмена, за которым скрывается вредоносная активность.

4. Несанкционированный доступ, а именно брутфорс (подбор паролей), использование украденных учетных записей и SQL-инъекции — внедрение вредоносного кода в базы данных через уязвимые веб-формы.

Н. И. Шумилов предлагает разделять способы совершения посягательств на три самостоятельные группы: незаконное изъятие носителей информации, несанкционированное получение информации, а также неправомерное манипулирование информацией [3].

И. П. Родвилиан разделяет способы совершения преступлений в сфере компьютерной информации по предмету преступного посягательства [4]:

- Электронный почтовый ящик
- Интернет-сайт
- Профиль в социальных сетях
- Счет в электронных платежных системах
- База данных
- Локальная сеть
- Компьютер
- Средства мобильной связи.

И. О. Морар предлагает иную классификацию компьютерных преступлений, основанную на своеобразии способов их совершения. Так выделяются способы, применимые для получения доступа к информации, находящейся на машинных носителях; способы, в которых компьютерная техника и средства коммуникации используются в качестве орудий и средств совершения преступлений, а также их сокрытия; способы, в которых применяются высокотехнологичные устройства с целью незаконного доступа к компьютерной информации, ее модификации или блокирования [5].

В исследовании способов совершения компьютерных преступлений стоит остановиться на роли VPN в современной киберпреступности.

Виртуальные частные сети (VPN) изначально создавались как инструмент обеспечения конфиденциаль-

ности и безопасности интернет-соединений. Однако в последние годы VPN-сервисы активно используются злоумышленниками в противоправных целях.

К основным способам криминального использования VPN следует отнести 1) сокрытие цифрового и реального местоположения — VPN позволяет преступникам маскировать IP-адрес, подменяя географическое положение; 2) обход блокировок и доступа к запрещенным ресурсам. Еще в 2023 году было зафиксировано 78 случаев использования VPN для доступа к заблокированным в Российской Федерации ресурсам с целью распространения экстремистских материалов (ст. 282 УК РФ); 3) организация фишинговых атак и бот-сетей (использование VPN в целях размещения поддельных сайтов и сокрытия серверов управления).

Действующее законодательство РФ предусматривает ограничения на использование анонимизирующих технологий. Однако правоприменительная практика сталкивается с рядом сложностей, а именно:

- технические трудности идентификации пользователей коммерческих VPN-сервисов;
- отсутствие единой международной регуляторной базы;
- быстрое появление новых технологий обхода блокировок.

Современная динамика компьютерных преступлений требует комплексного подхода к их профилактике и пресечению, включающего как технические, так и правовые меры. В первую очередь, необходимо ужесточение ответ-

ственности за создание и распространение вредоносного программного обеспечения, включая модификации статей 272–274 УК РФ, с учетом новых форм киберпреступности, таких как атаки на цепочки поставок и эксплуатация облачных уязвимостей. Особое внимание следует уделить регулированию анонимизирующих технологий, в частности VPN, которые активно используются преступниками для сокрытия своей деятельности. Для этого целесообразно внести изменения в законодательство, обязывающие VPN-провайдеров сотрудничать с правоохранительными органами в рамках идентификации пользователей, совершающих противоправные действия.

Важным направлением является развитие технических возможностей правоохранительных органов, включая создание специализированных киберподразделений, оснащенных современными средствами цифровой криминалистики. Одновременно требуется усиление международного сотрудничества, поскольку значительная часть киберпреступлений совершается с использованием зарубежной инфраструктуры.

Таким образом, эффективное противодействие компьютерным преступлениям возможно только при сочетании жесткого законодательного регулирования, технического оснащения правоохранительных органов, международной кооперации и системной профилактики. Только такой многоуровневый подход позволит снизить латентность киберпреступлений и минимизировать их негативные последствия для общества и экономики.

Литература:

1. Поляков В. В. Характеристика высокотехнологичных способов совершения преступлений в сфере компьютерной информации: матер. ежег. Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 50-летию юридического факультета и 40-летию Алтайского государственного университета «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае». — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. — Вып. 11–12. — С. 123–126.
2. Степанов-Егиянц В. Г. Современная уголовная политика в сфере борьбы с компьютерными преступлениями // Российский следователь. — 2012. — № 24. — С. 43–46.
3. Шумилов Н. И. Криминалистические аспекты информационной безопасности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Н. И. Шумилов. — СПб., 1997. — 164 с
4. Родивилин И. П. Использование компьютерной информации при раскрытии и расследовании преступлений, совершенных с использованием сети Интернет / И. П. Родивилин // Криминалистика: 46 вчера, сегодня, завтра: сб. науч. тр. — Иркутск: Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2015. — Вып. 6. — С. 173–178.
5. Морар И. О. Могут ли в рамках науки криминологии рассматриваться способы совершения компьютерных преступлений и их последствия? / И. О. Морар // Российский следователь. — 2012. — № 12. — С. 37–41

Тактика назначения и проведения компьютерно-технической экспертизы при расследовании компьютерных преступлений

Варченко Мария Юрьевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье исследуются тактические аспекты назначения и проведения компьютерно-технической экспертизы в рамках расследования компьютерных преступлений. Рассматриваются процессуальные основания для назначения

компьютерно-технической экспертизы, ключевые этапы ее проведения, включая создание цифровых образов и анализ данных, а также проблемы, связанные с исследованием зашифрованной информации и облачных хранилищ. Особое внимание уделяется требованиям к заключению эксперта и его роли в формировании доказательственной базы.

Ключевые слова: компьютерно-техническая экспертиза, цифровые следы киберпреступность, судебная экспертиза, доказательства, компьютерные преступления.

Tactics for appointing and conducting a computer-technical examination at the stages of preliminary investigation

Varchenko Maria Urievna, master's student
Kuban State University (Krasnodar)

The article examines the tactical aspects of appointing and conducting a computer-technical examination as part of investigating computer crimes. The article considers the procedural grounds for appointing a computer-technical examination, the key stages of its implementation, including the creation of digital images and data analysis, as well as problems associated with the study of encrypted information and cloud storage. Particular attention is paid to the requirements for the expert's opinion and his role in forming the evidence base.

Keywords: computer-technical examination, digital traces, cybercrime, forensic examination, evidence, computer crimes.

Современное развитие цифровых и информационных технологий привели к значительному росту компьютерных преступлений, что требует совершенствования методов их расследования. Одним из ключевых инструментов в этой сфере является компьютерно-техническая экспертиза (далее — КТЭ), которая позволяет выявлять, фиксировать и анализировать цифровые следы.

КТЭ представляет собой вид судебной экспертизы, направленной на исследование цифровых данных, программно-аппаратных комплексов и компьютерных сетей с целью установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного, административного или гражданского судопроизводства. Ее проведение базируется на специальных знаниях в области информационных технологий, криминалистики и юриспруденции.

Предметом КТЭ являются фактические данные, устанавливаемые в ходе исследования цифровых носителей, системных журналов, сетевого трафика, программного кода и иных артефактов, связанных с использованием компьютерных технологий. Объекты КТЭ можно классифицировать следующим образом: Аппаратные компоненты (жесткие диски, SSD, USB-накопители, мобильные устройства, серверы); программное обеспечение (операционные системы, приложения, вредоносные программы, базы данных); сетевые данные (логи серверов, перехваченный трафик, метаданные электронной почты, сообщения мессенджеров); киберфизические системы (данные с IoT-устройств, промышленных систем управления).

Назначение КТЭ должно основываться на четком понимании целей исследования и процессуальных требований. В соответствии со ст. 195 УПК РФ, экспертиза назначается при необходимости специальных знаний в области науки, техники или ремесла [1].

Процесс назначения КТЭ условно можно разделить на следующие последовательные этапы: определение на-

личия основания для назначения КТЭ, определение рода и вида назначаемой экспертизы, выбор экспертного учреждения, подготовка объектов, направляемых на судебную экспертизу, постановка вопросов эксперту, вынесение постановления о назначении КТЭ, ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого (обвиняемого), направление постановления и объектов в экспертное учреждение [2].

При расследовании киберпреступлений круг вопросов, решаемых экспертом, может включать идентификацию устройства, установление фактов несанкционированного доступа, анализ вредоносного ПО, восстановление удаленных данных и определение способа совершения преступления.

В зависимости от категории уголовного дела и специфики расследования перед экспертом могут быть поставлены следующие вопросы:

1. Идентификационные

– Какое устройство использовалось для совершения преступления?

– Какие учетные записи и профили связаны с подозреваемым?

– Имеются ли признаки модификации аппаратной или программной части устройства?

2. Диагностические

– Каков механизм несанкционированного доступа к системе?

– Какие действия выполнялись на компьютере в определенный период времени?

– Содержатся ли на носителе следы удаления или сокрытия данных?

3. Классификационные

– К какому типу относится вредоносное программное обеспечение?

– Каким способом осуществлялась передача похищенной информации?

4. Реконструкционные

– Возможно ли восстановить удаленные файлы или журналы событий?

– Какие данные были изменены или повреждены в результате кибератаки?

5. Техничко-криминалистические

– Какие инструменты использовались для взлома или сокрытия следов преступления?

– Соответствуют ли метаданные файлов заявленным обстоятельствам дела?

Важно, чтобы постановление о назначении экспертизы содержало конкретные вопросы, сформулированные с учетом рекомендаций Верховного Суда РФ (п. 7 Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2010 № 28) [3].

Проведение КТЭ требует строгого соблюдения методических принципов, включая сохранение целостности цифровых данных. Одним из ключевых этапов является создание образа носителя информации с применением аппаратно-программных комплексов, таких как EnCase, FTK или AFF4, что исключает модификацию исходных данных [4]. При этом должны соблюдаться требования ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности», гаран-

тирующие объективность и научную обоснованность выводов [5].

Особую сложность представляет исследование данных в облачных средах и на зашифрованных носителях. В таких случаях применяются методы криптоанализа или используются дефекты реализации алгоритмов шифрования [6]. Однако принудительное вскрытие шифрования может противоречить ст. 23 Конституции РФ, что требует взвешенного подхода и судебного контроля. Заключение эксперта должно быть четким, логичным и соответствовать критериям допустимости доказательств (ст. 75 УПК РФ). Нередко ошибки возникают из-за некорректной интерпретации технических данных, что подчеркивает необходимость взаимодействия экспертов со следственными органами на ранних этапах расследования [7].

Таким образом, тактика КТЭ должна основываться на комплексном учете технических, процессуальных и этических аспектов. Совершенствование методик, подготовка квалифицированных кадров и межведомственное сотрудничество являются ключевыми направлениями повышения эффективности борьбы с компьютерной преступностью.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 07.06.2025)
2. Звягин Иван Сергеевич, Головчанский Алексей Владимирович Особенности подготовки и назначения судебной компьютерной экспертизы при расследовании преступлений // Вестник ВИ МВД России. 2023. № 2. С. 218.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 N 28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам»
4. Casey E. Digital Evidence and Computer Crime. — Academic Press, 2011.
5. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 N 73-ФЗ (последняя редакция)
6. Зефилов А. С. Криминалистическое исследование цифровых следов. — М.: Проспект, 2020.
7. Майлис Н. П. Судебная экспертиза: теория и практика. — М.: Юрайт, 2019

Оказание государственных услуг как вид административных процедур в системе органов внутренних дел Российской Федерации

Васильев Сергей Георгиевич, слушатель

Научный руководитель: Каплунов Андрей Иванович, доктор юридических наук, профессор
Санкт-Петербургский университет МВД России

В рамках научной статьи, на основе проведенного научного анализа исследован вопрос реализации органами внутренних дел такой административной процедуры, как оказание государственных услуг. Сделаны вывод о современном состоянии процесса реализации, тенденциях и особенностях в данной правоприменительной сфере

Ключевые слова: административная процедура, государственная услуга, население, органы внутренних дел

Специфика реализации и функционирования института государственных услуг в системе органов внутренних дел определяется с учетом нескольких основных факторов.

Во-первых, МВД России — это орган исполнительной власти, обладающий достаточно широкими полномочиями в правоохранительной сфере. Многие государственные услуги оказываются МВД России для упорядо-

чивания и обеспечения подконтрольности общественных отношений в той или иной сферах.

Во-вторых, МВД России оказывает большое количество государственных услуг в самых различных сферах. Речь идет о сферах миграции, дорожного движения, легального оборота наркотических средств, информационно-аналитической деятельности и др. Для каждого вида государственной услуги характерны свои особенности, как с точки зрения оказания, так и в контексте получения.

Приведенные факторы говорят о множественности особенностей реализации и функционирования института государственных услуг в системе органов внутренних дел. Вместе с тем, анализ нормативных правовых актов, правоприменительной практики, а также позиций ученых позволил нам выделить несколько из них.

Первой особенностью видится множественность субъектов оказания государственных услуг органами внутренних дел. В составе ведомства имеется несколько подразделений, которые на постоянной основе оказывают государственные услуги населению. Это подразделения:

- 1) Главного управления по контролю за оборотом наркотиков МВД России;
- 2) Главного управления по вопросам миграции МВД России;
- 3) Главного информационно-аналитического центра МВД России;
- 4) Госавтоинспекции, ГУОБДД МВД России;
- 5) Экспертно-криминалистического центра МВД России.

Каждое подразделение специализируется на оказании государственных услуг определенного вида, в определенной сфере.

Так, подразделения по контролю за оборотом наркотиков МВД России осуществляют оказание государственных услуг в области организации легального оборота наркотических средств.

Подразделения по вопросам миграции МВД России оказывают государственные услуги в паспортно-регистрационной сфере, в сфере трудовой миграции и др.

Подразделения Госавтоинспекции оказывают государственные услуги в области обеспечения безопасности дорожного движения.

Согласимся с авторами, отметившими, что разделение оказания государственных услуг на различные сферы в конечном итоге приводит к их системному упорядочиванию [1]. То есть, цель оказания государственной услуги состоит не только в том, чтобы непосредственно обеспечить доступ к ней конкретного человека и гражданина, но и в том, чтобы упорядочить реализацию общественных отношений в той или иной сфере [4].

Важной особенностью оказания государственных услуг органами МВД России видится обеспечение соответствия данного процесса установленным общим стандартам. Прежде всего, речь идет о тех стандартах, которые установлены ранее упомянутом в работе Законом № 210-ФЗ. Анализ содержания данного нормативного правового акта показывает наличие таких стандартов, как:

1) Принципы оказания государственных услуг, к числу которых относится: правомерность, заявительный порядок, возмездность, открытость, доступность, альтернатива формы получения. Как отмечается в научной литературе, МВД России обеспечивает исполнение функций по оказанию государственных услуг в соответствии с основополагающими началами, установленными в федеральном законодательстве [3];

2) Совокупность требований к оказанию государственных услуг. В основной своей массе такие требования касаются режима предоставления государственных услуг (место, время, сроки и др.), к соблюдению которых стремятся органы внутренних дел [4].

Еще одна особенность — обеспечение оценки гражданами процесса оказания им государственных услуг МВД России. Именно мнение граждан, уровень их удовлетворенности, зачастую, выступает одним из основных показателей состояния деятельности МВД России в области предоставления государственных услуг населению [1].

Правовой основой для осуществления оценки гражданами оказания государственных услуг органами внутренних дел являются: Постановление Правительства Российской Федерации от 12 декабря 2012 г. № 1284 «Об оценке гражданами эффективности деятельности руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (их структурных подразделений) с учетом качества предоставления ими государственных услуг, а также о применении результатов указанной оценки как основания для принятия решений о досрочном прекращении исполнения соответствующими руководителями своих должностных обязанностей» [5], а также Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» [6]. Следует отметить дату принятия указанных нормативных правовых актов — 2012 год, являющуюся, одновременно, годом реорганизации подразделений милиции в полицию. Именно с созданием полиции был взят общий курс на признание мнения граждан в качестве основополагающего критерия определения эффективности работы МВД России, в первую очередь, в области оказания государственных услуг.

Для реализации оценки гражданами, в МВД России созданы соответствующие условия. Так, выразить свое мнение гражданин может посредством:

- 1) Устройств подвижной радиотелефонной связи;
- 2) Терминальных устройств, интегрированных с электронной системой управления очередью;
- 3) Информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

В свою очередь, содержание оценки определяется с учетом соответствующих критериев. Таковых критериев предусмотрено всего пять:

- 1) Время предоставления государственных услуг;
- 2) Время ожидания в очереди при получении государственных услуг;

3) Вежливость и компетентность сотрудника, взаимодействующего с заявителем при предоставлении государственных услуг;

4) Комфортность условий в помещении, в котором предоставлены государственные услуги;

5) Доступность информации о порядке предоставления государственных услуг.

С учетом перечисленных критериев применяется 5-балльная шкала оценки гражданами предоставляемых государственных услуг. С помощью поступившей информации ежеквартально формируется сводная оценка по каждому подразделению территориального органа внутренних дел на районном уровне, предоставляющего государственную услугу в той или иной сфере, которая в последствии направляется в соответствующие федеральный и региональный орган.

МВД России на постоянной основе осуществляется мониторинг уровня удовлетворенности населения качеством оказания государственных услуг. Правовой основой для реализации ведомственных контрольных функций в данной сфере выступает Приказ МВД России от 30 июня 2017 г. № 430 «Об организации и проведении мониторинга качества предоставления государственных услуг в системе МВД России» [7].

В научной литературе высоко оценивается выстроенная в МВД России система оценивания качества и уровня предоставления государственных услуг: «Выстраивание механизма контроля с помощью мониторинга удовлетворенности качеством государственных услуг в системе органов внутренних дел позволит осуществлять систематическое комплексное исследование и анализ те-

кущей практики предоставления государственных услуг, направленные на выявление проблем предоставления государственных услуг, повышение качества их предоставления в соответствии с требованиями, установленными административными регламентами Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственных услуг и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации» [2].

Следующая особенность — возможность оказания государственных услуг в электронном формате. МВД России является активным субъектом предоставления государственных услуг населению в электронном виде, через сервис «Госуслуги». Механизм предоставления государственных услуг в таком формате, в целом, идентичен и не изменяется вне зависимости от того, какой именно государственный орган является субъектом оказания той или иной государственной услуги.

Таким образом, можем указать следующие особенности реализации и функционирование института государственных услуг в системе органов внутренних дел:

- 1) Множественность субъектов оказания государственных услуг органами МВД России;
- 2) Обеспечение соответствия данного процесса установленным общим стандартам;
- 3) Обеспечение оценки гражданами процесса оказания им государственных услуг МВД России;
- 4) Возможность оказания государственных услуг в электронном формате;
- 5) Возможность получения той или иной государственной услуги посредством многофункциональных центров (МФЦ).

Литература:

1. Захарова М. Г. Государственные услуги предоставляемы органами внутренних дел России: особенности правового регулирования, проблемы, тенденции развития / М. Г. Захарова // Всероссийский научный журнал «Вопросы права». — 2023. — № 2. — С. 27–29.
2. Константинов А. В. Оценка гражданами качества государственных услуг, предоставляемых подразделениями по вопросам миграции территориальных органов МВД России / А. В. Константинов // Вестник Московского университета МВД России. — 2020. — № 6. — С. 253–256.
3. Мещерякова Т. В. Государственные услуги, предоставляемые МВД России: структура, задачи, функции / Т. В. Мещерякова, В. И. Арутюнова // Охрана, безопасность, связь. — 2021. — № 6–2. — С. 234–238.
4. Петрушина К. А. Предоставление государственных услуг МВД России через МФЦ / К. А. Петрушина, С. А. Трыканова // Современные технологии в науке и образовании — СТНО-2018: Сборник трудов международного научно-технического форума: в 11 томах, Рязань, 28 февраля — 02 2018 года / Под общ. ред. О. В. Миловзорова. Том 7. — Рязань: Рязанский государственный радиотехнический университет, 2018. — С. 77–83.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 12 декабря 2012 г. № 1284 «Об оценке гражданами эффективности деятельности руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (их структурных подразделений) с учетом качества предоставления ими государственных услуг, а также о применении результатов указанной оценки как основания для принятия решений о досрочном прекращении исполнения соответствующими руководителями своих должностных обязанностей» // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 декабря 2012 г. № 51 ст. 7219.
6. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 19 ст. 2338.
7. Приказ МВД России от 30 июня 2017 г. № 430 «Об организации и проведении мониторинга качества предоставления государственных услуг в системе МВД России» // СПС «Консультант Плюс».

Становление обратной ипотеки в российском праве: анализ проблем и перспективы развития

Велицкая Ангелина Геннадьевна, студент магистратуры
Таганрогский институт управления и экономики (Ростовская область)

Институт обратной ипотеки, представляющий собой специфическую разновидность кредитных отношений, адаптированную к потребностям пожилого населения, приобретает все большую актуальность в контексте демографических изменений и увеличения продолжительности жизни. Позволяя собственникам жилья получать дополнительный доход без необходимости продажи недвижимости, обратная ипотека выступает потенциальным инструментом повышения уровня жизни пенсионеров и обеспечения их финансовой стабильности. Несмотря на свою социальную значимость и экономический потенциал, правовое регулирование обратной ипотеки в Российской Федерации находится на начальной стадии развития, характеризуясь фрагментарностью и отсутствием комплексного подхода.

Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, растущим интересом к обратной ипотеке как к инструменту социальной поддержки пожилых граждан, а с другой — недостаточной разработанностью правовых механизмов, регулирующих данный вид отношений. В юридической литературе тема обратной ипотеки также освещена недостаточно.

Цель настоящей статьи — провести всестороннее исследование института обратной ипотеки с позиций действующего законодательства, выявить проблемы правового регулирования и предложить пути их решения. В рамках исследования будут проанализированы существующие правовые риски для залогодателей и кредиторов, а также сформулированы рекомендации по совершенствованию законодательства в целях развития и эффективного функционирования обратной ипотеки в России.

Согласно статье 1 Федерального закона от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)», ипотека — это залог недвижимого имущества, обеспечивающий обязательство должника по кредитному договору или иному обязательству [1]. Предметом ипотеки могут быть земельные участки, предприятия, здания, сооружения, квартиры и другие объекты, отнесенные законом к недвижимости. Ипотека, таким образом, представляет собой способ обеспечения исполнения обязательства, при котором кредитор (залогодержатель) имеет право получить удовлетворение своих требований из стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами должника (залогодателя).

В отличие от традиционной ипотеки, где заемщик получает денежные средства и обязуется возратить их кредитору вместе с процентами, обратная ипотека предполагает иной порядок расчетов. В рамках обратной ипотеки

собственник недвижимости (залогодатель), как правило, пожилого возраста, передает свою недвижимость в залог кредитору (обычно банку) и получает взамен регулярные платежи или единовременную сумму. Погашение кредита и начисленных процентов происходит после смерти залогодателя или иного предусмотренного договором события (например, переезд в дом престарелых) за счет реализации заложенной недвижимости.

Недостаточность пенсионного обеспечения для покрытия потребностей пожилых граждан в России актуализирует поиск дополнительных источников финансирования. В условиях ограниченных возможностей для трудовой деятельности и зачастую отсутствия поддержки со стороны родственников, пожилые люди сталкиваются с серьезными финансовыми трудностями. Существующие механизмы, такие как договор пожизненной ренты с иждивением и краткосрочные потребительские кредиты, не в полной мере решают проблему, создавая потребность в развитии альтернативных инструментов, одним из которых является обратная ипотека.

Так, сравнительный анализ обратной ипотеки и пожизненной ренты с иждивением, регулируемой статьями 583–605 ГК РФ, выявляет как сходства, так и принципиальные различия. Сходство заключается в том, что оба механизма предполагают получение пожилым человеком регулярных платежей в обмен на жилье, при сохранении права пожизненного проживания. Различие состоит в характере возникающих правоотношений и объеме обязательств. Рента с иждивением, согласно ст. 583 ГК РФ, предполагает более широкие обязательства плательщика ренты (физического или юридического лица), включающие не только денежные выплаты, но и обеспечение ухода, питания и медицинской помощи, что фактически представляет собой индивидуализированный комплекс услуг. Более того, рента с пожизненным содержанием относится к алеаторным сделкам, где продолжительность жизни получателя ренты напрямую влияет на объем предоставляемых услуг, а личность плательщика ренты имеет существенное значение. Обратная же ипотека — преимущественно кредитный продукт, где плательщиком выступает банк, обязательства которого ограничены выплатой денежных средств (аналогично займу, ст. 807 ГК РФ), а погашение осуществляется после смерти залогодателя за счет реализации заложенного имущества. Размер платежей по обратной ипотеке потенциально выше, чем по ренте, что связано с более высокой ликвидностью ипотечного продукта.

Недостаточность существующих механизмов обусловлена рядом причин. Рента с иждивением, в силу своей

персонализированности, зависит от добросовестности плательщика, и в случае неисполнения обязательств плательщику ренты приходится прибегать к судебной защите, что является длительной и затратной процедурой. Кроме того, рента с иждивением может быть не приемлема для лиц, предпочитающих самостоятельно распоряжаться своими средствами. Краткосрочные потребительские кредиты для пожилых граждан зачастую недоступны из-за жестких требований банков (подтверждение дохода, возрастные ограничения). Высокие процентные ставки и короткие сроки погашения создают дополнительную финансовую нагрузку. Обратная ипотека же, потенциально, обеспечивает более высокие платежи по сравнению с рентой, сохранение права собственности и проживания в жилье, отсутствие бремени ежемесячных платежей и большую прозрачность условий договора. Таким образом, развитие обратной ипотеки в России как альтернативного механизма финансовой поддержки пожилых граждан представляется целесообразным и социально значимым.

Первый опыт внедрения обратной ипотеки в России связан с инициативой Агентства по ипотечному жилищному кредитованию (АИЖК), ныне ДОМ.РФ. В 2012 году АИЖК запустило пилотный проект «Обратная ипотека», который, по сути, представлял собой программу пожизненной ренты с ипотечным покрытием [2]. Отсутствие специального закона об обратной ипотеке вынуждало использовать существующие правовые конструкции, такие как договор ренты, предусмотренный главой 33 Гражданского кодекса РФ. Однако договор ренты не в полной мере отвечает специфике обратной ипотеки, что создавало ряд сложностей. В частности, отсутствовал механизм регулирования вопросов, связанных с оценкой недвижимости, размером ренты, правами наследников и т. д.

Однако пилотный проект АИЖК не получил широкого распространения в силу ряда причин, среди которых:

- 1) Низкая информированность населения: многие пожилые граждане не были знакомы с институтом обратной ипотеки и с его потенциальными преимуществами.
- 2) Недостаточная гибкость условий программы: стандартные условия договора не всегда учитывали индивидуальные потребности залогодателей.
- 3) Отсутствие четкой правовой базы: использование договора ренты в качестве основы для обратной ипотеки создавало правовую неопределенность и повышало риски для участников.
- 4) Социально-психологические факторы: для многих пожилых людей передача жилья в залог ассоциируется с потерей собственности и вызывает недоверие.

Несмотря на ограниченный успех пилотного проекта, он сыграл важную роль в становлении обратной ипотеки в России. Опыт АИЖК позволил выявить основные проблемы и препятствия на пути развития этого института, а также накопить практический опыт, необходимый для дальнейшего совершенствования механизмов обратной ипотеки. Разработка эффективной модели обратной ипо-

теки, адекватной российским реалиям и обеспечивающей защиту прав всех участников, остается актуальной задачей.

Об обратной ипотеке, как о самостоятельном финансовом инструменте, начали говорить с начала 1961 г. в США [3]. В США также предусмотрена и возможность участия государства при реализации данного инструмента.

Опыт зарубежных стран демонстрирует эффективность обратной ипотеки как инструмента повышения уровня жизни пожилого населения и стимуляции экономического роста. Анализ международной практики свидетельствует о положительном влиянии обратной ипотеки на динамику потребления среди пожилых людей, что способствует общему экономическому развитию. Внедрение данного механизма может служить катализатором развития ипотечного рынка и рынка недвижимости в целом. Особую актуальность обратная ипотека приобретает в контексте демографических тенденций, характеризующихся увеличением доли пожилого населения. Россия, с долей лиц пожилого возраста, достигающей 25 % от общей численности населения, входит в число стран, где развитие института обратной ипотеки представляется перспективным направлением социальной политики и может способствовать решению задач, связанных с обеспечением финансовой безопасности пожилых граждан [4, с. 264].

Реализация обратной ипотеки, несмотря на ее потенциальные преимущества, сопряжена с рядом рисков, требующих тщательного анализа и разработки механизмов минимизации. Можно выделить следующие категории рисков:

1. Рыночные риски. Данная категория объединяет риски, обусловленные нестабильностью рынка недвижимости. Ключевой риск заключается в снижении ликвидационной стоимости объекта недвижимости на момент его реализации (после прекращения договора). В случае существенной отрицательной динамики цен вырученных от продажи актива средств может оказаться недостаточно для полного покрытия обязательств перед кредитором, включая накопленные проценты. Это особенно актуально в периоды экономических спадов.
2. Финансовые риски. К ним относятся риски, связанные с изменением процентных ставок, инфляцией. Рост процентных ставок может увеличить общую сумму задолженности, а инфляция — снизить реальную стоимость получаемых заемщиком платежей.
3. Правовые риски. Несовершенство законодательной базы и недостаточная правовая защита заемщиков могут создать условия для злоупотреблений со стороны кредиторов. Сюда относятся риски, связанные с некорректной оценкой недвижимости, навязыванием дополнительных услуг и неправомерным обращением взыскания на заложенное имущество.
4. Социальные риски. Обратная ипотека может создать потенциальные проблемы для наследников, которые

могут лишиться права наследования недвижимости или получить ее с обременением в виде непогашенного кредита [5, с. 249].

Адекватная оценка и управление указанными рисками являются необходимым условием для успешного внедрения и функционирования системы обратной ипотеки в России. Это потребует разработки соответствующих правовых механизмов, финансовых инструментов и информационно-просветительской работы с населением.

Для достижения желаемого социально-экономического эффекта от внедрения обратной ипотеки в России необходимо комплексное совершенствование существующих предложений с учетом выявленных недостатков. Предлагаются следующие меры:

1. Разработка и принятие специализированного законодательства об обратной ипотеке. Данный нормативный акт должен четко регламентировать правовой статус участников сделки (заемщика, кредитора, наследников), установить предельно допустимые параметры кредитного договора (процентные ставки, сроки, размер платежей), а также предусмотреть механизмы государственной гарантии исполнения обязательств сторонами, минимизируя риски как для заемщиков, так и для кредиторов.

2. Создание системы контроля и надзора за рынком обратной ипотеки. В целях предотвращения мошенничества и защиты прав пожилых заемщиков целесообразно создать специализированный орган государственного надзора, осуществляющий мониторинг рынка обратной

ипотеки, контроль за деятельностью кредитных организаций, а также предоставляющий консультационную поддержку пожилым гражданам по вопросам обратной ипотеки. Возможно рассмотреть вариант вовлечения существующих социальных служб в процесс контроля за соблюдением прав заемщиков.

3. Разработка государственных программ поддержки обратной ипотеки. Для повышения доступности обратной ипотеки для пожилых граждан необходимо разработать систему льгот и преференций, включая субсидирование процентных ставок, компенсацию расходов на страхование и оценку имущества, а также предоставление бесплатной юридической помощи. Это позволит снизить финансовую нагрузку на заемщиков и сделать обратную ипотеку более привлекательным инструментом улучшения материального положения пожилых граждан.

В заключение следует отметить, что институт обратной ипотеки представляет собой перспективный механизм решения актуальных социально-экономических проблем, связанных с обеспечением финансовой стабильности пожилого населения и стимулированием экономической активности. Только посредством комплексного подхода, ориентированного на системное минимизирование выявленных рисков, возможно обеспечить успешную трансформацию обратной ипотеки из чисто теоретической концепции в практически реализуемый инструмент, способствующий повышению финансовой устойчивости лиц пожилого возраста.

Литература:

1. Федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)». — Текст: электронный // Официальный Интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации» URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения — 01.07.2025).
2. Обратная ипотека: перспективы и опыт внедрения в России. — Текст: электронный // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/> (дата обращения — 01.07.2025).
3. Moulton S., Haurin D. R., Shi W. An analysis of default risk in the Home Equity Conversion Mortgage (HECM) — Text: Electronic // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2468247 (date of treatment — 02.07.2025).
4. Прокофьева, Е.Н., Жукович, В. В. Развитие института прямой и обратной ипотеки: оценка проблем и поиск оптимальных механизмов функционирования. — Текст: непосредственный // В сборнике: общество и экономика знаний, управление капиталами: цифровая экономика знаний. Материалы XII Международная научно-практическая конференция. Краснодар. — 2022. — С. 261–267.
5. Семенюк, А. Г. Специфические риски обратной ипотеки. — Текст: непосредственный // В сборнике: Формирование страховой культуры: финансовое просвещение и ответственный бизнес. Сборник трудов XXV Международной научно-практической конференции. Москва. — 2024. — С. 247–251.

Правовая природа договора ипотеки по российскому законодательству

Велицкая Ангелина Геннадьевна, студент магистратуры
Таганрогский институт управления и экономики (Ростовская область)

Институт ипотеки, являясь одним из ключевых элементов гражданского оборота, играет существенную роль в обеспечении стабильности и эффективности эко-

номических отношений. Закрепляя право кредитора обратить взыскание на заложенное имущество в случае неисполнения должником обеспеченного ипотекой обя-

зательства, ипотека стимулирует исполнение договорных обязательств и снижает риски кредитования. Вместе с тем, сложность и многогранность данного правового института обуславливают неоднозначность его трактовки и порождают дискуссии относительно его правовой природы. Различные подходы к пониманию сущности ипотеки, предлагаемые отечественными правоведами, требуют детального анализа и сопоставления для формирования целостного представления об этом важном инструменте обеспечения обязательств.

Данная статья посвящена исследованию правовой природы ипотеки, рассмотрению различных точек зрения на ее сущность, а также анализу особенностей и преимуществ ипотеки как вида залога. В работе будут рассмотрены мнения ведущих ученых-цивилистов, проанализированы нормы действующего законодательства, регулирующие ипотечные отношения, и сформулированы выводы относительно правовой природы договора ипотеки по российскому законодательству.

Анализ понятия ипотеки, закрепленного в Федеральном законе от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)», позволяет констатировать ее имущественно-обеспечительный характер, где акцент делается на стоимостной, а не вещной составляющей обремененного объекта недвижимости [1]. Для залогодержателя приоритетным является удовлетворение кредитного требования, а не приобретение права собственности на предмет ипотеки. Это коррелирует с нормой п. 1 ст. 349 Гражданского кодекса Российской Федерации, предусматривающей удовлетворение требований залогодержателя преимущественно из стоимости заложенного имущества [2]. Данное положение отличает ипотеку от залога движимых вещей, где удовлетворение интереса залогодержателя зачастую связано с реализацией самого заложенного объекта. В контексте ипотеки недвижимость выступает инструментом обеспечения исполнения обязательства, а не конечной целью кредитора.

Исходя из определения ипотеки можно выделить следующие характерные признаки.

1. Первостепенным является ее обеспечительная функция: ипотека служит инструментом гарантирования исполнения основного обязательства должником перед кредитором. Целью установления ипотеки выступает удовлетворение требований кредитора за счет стоимости заложенного имущества в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником своих обязательств. При этом подчеркивается акцессорная природа ипотеки, выражающаяся в ее производности от основного обязательства, будь то кредитный договор, договор займа или иной тип обязательственного правоотношения. Существование ипотеки неразрывно связано с обеспечением исполнения основного обязательства, ее юридическая судьба (прекращение, изменение) напрямую зависит от судьбы обеспечиваемого обязательства.

2. Предмет залога — недвижимость. В отличие от других форм залога, ипотека применяется исключительно

к недвижимым объектам, таким как земельные участки, здания, сооружения, квартиры и иные объекты недвижимости.

3. Сохранение владения залогодателем. Особенностью ипотеки является то, что объект залога остается в пользовании и владении залогодателя на протяжении всего срока действия договора.

4. Необходимость государственной регистрации. Для вступления ипотеки в юридическую силу ее необходимо зарегистрировать в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним. Без регистрации ипотека считается недействительной, такой договор считается ничтожным.

5. Приоритетность права удовлетворения требований. Кредитор, в чью пользу установлена ипотека, получает право преимущественного удовлетворения своих требований за счет стоимости заложенного имущества по сравнению с другими кредиторами.

6. Следование права залога за предметом ипотеки. Право ипотеки на недвижимое имущество сохраняется в случае изменения собственника данного имущества, что является отличительной чертой ипотечных обязательств.

7. Длительный характер обязательства. Ипотечные сделки часто связаны с длительными временными периодами, что обусловлено как сроком исполнения обеспечиваемого обязательства (например, кредита), так и природой долговременной инвестиции в недвижимость [3, с. 130].

Эти признаки определяют сущность ипотеки как специфического вида залога и обуславливают ее выделение в отдельную правовую конструкцию. Несмотря на то, что договор ипотеки тесно связан с договором купли-продажи или кредитования, по которому приобретает недвижимость, ипотека не теряет своей самостоятельности. Особенности договора ипотеки проявляются в наличии у него собственного предмета — недвижимости, и в необходимости государственной регистрации, которая служит моментом возникновения ипотеки как права. Именно регистрация закрепляет залоговое право кредитора на конкретный объект недвижимости и обеспечивает публичность сделки, минимизируя риски для всех участников.

Некоторые цивилисты рассматривают ипотеку как самостоятельный договор, не относящийся к залогу. Они аргументируют это спецификой предмета ипотеки и особым порядком её оформления [4, с. 61]. Однако, такое мнение представляется неверным, поскольку ипотека сохраняет все существенные признаки залога, а именно: обеспечительный характер, акцессорную связь с основным обязательством, право следования и право преимущественного удовлетворения требований залогодержателя. Именно наличие этих признаков позволяет однозначно квалифицировать ипотеку как разновидность залога, адаптированную к особенностям оборота недвижимости. Отсутствие передачи владения залогодержателю не меняет сути залогового правоотношения, а лишь отражает специфику предмета залога.

Между тем, важно отметить, что ипотека является сложным правовым институтом, который сочетает в себе элементы как вещного, так и обязательственного права. Этот дуализм обусловлен взаимодействием двух аспектов: привязкой к конкретному объекту недвижимости (вещный аспект) и ее обеспечительной функцией (обязательственный аспект).

Вещно-правовая составляющая ипотеки проявляется, во-первых, в принципе следования: при переходе права собственности на обремененное имущество к другому лицу, ипотека сохраняется, обеспечивая залогодержателю возможность удовлетворения своих требований независимо от смены собственника. Во-вторых, залогодержатель имеет право использовать вещно-правовые способы защиты, например, виндикационный иск для восстановления владения в случае незаконного изъятия заложенного имущества. При этом один из известных дореволюционных правоведов Г. Ф. Шершеневич в своих трудах указывал, что залоговое право является вещным правом и относится к правам на чужую вещь [5, с. 243].

Обязательственно-правовой аспект ипотеки проявляется, прежде всего, в ее неразрывной связи с основным обязательством. Ипотека устанавливается для обеспечения исполнения обязательства, чаще всего возникающего из кредитного договора. Эта зависимость связывает ипотеку с правами и обязанностями сторон основного договора, определяя ее акцессорный характер. Кроме того, возможность установления ипотеки на имущественные права, например, право аренды, также подчеркивает обязательственную природу данного института. Имущественные права, традиционно рассматриваемые в рамках обязательственного, а не вещного права, могут выступать объектом ипотеки, что свидетельствует о ее тесной связи с обязательственными отношениями [6].

Анализ судебной практики, в частности, пункта 9 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2017), позволяет углубить понимание правовой природы ипотеки [7]. Рассмотренный Верховным Судом казус, связанный с иском о прекращении ипотеки в связи с расхождением между фактическим состоянием объекта и его описанием в договоре, демонстрирует ключевые аспекты применения ипотечного законодательства. Верховный Суд, отклоняя доводы истца о прекращении ипотеки вследствие изменения характеристик объекта, исходит из следующих принципиальных положений.

Во-первых, ипотека, являясь способом обеспечения обязательства, не является сделкой по отчуждению и не влечет автоматического перехода права собственности.

Во-вторых, изменение предмета ипотеки (например, реконструкция здания) само по себе не прекращает ипотеку. Верховный Суд, ссылаясь на подпункт 3 пункта 2 статьи 352 ГК РФ, разъясняет, что прекращение ипотеки вследствие гибели или уничтожения предмета залога не применимо к случаям конструктивных изменений. Такие изменения не приводят к «гибели» объекта в юридиче-

ском смысле. Более того, закон не обязывает стороны вносить изменения в договор ипотеки и регистрировать их в случае изменения характеристик объекта.

В-третьих, при ипотеке земельного участка залог распространяется на находящиеся или возводимые на нем строения (пункт 1 статьи 64 Закона об ипотеке, пункт 4 статьи 340 ГК РФ). Этот принцип единства судьбы земельного участка и расположенных на нем объектов подчеркивает неразрывную связь ипотеки земли и строений. Следовательно, прекращение ипотеки дома не влечет автоматического прекращения ипотеки земельного участка.

Таким образом, Верховный Суд, акцентируя внимание на обеспечительной функции ипотеки и принципе единства судьбы земельных участков и строений, формирует правовую позицию, направленную на стабильность ипотечных отношений и защиту интересов залогодержателя. Изменение характеристик заложенного объекта не является достаточным основанием для прекращения ипотеки, если сам объект сохраняется как таковой и продолжает выполнять свою экономическую функцию.

Исследование правовой природы ипотеки в российском законодательстве позволяет заключить, что данный институт представляет собой сложное правовое явление, сочетающее в себе элементы как вещного, так и обязательственного права.

Российская гражданско-правовая теория обычно рассматривает ипотеку в контексте вещных прав из-за ее природы и основного предназначения как механизма, обеспечивающего обязательства через создание обременения на недвижимое имущество. Акцент на вещно-правовой аспект позволяет эффективно защищать права залогодержателя, особенно в случае смены собственника недвижимости. С другой стороны, ипотека неразрывно связана с основным обязательством, существование которого является необходимым условием для ее возникновения и действия, что подчеркивает ее обязательственно-правовой аспект. Именно эта двойственность позволяет ипотеке эффективно выполнять свою обеспечительную функцию, способствуя развитию кредитования и рынка недвижимости.

Таким образом, исследование нескольких точек зрения позволило сделать вывод, что ипотека является сложным правовым институтом, который сочетает в себе элементы как вещного, так и обязательственного права. Признание двойственной природы ипотеки не только отражает сложность регулируемых ею отношений, но и позволяет наиболее полно учесть все нюансы практики ипотечного кредитования, обеспечивая баланс интересов всех участников данных отношений. Дальнейшее развитие ипотечного законодательства должно учитывать эту двойственную природу, стремясь к оптимизации баланса между вещно-правовыми и обязательственно-правовыми элементами для повышения эффективности ипотеки как инструмента обеспечения обязательств и стимулирования экономического роста.

Литература:

1. Федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)». — Текст: электронный // Официальный Интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения — 10.07.2025).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ, часть третья от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ и часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ). — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.07.2025).
3. Алмакаев, Д. Н. Правовая характеристика договора об ипотеке. — Текст: непосредственный // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2021. — № 3. — С. 130–132.
4. Хотянович, Р. Р. Правовое регулирование договора ипотеки в Российской Федерации. — Текст: непосредственный // Вестник магистратуры. — 2021. — № 6–1 (117). — С. 60–61.
5. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права в 2 т. Том 2. Особенная часть / Г. Ф. Шершеневич. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 450 с. — Текст: непосредственный.
6. Васильева, А. К. Правовая природа ипотеки — разновидности залога // Студенческий: электрон. научн. журн. 2022. № 35(205). — Электронная версия печатной публикации. — URL: <https://sibac.info/journal/student/205/267643>(дата обращения: 10.07.2025).
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017) (ред. от 26.04.2017). — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.05.2025).

Сложности правового регулирования размещения наружной рекламы на встроенно-пристроенных помещениях многоквартирных домов

Волкова Мария Маизеровна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье исследуются практические аспекты правового регулирования размещения наружной рекламы на встроенно-пристроенных помещениях многоквартирных домов. Рассматриваются критерии относимости места размещения рекламной конструкции к общему имуществу многоквартирного дома. Особое внимание уделяется проблеме противоречий между сведениями Единого государственного реестра недвижимости и различной учетной документацией. На основе анализа судебной практики выявляются подходы к определению правового режима размещения рекламных конструкций в зависимости от конструктивных особенностей встроенно-пристроенных помещений и их функциональной связи с многоквартирным домом.

Ключевые слова: наружная реклама, встроенно-пристроенное помещение, размещение рекламной конструкции, многоквартирный дом

Размещение рекламной конструкции на встроенно-пристроенном помещении к многоквартирному дому представляет собой сложный правовой и технический вопрос, находящийся на стыке жилищного, гражданского и рекламного законодательства. Данная проблематика характеризуется рядом специфических особенностей, обусловленных двойственной правовой природой встроенно-пристроенных помещений и необходимостью разграничения различных правовых режимов элементов многоквартирного дома.

Содержание понятия встроенно-пристроенное помещение в Своде правил раскрывается следующим образом: «помещение, располагаемое в габаритах многоквартир-

ного здания в объемах, вынесенных за внешний контур жилого здания более чем на 1,5 м» [2].

Встроенно-пристроенные помещения к многоквартирному дому представляют собой нежилые помещения, конструктивно связанные с жилым зданием, но имеющие отличное от жилого здания функциональное назначение. Данные помещения могут располагаться как внутри основного объема здания (встроенные), так и примыкать к нему (пристроенные). Правовой статус таких помещений определяется комплексом нормативных правовых актов, включая Жилищный кодекс Российской Федерации, Градостроительный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О рекламе».

Ключевым вопросом при размещении рекламной конструкции на встроенно-пристроенном помещении является определение принадлежности конкретной части здания, на которой планируется размещение рекламной конструкции, к общему имуществу собственников помещений в многоквартирном доме либо к индивидуальной собственности владельца встроенно-пристроенного помещения. Данное разграничение имеет принципиальное значение для определения субъекта, уполномоченного давать согласие на установку рекламной конструкции.

Согласно части 1 статьи 36 Жилищного кодекса Российской Федерации, к общему имуществу собственников помещений в многоквартирном доме относятся помещения, не являющиеся частями квартир и предназначенные для обслуживания более одного помещения в данном доме, в том числе крыши, ограждающие несущие и ненесущие конструкции данного дома, механическое, электрическое, санитарно-техническое и иное оборудование, находящееся в данном доме за пределами или внутри помещений и обслуживающее более одного помещения.

При заключении договора на размещение рекламы, первоочередной задачей выступает определение правового статуса места установки рекламной конструкции, в частности, установление факта принадлежности данного места к общему имуществу многоквартирного дома. Данный вопрос имеет принципиальное значение для определения надлежащего субъекта, уполномоченного на заключение договора, а также для установления порядка согласования размещения рекламной конструкции. Квалификация места установки рекламной конструкции в качестве части общего имущества многоквартирного дома осуществляется на основе комплексного анализа технической и правоустанавливающей документации. Проектная документация на многоквартирный дом выступает первичным источником информации о составе общего имущества, поскольку содержит сведения о конструктивных элементах здания, инженерных системах и помещениях, предназначенных для обслуживания более одного помещения в данном доме. Анализ проектной документации позволяет установить первоначальное функциональное назначение различных элементов здания и определить их принадлежность к общему имуществу. Акты приемки многоквартирного дома в эксплуатацию представляют собой документы, фиксирующие фактическое состояние объекта на момент завершения строительства и начала его использования по назначению. Данные акты содержат информацию о соответствии построенного объекта проектной документации и позволяют выявить возможные отклонения от первоначального проекта, влияющие на состав общего имущества. Анализ актов приемки дома в эксплуатацию имеет существенное значение для определения фактического состава общего имущества, особенно в случаях, когда в процессе строительства были внесены изменения в проектные решения.

Результаты технических экспертиз представляют собой профессиональные заключения о конструктивных

особенностях здания и функциональном назначении его отдельных элементов. Данные документы имеют особое значение в спорных случаях, когда на основании проектной документации и актов приемки невозможно однозначно определить принадлежность конкретного элемента здания к общему имуществу. Техническая экспертиза позволяет установить, предназначен ли данный элемент для обслуживания более одного помещения в многоквартирном доме, что является ключевым критерием отнесения имущества к общему согласно жилищному законодательству.

Так, в рамках рассмотрения одного из дел судами были приняты во внимание выводы эксперта, подтвержденные иными имеющимися в деле доказательствами, относительно характера связи встроенно-пристроенного нежилого помещения, принадлежащего предпринимателю, с многоквартирным домом. Данные выводы основывались на комплексном анализе технических характеристик объекта и его взаимосвязи с инженерными системами здания. Речь, в частности, шла о наличии дверного проема в магазине, через который осуществляется проход в помещение магазина, расположенное внутри многоквартирного дома. Кроме того, отопление нежилого помещения осуществляется от системы отопления многоквартирного дома (подающий и обратный трубопровод подключены к вводу в многоквартирный дом); электроснабжение нежилого помещения осуществляется силовым кабелем от системы электроснабжения многоквартирного дома (от точки ввода электроэнергии в многоквартирный дом); пристроенная часть нежилого помещения (магазина) не оснащена системой водоснабжения, соответственно водоснабжение всего магазина (как встроенной, так и пристроенной части) осуществляется от системы водоснабжения многоквартирного дома [4].

Сложившаяся судебная практика ориентирует на комплексный подход к определению правового статуса помещений в многоквартирном доме, учитывающий не только формальные критерии, но и функциональное назначение объектов. Вопрос отнесения конкретного помещения к общему имуществу многоквартирного дома решается судами на основе совокупности факторов, включающих технические характеристики объекта, наличие в нем инженерных коммуникаций, а также возможность его использования в качестве самостоятельного объекта гражданских прав. Ключевым критерием, определяющим возможность отнесения помещения к общему имуществу многоквартирного дома, выступает его функциональное назначение, в частности, возможность использования помещения в качестве самостоятельного объекта гражданских прав. Судебная практика исходит из того, что помещения, которые по своим техническим характеристикам могут быть использованы в качестве самостоятельных объектов (для проживания, коммерческой деятельности, хранения и т. д.), не подлежат отнесению к общему имуществу при наличии в них отдельных элементов общедомовых инженерных систем [1].

Таким образом, именно наличие технологической и конструктивной интеграции нежилого помещения в структуру многоквартирного дома создало в рассматриваемой ситуации предпосылки для квалификации фасада помещения как элемента общего имущества, требующего согласия всех собственников помещений в многоквартирном доме для размещения рекламных конструкций.

Документы о праве собственности, включая свидетельства о государственной регистрации права, выписки из Единого государственного реестра недвижимости, договоры приватизации жилых помещений, также имеют существенное значение для определения состава общего имущества многоквартирного дома. Данные документы содержат информацию о границах объектов индивидуальной собственности и позволяют методом исключения определить имущество, не входящее в состав индивидуальных объектов и, следовательно, относящееся к общему имуществу.

В случае расхождения (противоречия) сведений о составе общего имущества, содержащихся в различных источниках информации, законодательством установлена определенная иерархия достоверности данных источников. Сведения, содержащиеся в Едином государственном реестре недвижимости, обладают приоритетом по отношению к информации, представленной в документации государственного технического учета, бухгалтерского учета управляющих или иных организаций, а также в технической документации на многоквартирный дом. Данный принцип, обусловленный особым правовым статусом единого государственного реестра как государственной информационной системы, содержащей достоверные сведения об объектах недвижимости и зарегистрированных правах на них, получил свое отражение в Постановлении Правительства Российской Федерации от 13.08.2006 № 491 «Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме...» [5].

Особый правовой статус таких сведений обусловлен положениями Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости», согласно которым государственная регистрация прав на недвижимое имущество является единственным доказательством существования зарегистрированного права. Данный принцип обеспечивает стабильность гражданского оборота и защиту прав добросовестных приобретателей недвижимого имущества, полагающихся на достоверность сведений государственного реестра.

Практическое значение приоритета сведений единого государственного реестра недвижимости проявляется

при разрешении споров о правомерности размещения рекламных конструкций на элементах многоквартирного дома. В случае, когда документация государственного технического учета или техническая документация на многоквартирный дом содержит информацию о принадлежности определенного элемента здания к общему имуществу, а сведения единого государственного реестра недвижимости свидетельствуют о наличии зарегистрированного права индивидуальной собственности на данный элемент, приоритет имеют сведения единого государственного реестра недвижимости. Аналогичным приоритетом по мнению судов обладают сведения из единого государственного реестра недвижимости относительно расположенных в многоквартирном доме жилых и нежилых помещений [3].

Таким образом, судебная практика последовательно подтверждает, что при разрешении споров о правомерности использования элементов многоквартирного дома для размещения рекламных конструкций, информация из Единого государственного реестра недвижимости имеет приоритет над данными технического учета, бухгалтерской документации управляющих организаций и иными источниками сведений о составе общего имущества. Данный подход обеспечивает единообразие правоприменительной практики и создает предсказуемую правовую среду для участников рынка наружной рекламы.

Исходя из вышесказанного, можно выделить следующие варианты размещения рекламных конструкций на встроенно-пристроенных помещениях к многоквартирному дому:

1. Размещение рекламной конструкции на наружной стене встроенного помещения, являющейся одновременно фасадом многоквартирного дома. В данном случае стена относится к общему имуществу собственников помещений в многоквартирном доме, ввиду чего, для установки на ней рекламной конструкции необходимо согласие собственников помещений в многоквартирном доме, полученное в установленном действующим жилищным законодательством порядке;

2. Размещение рекламной конструкции на наружной стене или любой иной части пристроенного помещения, не являющейся ограждающей конструкцией многоквартирного дома. В таком случае для установки рекламной конструкции на индивидуальной собственности владельца встроенно-пристроенного помещения будет достаточно его согласия.

Литература:

1. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.04.2025 № 306-ЭС24-22309 по делу № А65-2114/2023 // Документ опубликован не был, доступ получен из справочно-правовой системы КонсультантПлюс <https://consultant.ru> (дата обращения: 01.10.2025).
2. Свод правил 54.13330.2022 «СНиП 31-01-2003 Здания жилые многоквартирные» // Официальный сайт Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <https://minstroyrf.gov.ru/docs/223332> (дата обращения: 02.10.2025).

3. Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.09.2025 № 20АП-3090/2025 по делу № А68–9501/2024 // Справочно-правовая система КонсультантПлюс (дата обращения: 03.10.2025).
4. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 10.06.2025 № Ф09–1413/25 по делу № А60–10136/2023 // Справочно-правовая система КонсультантПлюс (дата обращения: 03.10.2025).
5. Постановление Правительства РФ от 13.08.2006 № 491 «Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и правил изменения размера платы за содержание жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность» // Собрание законодательства Российской Федерации. — № 34. — 2006. — ст. 3680.

История развития института возмещения убытков в Российской Федерации

Гилязетдинов Эльдар Фаридович, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

Статья посвящена анализу истории развития института возмещения убытков в России. Цель статьи — выявить эволюцию понятийного аппарата, состава убытков и доказательных стандартов, а также определить их современную конфигурацию. Методология включает историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-юридический методы, анализ законодательства и судебной практики. Показано, что дореволюционная доктрина сформировала компенсационное ядро (разграничение убытков и штрафа, принцип полного возмещения), советский период придал ему нормативно-плановый характер, а реформы 2013–2015 гг. закрепили современные инструменты расчёта и распределения рисков (ст. 393.1, 406.1 ГК РФ). Научная новизна состоит в целостной реконструкции преемственности и разрывов между этапами.

Ключевые слова: возмещение убытков, гражданско-правовая ответственность, реальный ущерб, упущенная выгода, Русская Правда, дореволюционное гражданское право, советское гражданское право, плановая экономика, Гражданский кодекс РФ, реформа обязательственного права, судебная практика.

History of the development of the institute of loss reimbursement in the Russian Federation

Gilyazetdinov Eldar Faridovich, master's student
Kazan State University named after V.G. Timiryasov

The article is devoted to the analysis of the history of the development of the institution of damages in Russia. The purpose of the article is to identify the evolution of the conceptual framework, the composition of damages, and the evidentiary standards, as well as to determine their current configuration. The methodology includes historical-legal, comparative-legal, and formal-legal methods, as well as the analysis of legislation and judicial practice. It is shown that the pre-revolutionary doctrine formed the compensatory core (the distinction between losses and fines, the principle of full compensation), the Soviet period gave it a regulatory and planned character, and the reforms of 2013–2015 established modern tools for calculating and distributing risks (Articles 393.1 and 406.1 of the Civil Code of the Russian Federation). The scientific novelty lies in the holistic reconstruction of the continuity and gaps between the stages.

Keywords: damages, civil liability, real damage, lost profits, Russkaya Pravda, pre-revolutionary civil law, Soviet civil law, planned economy, Civil Code of the Russian Federation, reform of obligatory law, judicial practice.

Институт возмещения убытков занимает центральное место в системе гражданско-правовой ответственности, поскольку он направлен на восстановление нарушенных имущественных прав участников гражданского оборота. Вопросы возмещения убытков имеют давнюю историю и прошли сложный путь развития в российском праве. На каждом историческом этапе институт возмещения убытков претерпевал значительные изменения под влиянием социально-экономических условий и правовой доктрины.

1. Дореволюционный период: от «Русской Правды» до дореволюционного гражданского законодательства. Формирование института возмещения убытков в России начинается в древнерусских памятниках, где преобладает штрафно-компенсационная логика охраны интересов потерпевшего. «Русская Правда» и последующие судебники закрепляли денежные «уроки» и «виру», совмещая публичное наказание с частной компенсацией и постепенно намечая разграничение между карательной санкцией и возмещением имущественного ущерба. Историко-

правовые обзоры указывают, что в XV–XVI вв. (Судебник 1497 г., Судебник 1550 г.) компенсационные начала получают дальнейшее развитие: наряду со штрафом фиксируется обязанность «платить ущерб», что предвосхищает последующее догматическое различие убытков и штрафа в имперском праве. Эта линия прослежена в исследованиях, сопоставляющих ранние источники с более поздними памятниками законодательства Московского государства [8, с. 8].

В имперский период XVIII–XIX вв. российская доктрина и закон начинают целенаправленно разводить категории «убытки» и «штраф». Архивные и догматические реконструкции показывают, что к концу XVIII в. штраф закрепляется как мера ответственности публично-правового (или квазипубличного) характера, тогда как убытки — как частноправовая компенсация, направленная на эквивалентное восстановление имущественной сферы кредитора. Именно в этот период в правовой лексике и судебной практике кристаллизуется различие между наказанием и возмещением, на что специально указывает историография, анализирующая нормы и правоприменение Российской империи XVIII–XIX вв. [10, с. 145].

Начиная со второй половины XIX в. российское право целенаправленно смещается в сторону принципа полного возмещения, что в дальнейшем воспринято постсоветским законодательством [7, с. 35]. Ключевую роль в доктринальном оформлении института сыграли дореволюционные цивилисты — прежде всего Д. И. Мейер и Г. Ф. Шершеневич. В трудах Мейера, посвящённых обязательственному праву и обеспечению исполнения, возмещение убытков рассматривается как основной и универсальный способ защиты кредитора: неустойка мыслится либо как дополнительное средство обеспечения, либо как стимулирующая замена убытков (по соглашению сторон), но не их отождествление. Последующая доктрина видит в этих построениях фундамент российской модели ответственности, ориентированной на восстановительную функцию [9, с. 39].

Важным рубежом стал Проект Гражданского уложения Российской империи конца XIX — начала XX в. Хотя он не был принят, его тексты аккумулировали и систематизировали дореволюционные подходы: закрепляли принцип полного возмещения, структурировали доказательные стандарты и более последовательно разводили компенсационные и штрафные механизмы. Историко-догматические исследования проекта показывают, что в нём последовательно отражены рецепированные из пандектной традиции конструкции владения и защиты, а также общие положения об обязательствах и убытках, которые затем оказали влияние на советскую и постсоветскую кодификации [16, с. 20].

Итак, дореволюционный период формирует базовые контуры российского института возмещения убытков: 1) переход от смешанной штрафно-компенсационной модели древнерусских памятников к частноправовому механизму эквивалентного возмещения; 2) доктринальное разведение убытков и штрафа в имперском праве; 3) ко-

дификационную фиксацию принципа полного возмещения и элементов гражданско-правовой ответственности; 4) высокую степень систематизации в работах Мейера и Шершеневича; 5) концептуальную идею в Проекте Гражданского уложения, ставшем «мостом» к последующим кодификациям. Эти результаты, в совокупности, предопределили устойчивость компенсационного ядра российского права, которое с модификациями пережило смену государственных формаций.

2. Советский период характеризуется специфическим сочетанием идеологических и экономических факторов, оказывавших существенное влияние на институт возмещения убытков. В научной литературе подчёркивается, что при построении социалистического хозяйства и централизованного планирования классические гражданско-правовые модели компенсации существенно трансформировались [12, с. 35].

Одной из ключевых проблем советского этапа является способ определения размера убытков, особенно тех, которые не могли быть точно просчитаны. А. В. Сятчихин в статье об определении размеров убытков указывает, что в советской практике нередко случаи использования нормативов, аналогичных квазинормативам, и «тарифных» оценок для компенсации ущерба [13, с. 76]. Он также выделяет, что концепция заранее оценённых убытков приобрела в советской практике особую актуальность, хотя и нередко смешивалась с понятием неустойки (штрафной компоненты) [14, с. 50].

При этом в условиях плановой экономики часто отсутствовала строгая рыночная основа для расчёта упущенной выгоды: цены, планы, лимиты устанавливали государственные органы, что затрудняло отделение вполне объективного ущерба от нормативно заданных параметров. Авторы подчёркивают, что это приводило к ситуации, когда компенсация убытков нередко зависела от административной воли, а не исключительно от доказательств [15, с. 171].

Также исследователи отмечают, что правоприменительная практика во многих случаях снижала требования к строгому доказательству причинной связи и вины, заменяя их диспозитивными оценками или нормативными допущениями. Такова была логика, когда полноценное доказывание было трудноосуществимо в централизованной экономике [12, с. 36].

В советской доктрине часто вводились пределы ответственности или «нормативные» лимиты компенсации. Это связано с задачей стабилизации государственных расходов и предотвращением чрезмерных распрей между хозяйствующими субъектами. В статье об ограничении размера убытков А. В. Мякина анализирует, как нормативные ограничения могли быть встроены в договоры, соглашения или отраслевые регламенты, что снижало гибкость компенсационной модели [11, с. 107]. Кроме того, допущения типа «нормативной ответственности» позволяли нормативно определять пределы компенсации даже при отсутствии полного обстоятельного расчёта ущерба.

Это размывало грань между убытками и санкциями. В целом, административно-правовая модель при плановой экономике доминировала над классическим гражданским подходом [18, с. 33].

Таким образом, советский этап представляет собой переходный этап, в котором институт возмещения убытков подстраивался под требования централизованной экономики, пожертвовав частью классической юридической сущности ради управляемости и упрощённости.

3. Современная модель возмещения убытков в России сформировалась на базе кодификации 1994 г. (ч. I Гражданского кодекса Российской Федерации [1]) и серии реформ 2013–2015 гг., существенно уточнивших состав убытков, доказательные стандарты и договорные инструменты распределения рисков. Базовая конструкция — принцип полного возмещения с двучленной структурой «реальный ущерб / упущенная выгода» — закреплена в ст. 15 ГК РФ и сохраняет системообразующее значение для всей ответственности за нарушение обязательств. Конституционно-правовой смысл этой нормы дополнительно разъяснён Конституционным Судом РФ: условием возложения обязанности по компенсации является наличие причинной связи между противоправным поведением и имущественным ущербом; иное подрывало бы гарантии права собственности и справедливости ответственности.

Ключевые новеллы реформ 2015 г. [2] затронули, прежде всего, главу 25 ГК РФ. Во-первых, в ст. 393 ГК РФ введён стандартизированный подход к доказыванию размера убытков: суд не вправе отказывать лишь по мотиву невозможности точно установить сумму — достаточно «разумной степени достоверности»; закреплено и правило о совместимости требований о взыскании убытков с иными способами защиты. Во-вторых, ст. 393.1 ГК РФ ввела специальный режим «замещающей сделки» и «рыночной цены» при прекращении договора: размер подлежащих взысканию убытков определяется через разницу между ценой расторгнутого контракта и ценой эквивалентной сделки (или рыночной стоимостью), а риски ценового движения несёт нарушившая сторона. В-третьих, ст. 406.1 ГК РФ легализовала самостоятельный договорный инструмент — «возмещение потерь» (*indemnity*), позволяющий заранее распределять риски наступления определённых обстоятельств вне модели нарушения обязательства. Эти положения радикально расширили настройки компенсации и повысили предсказуемость оборота.

Пленум Верховного Суда РФ 24.03.2016 № 7 [3] обеспечил доктринально-практическую «сшивку» новелл с общей частью обязательственного права. По ст. 393.1 ГК РФ разъяснено, как соотносить «замещающую» цену и рыночные индикаторы, а также на какую сторону возлагаются ценовые риски при досрочном прекращении дого-

воров. По ст. 406.1 ГК РФ подчеркнута автономность «возмещения потерь»: условие о его применении должно быть сформулировано прямо и недвусмысленно; возмещаются уже понесённые или неизбежные потери при доказанности причинной связи с согласованным «триггером». Эти разъяснения стали опорой для выстраивания единообразной практики и отделения *indemnity* от неустойки и убытков в узком смысле.

Развитие судебной практики последних лет конкретизирует указанные подходы. Верховный Суд в обзорах 2023–2025 гг. [4, 5, 6] подтверждает: а) по п. 5 ст. 393 ГК РФ достаточно разумной определённости размера; б) при применении ст. 393.1 ГК РФ приоритетно используются данные о сопоставимых сделках/рынке на момент прекращения договора; в) по ст. 406.1 ГК РФ допустимость *indemnity* выводится из текста соглашения сторон и требует доказательства связи между наступившим условием и потерями, в том числе будущими, если их неизбежность установлена. Тем самым закрепляется единый стандарт исчисления и доказывания, сочетающий гибкость частной автономии и требования процессуальной добро-совестности.

Системно институт убытков взаимодействует с иными способами защиты и обеспечительными механизмами. Ст. 394 ГК РФ по-прежнему допускает сочетание убытков и неустойки (в части, не покрытой последней), а ст. 395 ГК РФ — специальную ответственность за неисполнение денежного обязательства; при этом реформы сместили акцент с формального «штрафного» подхода к компенсаторному, во многом через стандарты предсказуемости и экономической обоснованности расчётов. В доктрине и правоприменении это проявляется в проверке причинной связи, разумности мер по минимизации ущерба кредитором и корректной работе с рыночными данными, особенно при взыскании упущенной выгоды [17, с. 262].

В итоге постсоветская эволюция института возмещения убытков характеризуется: 1) сохранением принципа полного возмещения (ст. 15 ГК РФ) с его конституционно подтверждёнными границами; 2) внедрением специальных режимов расчёта и распределения рисков (ст. 393.1, 406.1 ГК РФ), ориентированных на практику сложных сделок; 3) закреплением процессуального стандарта «разумной определённости» размера убытков; 4) унификацией судебных подходов, обеспечивающей предсказуемость и договорную автономию участников оборота. Эти изменения придали институту современную экономико-правовую конфигурацию, в которой компенсационная функция сбалансирована с управлением рисками, а доказательные барьеры — с потребностью оборота в восстановлении нарушенного интереса.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. от 13 декабря 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

2. Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 10. — Ст. 1412.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (с изм. от 22 июня 2021 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2016. — № 5.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2023): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 апреля 2023 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.10.2025).
5. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2024): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.10.2025).
6. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2025): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 апреля 2025 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.10.2025).
7. Васильева И. С. Развитие института возмещения убытков в России / И. С. Васильева // Вестник магистратуры. — 2022. — № 4–1. — С.33–36.
8. Видова Т. А., Романова И. Н. К вопросу об эволюционировании института возмещения убытков в законодательных памятниках России / Т. А. Видова и др. // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. — 2022. — № 4 (35). — С.6–12.
9. Гонгало Б. М. Д.И. Мейер и формирование учения об обеспечении обязательств / Б. М. Гонгало // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». — 2019. — Т. 161, кн. 4. — С.37–45.
10. Горбик С. А. К вопросу о соотношении категорий «Убытки» и «Штраф» в законодательстве Российской империи XVIII-XIX веков / С. А. Горбик // Вестник Нижегородской Академии МВД России. — 2012. — № 20. — С.144–146.
11. Мякина А. В. Ограничение размера убытков в гражданском праве / А. В. Мякина // Журнал российского права. — 2005. — С.105–110.
12. Романова И. Н. Убытки в гражданском праве: категориальный аспект и проблемы доказывания / И. Н. Романова // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Юрид. науки. — 2017. — № 4 (13). — С.33–37.
13. Сятчихин А. В. Определение размеров убытков в советском гражданском праве / А. В. Сятчихин // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2016. — Вып. 1(31). — С. 75–79.
14. Сятчихин А. В. Убытки заранее оцененные и статутные: к вопросу о соотношении понятий / А. В. Сятчихин // Образование и право. -2017. — № 1. — С.48–53.
15. Сятчихин А. В. Изменения в порядке определения размеров убытков в гражданском праве в период перестройки / А. В. Сятчихин // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. — 2016. — С.170–175.
16. Томсинов В. А. Владение и его защита в проекте Гражданского уложения Российской империи конца XIX — начала XX века / В. А. Томсинов // Вестник Моск. университета. Серия 11. Право. — 2018. — № 1. — С.5–21.
17. Чупраков А. А. Расторжение гражданско-правового договора и возмещение убытков: сравнительно-правовой анализ / А. А. Чупраков // Теория и практика общественного развития. — 2025. — № 7. — С. 260–266.
18. Шарапова Е. А. Историческое развитие института возмещения убытков в гражданском праве России / Е. А. Шарапова // Вестник науки и образования. — 2024. — С.31–34.

Представительство в уголовном судопроизводстве

Голощанов Максим Денисович, студент
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Представительство как правовой институт в российском уголовном судопроизводстве является одним из важных способов для реализации права на защиту. В то же время институт представительства иностранных граждан является дополнительным и в некоторых случаях основным способом реализации и защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. В данной статье исследуется содержание и субъектный состав института представительства иностранных граждан в уголовном процессе Российской Федерации. Обращается внимание на особенности, которые отличают данный правовой институт от смежных институтов представительства.

Актуальность исследуемой проблематики обусловлена отсутствием целостного и системного научного анализа института представительства иностранных граждан в уголовном процессе. Данное положение обусловлено недостаточной теоретической разработанностью данной темы, а также дефицитом ее практической реализации. В условиях глобализации и увеличения миграционных потоков, вопросы правового статуса иностранных граждан в уголовном судопроизводстве приобретают особую значимость, что требует комплексного подхода к их изучению.

Таким образом, проведение комплексного научного исследования института представительства иностранных граждан в уголовном процессе является необходимым как с теоретической, так и с практической точек зрения. Только на основе тщательного анализа и систематизации имеющихся данных могут быть разработаны эффективные механизмы защиты прав и законных интересов иностранных граждан в уголовном процессе, что будет способствовать укреплению правопорядка и обеспечению справедливости для всех участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: представительство, представитель, иностранный гражданин, уголовное судопроизводство, представитель иностранного гражданина, институт представительства.

В связи с чем, полагаю необходимым в рамках указанной темы, рассмотреть указанный институт более подробно и теоретически обосновать проведенное исследование.

С целью комплексного исследования отдельного института российского права необходимо установить общие признаки, присущие правовому институту как явлению. Отечественные научные деятели к таковым относят: определенную сферу воздействия, комплексность, структурность, систематизацию норм по предмету регулирования, единство и законодательный замысел [1].

Определенная сфера воздействия применительно к институту представительства иностранных граждан в уголовном судопроизводстве охватывает весь комплекс правоотношений, возникающих между субъектами, участвующими в уголовном судопроизводстве. В данную область входят такие процессы, как формирование правосубъектности участников уголовного процесса, их деятельность, а также механизмы реализации их прав, свобод, интересов, полномочий и обязанностей, включая меры ответственности и иные аспекты. Кроме того, данная область включает анализ истории и предпосылок возникновения указанного института, изучение основных тенденций его развития, а также рассмотрение проблемных вопросов и других значимых составляющих.

Комплексность указанного института характеризуется сочетанием совокупности норм, связанных между собой единым предметом регулирования, к которым традиционно относят нормы права, содержащиеся в положениях Конституции Российской Федерации, нормативно-правовых актах Российской Федерации, а также в нормативно-правовых актах международного права, регулирующих уголовно-процессуальное положение иностранных граждан, их правовой статус, процессуальную деятельность, правоприменительную практику, а также закономерности, механизмы и особенности участия иностранных граждан в рамках уголовно-процессуального представительства.

Структурность института представительства иностранных граждан в уголовном судопроизводстве заключается во внутренней логической оформленности института, составными элементами которой являются объекты, субъекты, а также вся полнота правоотношений, возникающих между субъектами.

Институт представительства иностранных граждан в уголовном судопроизводстве представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих общественные

отношения, возникающие в процессе представительства иностранных граждан в рамках уголовного процесса. Эти нормы права систематизированы в соответствии с логикой их применения субъектами правоотношений, начиная с момента их возникновения и заканчивая прекращением. Следует отметить, что нормы, регулирующие данный институт, применяются по аналогии с общими нормами права, регламентирующими правоотношения в смежных институтах представительства. При этом не учитываются специфика и особенности, присущие институту представительства иностранных граждан.

Уголовно-процессуальное право — это отрасль российского права, регулирующая правоотношения участников уголовного процесса, связанная с расследованием, рассмотрением и разрешением уголовных дел. Институт представительства иностранных граждан в уголовном судопроизводстве России является составным элементом данной отрасли права, входящим в ее структуру, и содержит в себе его основные методы, задачи и принципы и не противоречит им.

Таким образом, рассмотрев основные признаки института права по отношению к исследуемому нами институту представительства иностранных граждан, необходимо сделать вывод, что институт представительства иностранных граждан в уголовном процессе России с точки зрения правового института — это комплекс однородных норм права, регулирующих специфические общественные отношения (представительство иностранных граждан), схожих по содержанию, предмету регулирования, сфере воздействия, образующих устойчивую логическую внутреннюю структуру, связанную общим законодательным смыслом.

Однако наряду с общими признаками институту представительства иностранного гражданина в уголовном судопроизводстве присущи и специфические признаки, благодаря которым можно провести отграничение указанного института от смежных.

К таковым признакам традиционно относят:

1. Участие иностранного гражданина в качестве представителя или законного представителя одного из участников уголовного судопроизводства, например, в качестве представителя потерпевшего;
2. Участие иностранного гражданина в качестве одного из участников уголовного судопроизводства, например, в качестве свидетеля или потерпевшего;
3. Наличие у иностранного гражданина, являющегося участником уголовного судопроизводства Российской Федерации, дипломатических и иных уголовно-процессу-

альных иммунитетов от уголовной и уголовно-процессуальной юрисдикции Российской Федерации;

4. Невладение или недостаточное владение языком уголовного судопроизводства Российской Федерации иностранным гражданином, который является участником уголовного судопроизводства;

5. Необходимость учета особенностей личностных характеристик иностранного гражданина, являющегося участником уголовного судопроизводства, которые оказывают влияние в процессе уголовного судопроизводства (например, уровень правосознания, правовой грамотности, вероисповедание, религиозные убеждения, принадлежность к какой-либо социальной группе, традиции, обычаи и т. д.) [3];

6. Наличие особого вида уголовно-процессуального интереса — интерес иностранного государства, иностранной организации в связи с участием в уголовном судопроизводстве Российской Федерации иностранного гражданина (иностранного юридического лица, иностранного государства) [4].

Приведенный выше перечень специфических признаков не является исчерпывающим, что подтверждает многогранность указанного правового института и делает необходимым проведение в отношении него комплексного анализа и исследования.

Указанный институт помимо прочего выделяет специфичность субъекта, а именно наличие иностранного гражданства или же подданства, двойного гражданства, множественного гражданства.

В связи с чем представляемое в уголовном судопроизводстве лицо (доверитель) является лицом, которое в силу тех или иных объективных причин не может лично в полной мере участвовать в уголовном судопроизводстве, в связи с чем нуждается в представительстве его прав, свобод и законных интересов.

Что касается юридических предпосылок к возникновению указанного института, то таковой является недееспособность (полная или относительная) лица, которое в силу своего положения нуждается в дополнительной защите его прав, свобод и законных интересов (ч. 2 ст. 45 УПК РФ). В данном случае имеются в виду следующие обстоятельства: новорожденный, малолетний, несовершеннолетний, пожилой возраст лица, являющегося участником уголовного судопроизводства; физические или психические недостатки лица, в силу которых, участник уголовного судопроизводства признается недееспособным (ограниченно, частично либо полностью) в рамках уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 45 УПК РФ).

Кроме этого к юридическим предпосылкам следует отнести зависимое или беспомощное состояние лица либо иные причины, не позволяющие лицу самостоятельно защищать свои права и законные интересы как участника уголовного судопроизводства (ч. 8 ст. 318 УПК РФ).

Также юридической причиной представительства является обязательное представительство юридического лица в уголовном судопроизводстве, где юридическая форма не позволяет представлять интересы юридиче-

ского лица без физического лица, осуществляющего представительство (ч. 9 ст. 42 УПК РФ).

К числу фактических причин, по которым иностранный гражданин, являясь участником уголовного судопроизводства, нуждается в представительстве, не имея возможности самостоятельно без посторонней помощи осуществлять реализацию своих прав, обязанностей и законных интересов, следует отнести:

1. Невладение или недостаточное владение иностранным гражданином языком уголовного судопроизводства России (ч. 2 ст. 18 УПК РФ);

2. Отсутствие правовой грамотности у иностранного гражданина, незнание положений уголовно-процессуального и уголовного законодательства Российской Федерации [5];

3. Отсутствие у иностранного гражданина возможности получения бесплатной квалифицированной юридической помощи на территории Российской Федерации;

4. Отсутствие у иностранного гражданина возможности получить содействие от правоохранительных органов Российской Федерации в собирании доказательств по делам частного обвинения;

5. Отсутствие у иностранного гражданина на территории Российской Федерации близких родственников, родственников и иных близких лиц, способных оказать необходимую помощь, в том числе материальную, моральную или правовую [2];

6. Нахождение иностранного гражданина в тяжелом материальном положении или в трудной жизненной ситуации;

7. Краткосрочность пребывания иностранного гражданина на территории Российской Федерации, в том числе отсутствие возможности беспрепятственного перемещения по территории государства;

8. Ограниченные сроки уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 6.1 УПК РФ), в том числе по отдельным формам предварительного следствия (ст. 226.6 УПК РФ), судебного разбирательства (ч. 2 ст. 321 УПК РФ);

9. Отсутствие у иностранного гражданина возможности беспрепятственного выезда и въезда на территорию Российской Федерации, в том числе необходимость соблюдения миграционного законодательства России.

В заключение следует отметить, что проведенное исследование особенностей правового регулирования института представительства иностранных граждан в уголовном судопроизводстве Российской Федерации позволяет констатировать его автономность и специфичность в рамках отечественной процессуальной системы. Институт представительства иностранных граждан представляет собой уникальный феномен, обладающий собственной нормативно-правовой базой и функциональными характеристиками, что отличает его от других видов представительства в уголовном процессе.

Таким образом, исследование института представительства иностранных граждан вносит значимый вклад в развитие теории и практики уголовного процесса,

а также способствует формированию более целостного и системного подхода к правовому регулированию данной проблематики. Данный вывод подкрепляется необходимостью совершенствования правовых механизмов, обес-

печивающих эффективную защиту прав и законных интересов иностранных граждан в уголовном судопроизводстве, а также повышения уровня правовой определенности и предсказуемости в данной области.

Литература:

1. Джалилова Е. А. Проблемы определения понятия и сущности института права // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2018. № 2. Т. 1. С. 23; Петров Д. Е. Отрасль права. Саратов: СГАП, 2004. С. 42.
2. Тепленко, А. Н. Особенности содержания института представительства иностранных граждан в уголовном судопроизводстве Российской Федерации / А. Н. Тепленко // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2025. — № 2(59). — С. 80–88.
3. Фойгель, Е. И. Концептуальные основы криминалистического изучения этнических характеристик личности и практика их реализации в расследовании преступления: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.12 / Е. И. Фойгель. — Ростов-на-Дону, 2022. — 54 с.
4. Ксенофонтов, А. В. Дипломатические привилегии и иммунитеты: содержание и международно-правовой статус / А. В. Ксенофонтов // Право и образование. — 2007. — N 2. — С. 104–109.
5. Цичоева, Ф. А. Особенности доступности правосудия для уязвимых групп населения / Ф. А. Цичоева, М. М. Гулиева // Российский научный вестник. — 2025. — N 1. — С. 120–122.
6. <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-soderzhaniya-instituta-predstavitelstva-inostrannyh-grazhdan-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-rossiyskoy-federatsii>

Анализ состава административных правонарушений в сфере режима пребывания

Григорьева Лариса Сергеевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются особенности состава административных правонарушений в сфере режима пребывания на территории Российской Федерации. Исследуются элементы состава правонарушений: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона, а также специфика их проявления в делах, связанных с нарушением правил миграционного учёта, пребывания и передвижения иностранных граждан и лиц без гражданства. Освещаются основные положения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), нормативные акты в сфере миграционного регулирования, анализируется судебная и правоприменительная практика.

Ключевые слова: административное правонарушение, состав административного правонарушения, режим пребывания, миграционное законодательство, КоАП РФ, иностранные граждане, ответственность.

Современные миграционные процессы оказывают значительное влияние на правовую систему Российской Федерации. Масштабная мобильность населения, рост числа иностранных граждан и лиц без гражданства, пребывающих на территории РФ, обуславливают необходимость строгого регулирования их правового статуса и режима пребывания. Нарушение установленных правил представляет собой административные правонарушения, урегулированные в гл. 18 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ).

Правоприменительная практика показывает, что в этой сфере складывается значительный массив дел, в которых необходимо правильно установить состав правонарушения, учесть все его элементы и корректно квалифицировать действия лица.

Основными источниками, определяющими порядок пребывания иностранных граждан в России, являются:

- Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»;
- Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), в частности статьи 18.8–18.11;
- подзаконные акты Правительства РФ и МВД России, регламентирующие порядок миграционного учёта и передвижения иностранных граждан.

Эти нормы образуют единую систему правового регулирования, направленную на обеспечение национальной

безопасности, контроль миграционных потоков и защиту прав граждан.

Состав административного правонарушения — это совокупность установленных законом признаков, наличие которых позволяет квалифицировать деяние как правонарушение. Он включает четыре элемента: объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону.

Объект — это общественные отношения, охраняемые законом. В сфере режима пребывания объектом являются отношения, связанные с обеспечением миграционного контроля, безопасности и порядка на территории РФ.

Объективная сторона выражается в действиях или бездействии, нарушающих установленные правила: проживание без документов, несоблюдение сроков регистрации, несвоевременное уведомление о прибытии или выезде, нарушение установленных маршрутов передвижения.

Субъект — лицо, совершившее правонарушение. В таких делах субъектом могут быть как иностранные граждане и лица без гражданства, так и должностные лица организаций, обязанные соблюдать порядок миграционного учёта (например, работодатели или гостиницы).

Субъективная сторона — вина в форме умысла или неосторожности. В большинстве случаев нарушения носят формальный характер и совершаются по неосторожности, но для квалификации имеет значение доказанность вины.

Наиболее распространёнными составами КоАП РФ являются:

- Ст. 18.8 КоАП РФ — нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства правил въезда, режима пребывания или проживания в РФ;
- Ст. 18.9 КоАП РФ — нарушение правил привлечения иностранных граждан к трудовой деятельности;
- Ст. 18.10 КоАП РФ — незаконное осуществление трудовой деятельности иностранным гражданином;
- Ст. 18.11 КоАП РФ — нарушение правил миграционного учёта.

Правоприменительная практика показывает, что именно ст. 18.8 и 18.11 составляют наибольшую часть административных дел. Например, массовые случаи привлечения к ответственности иностранных граждан свя-

заны с несвоевременной регистрацией или отсутствием документов, подтверждающих законность пребывания.

Существуют определённые сложности при разграничении составов правонарушений. Например, нарушение сроков миграционного учёта может одновременно подпадать под признаки нескольких статей, что требует точной юридической оценки.

Проблемным является вопрос установления субъективной стороны. Судебная практика свидетельствует о том, что иностранные граждане нередко не владеют достаточной информацией о своих обязанностях, что осложняет оценку их вины. При этом российское законодательство закрепляет принцип ответственности независимо от знания закона.

Также стоит отметить высокую нагрузку на органы МВД и суды, рассматривающие подобные дела, что приводит к формализации процедур и риску поверхностного анализа обстоятельств.

Совершенствование норм административного законодательства в сфере режима пребывания должно быть направлено на:

- упрощение миграционных процедур — создание электронных сервисов регистрации и контроля;
- дифференциацию ответственности — введение более гибкой системы санкций в зависимости от тяжести последствий нарушения;
- повышение правовой информированности иностранных граждан о порядке пребывания;
- учет международных обязательств РФ, в том числе норм международного гуманитарного и миграционного права.

Административные правонарушения в сфере режима пребывания представляют собой сложную и актуальную область правоприменения, связанную с обеспечением миграционной безопасности. Эффективность борьбы с правонарушениями зависит от чёткой квалификации составов, единообразного применения законодательства и совершенствования миграционной политики. Системное развитие законодательства и повышение качества работы органов, обеспечивающих правоприменение, позволит минимизировать количество нарушений и повысить уровень правопорядка.

Литература:

1. Дорошенко, О. М. Административное право: учебник для вузов / О. М. Дорошенко. — 2-е изд., стер. — Санкт-Петербург: Лань, 2024. — 168 с. — ISBN 978-5-507-47595-7. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/394679> (дата обращения: 09.10.2025). — Режим доступа: для авториз. пользователей.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.09.2025).
4. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

Роль семьи в формировании антикоррупционных установок у современной молодежи

Григорьева Анастасия Павловна, преподаватель
Оренбургский учетно-финансовый техникум

Традиционная российская семья представляет собой социальный институт, в рамках которого человек реализует определенные социальные роли (супруга, родителя, ребенка), адаптируется к реалиям функционирования общества. Семья обеспечивает преемственность поколений, передает традиции и ценности от поколения к поколению.

Общепринятая тенденция изучения семьи обоснованно основывается на том, что семья выступает первоисточником социализации подрастающего поколения [3, с.395].

Очевидно, что в семье формируется модель поведения, поскольку именно семья выступает базовым фундаментом, предопределяющим перспективы развития личности, семейные традиции и ценности выступают основой мировоззрения современного подростка.

Образовательные организации и иные социальные институты, медиа и интернет также играют немаловажную роль в обозначенном процессе, однако, полагаем, что главное значение справедливо можно отвести именно семье. Родители являются первыми учителями для своих детей, именно через них формирующаяся личность получает первоначальное представление о допустимых и недопустимых поступках.

К сожалению, статистика правонарушений, а в особенности уголовных преступлений, ежегодно регистрируемых в нашей стране, число которых в 2024 году составило 1911, 3 тыс., свидетельствует о необходимости срочной борьбы с неправомерным поведением [5].

На протяжении довольно длительного периода Российская Федерация в условиях постоянного возникновения новых рисков и угроз, сложностей существующего мирового уклада, старается сохранить устойчивость в социально-экономической и политической сферах на уровне государства, завершить трансформационные процессы в системе государственного управления, достигнуть роста доверия граждан к деятельности органов власти в целом. При этом все эти процессы всегда усложняются таким явлением как коррупция.

Коррупция, наряду с террористической и экстремистской деятельностью, является одним из весомых вызовов национальной безопасности России. Это негативное явление подрывает основы государственного управления, снижает эффективность развития экономики, влечёт рост социального неравенства и социальной несправедливости, потерю стабильности демократических институтов, падение нравственности в современном обществе [4, с.37].

На сегодняшний день модель коррупционного поведения свойственна современной молодежи, считающей данный способ оптимальным для решения возникающих

проблем, что, безусловно, является безнравственным и противоречащим нормам права.

Международная неправительственная организация Transparency International ежегодно представляет показатели с целью отражения оценки уровня восприятия коррупции в стране по стобалльной шкале. В 2024 году Россия опустилась на 154-е место в Индексе восприятия коррупции Transparency International. Это ее худший результат за всю историю рейтинга с 1995 года [7].

Борьба с коррупцией в РФ находится под личным контролем Президента РФ. Особенно активно противодействие коррупции в нашей стране стало реализовываться с момента принятия в 2006 г. ФЗ «О ратификации Конвенции ООН против коррупции» [1].

В. В. Путин неоднократно выступал с предложениями ужесточения наказания за преступления коррупционной направленности, а также совершенствования мер по противодействию коррупции. Правовой формой проявления инициативы Президента РФ стал Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 год, утвержденный соответствующим Указом от 16.08.2021 № 478 [2].

На текущий момент национальный план на 2025 год еще не утвержден, полагаем, что он будет принят в ближайшее время. В нем также будет отражена концепция уважения к закону и пропаганда антикоррупционного воспитания.

Не вызывает сомнений тот факт, что борьба с коррупцией должна осуществляться системно — от совершенствования законодательства до качественного формирования в населении нетерпимости к любым проявлениям данного социального зла. И лишь совместными усилиями государства и общества, можно добиться устойчивых положительных изменений в противодействии коррупции.

Очевидно, что пресечение всего многообразия форм коррупции — это сфера активной гражданской позиции каждого индивида и всего общества. От правосознания граждан, от уровня развития институтов гражданского общества напрямую зависит эффективность мероприятий по противодействию коррупции.

Полагаем, что формирование нетерпимости к любым вариантам проявления коррупционных деяний осуществляется именно в семье. В связи с этим антикоррупционное воспитание выступает фундаментом, основой противостояния коррупционным явлениям современного мира, определяющим средством профилактики правонарушений коррупционного характера подрастающего поколения, от которого зависит будущее нашего государства.

Воспитательная функция родителей должна быть направлена на формирование антикоррупционной культуры с максимально раннего возраста. В этот период необо-

димо сформировать представление о добре и зле, о чести и достоинстве. В более осознанном возрасте, начиная с 6–7 лет, необходимо развивать у ребенка базовые правовые ценности, убеждения, первичные навыки правомерного поведения, формировать опыт правомерного разрешения бытовых жизненных ситуаций. В подростковый период, начиная с 10–12 лет, необходимо формировать устойчивое желание противостоять коррупционным проявлениям всех видов, которое в 15–16 лет должно реализовываться в реальных жизненных ситуациях в конкретных формах поведения, исключающих коррупционные мотивы.

Формирование устойчивых антикоррупционных установок и ориентиров не может осуществляться одномоментно, это длительный планомерный процесс, успешность которого всецело зависит от непосредственного социального окружения, соответственно, поведенческие установки родителей имеют в данном случае принципиальное значение. В семье, где имеет место отрицательное отношение к запретам и ограничениям, устанавливаемым органами власти, где вопросы честности и справедливости второстепенны, где личная выгода и заинтересованность удовлетворить свои потребности любым оправдывают любые действия и поступки, очень сложно сформировать личность, противостоящую преступным веяниям.

Уровень «бытовой коррупции», сложившийся в семье, антикоррупционные традиции и идеалы выступают ориентиром в формировании собственной поведенческой траектории.

Проведенное нами исследование оценки уровня «бытовой коррупции» в отношении 1869 респондентов, а именно студентов одного из колледжей г. Оренбурга в возрасте 16–20 лет и их родителей 35–59 лет продемонстрировало идентичные количественные показатели, характеризующие уровень понимания содержания понятия «коррупция», причин недоверия к органам государственной власти, ключевых факторов распространения коррупции в РФ и методов противодействия им.

В этом же исследовании 64,7 % молодых людей отметили, что используют стиль жизни своей семьи в качестве примера, то есть фактически процесс социализации нового поколения основывается на опыте своих ближайших родственников.

Каждый родитель должен быть достойным примером для своих детей, помогать в выборе жизненных ориентиров, направлений развития истинных ценностей. В современном динамично развивающемся мире, наполненном огромнейшим количеством различной информации, очень сложно не потеряться в этом потоке, трудно остаться верным идеалам, приоритетам и целям.

Подростку очень тяжело отделить правду от лжи, правомерные поступки от правонарушений, что зачастую ведет к негативным последствиям. Совершая правонарушения, в том числе и коррупционные, он далеко не всегда в полной мере осознает их последствия и не предпринимает необходимых действий, направленных на защиту от их разрушительного воздействия. Бросить вызов кор-

рупции можно, имея сформированное мировоззрение и внутренние убеждения, которые сложились в семье.

В связи с этим функции образовательных организаций, которые сегодня активно занимаются антикоррупционным просвещением школьников и студентов, будут реализованы не в полной мере, если их деятельность в этом направлении не будет согласована с позицией родителей или еще хуже, — противоположна ей.

Очевидно, что в современном обществе для достижения качественных долговременных результатов в борьбе с коррупцией необходимо концентрировать усилия именно в отношении родителей и иных лиц, воспитывающих детей в семье.

Учитывая, что формирование антикоррупционной культуры и привитие молодому поколению духовных ценностей — это главная обязанность семьи, национальная стратегия противодействия коррупции должна расширить параметры вовлечения в антикоррупционную деятельность представителей гражданского общества.

Когда нынешние родители, бабушки и дедушки формировались как личность, проходили обучение в школе, профессиональных образовательных организациях, антикоррупционное просвещение на достаточном уровне не реализовывалось, именно в современное время этот вопрос приобрел высокую значимость.

В данный момент имеется острая необходимость в активном антикоррупционном информировании и просвещении родителей и иных лиц, осуществляющих воспитание детей, в целях укрепления активной гражданской позиции, впоследствии объективно передаваемой своим детям. Честный труд, законное получение благ, справедливое разрешение проблем должны иметь доминирующее положение в семье как основа нравственности, и только тогда мы сможем поставить заслон коррупции.

В качестве эффективного способа информационного взаимодействия на общество можно выделить социальные сети, в том числе органов государственной власти и образовательных организаций, ведь именно данные площадки активно посещаются широкой аудиторией. Актуально проведение опросов, правовых игр, размещение социальных роликов антикоррупционной направленности, демонстрация показателей статистики противодействия коррупции и результаты деятельности правоохранительных органов.

Изготовление антикоррупционных плакатов, участие в тематических ликбезах, деловых играх, конкурсах на лучшее знание законодательства — это то, что реально позволит расширить рамки антикоррупционного мировоззрения, а также повысить уровень антикоррупционного просвещения в России.

Не менее важное значение имеет и организация совместных социальных проектов антикоррупционной направленности с одновременным участием детей и родителей, направленных на формирование негативного отношения к коррупции как к нежелательному социальному явлению. Нужно показать участникам мероприятий

такого рода, что противостояние коррупции — дело всего общества и лично каждого.

Обозначенные меры будут иметь еще большую социальную значимость, если они будут массово поддержаны на муниципальном и региональных уровнях. Разработка и реализация органами государственной и муниципальной власти программ и проектов антикоррупционного характера, поощрение наиболее активных участников, а также активная трансляция идей по телевидению, в сети «Интернет» в целях вовлечения в их реализацию широкой аудитории, несомненно, позволит добиться качественных результатов.

Литература:

1. Федеральный закон от 8.03.2006 г. № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции ООН против коррупции». — URL: <https://www.consultant.ru/document/>
2. Указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. N 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» (с изменениями и дополнениями). — URL: <https://www.garant.ru/>
3. Щетинина, Е. С. Представления о семье у современной молодежи / Е. С. Щетинина. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 3 (398). — С. 392–395. — URL: <https://moluch.ru/archive/398/88190>
4. Яковенко, И. А. Коррупция: проблема понимания и социально-правовой оценки / И. А. Яковенко. — Текст: непосредственный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2024 № 4. — С.37.
5. УМВД РФ. — URL: <https://мвд.рф/>
6. Прокуратура субъекта Российской Федерации — Прокуратура Сахалинской области Российской Федерации URL: <https://epp.genproc.gov.ru>
7. Официальный сайт Трансперенси Интернешнл Россия. — URL: <https://transparency.org.ru/>

Региональные программы борьбы с преступностью в Забайкальском крае: оценка эффективности

Гурулева Кристина Валерьевна, студент
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

Статья посвящена анализу региональных программ борьбы с преступностью в Забайкальском крае и оценке их эффективности. В работе рассматриваются основные направления и механизмы реализации программ, направленные на снижение уровня преступности и обеспечение общественной безопасности. Особое внимание уделено таким аспектам, как профилактика преступлений среди несовершеннолетних, борьба с наркотиками, повышение безопасности дорожного движения и профилактика экстремизма.

На основе анализа статистических данных, результатов социологических опросов и экспертных мнений оценивается эффективность реализованных программ. Показано, что комплексный подход, включающий профилактические меры, сотрудничество с населением и внедрение инновационных технологий, оказывает положительное влияние на снижение уровня преступности и повышение доверия к правоохранительным органам. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования программ с учетом местной специфики и потребностей различных групп населения.

Ключевые слова: региональные программы, борьба с преступностью, Забайкальский край, оценка эффективности, профилактика преступлений, безопасность дорожного движения, наркотики, экстремизм.

Regional crime control programs in the Trans-Baikal Territory: an evaluation of effectiveness

The article is devoted to the analysis of regional crime-fighting programs in the Transbaikal Territory and the assessment of their effectiveness. The study examines the main directions and mechanisms for implementing these programs aimed at reducing crime

rates and ensuring public safety. Particular attention is paid to such aspects as the prevention of juvenile delinquency, combating drug trafficking, improving road safety, and preventing extremism.

Based on the analysis of statistical data, results of sociological surveys, and expert opinions, the effectiveness of implemented programs is evaluated. It has been demonstrated that a comprehensive approach, including preventive measures, cooperation with the population, and the introduction of innovative technologies, has a positive impact on reducing crime levels and increasing trust in law enforcement agencies. A conclusion was drawn about the need for further improvement of programs taking into account local specifics and the needs of different population groups.

Keywords: regional programs, crime prevention, Transbaikal Territory, effectiveness evaluation, crime prevention, road safety, drugs, extremism.

По информации на февраль 2025 года, в 2024 году в Забайкальском крае снизился общий уровень преступности. Руководитель регионального УМВД Вячеслав Еговцев заявил, что число зарегистрированных преступлений сократилось на 0,5 % (18 341), против личности — на 12,1 % (3 314), в том числе против жизни и здоровья граждан — на 13,2 % (2 063) [1].

Эффективность региональных программ борьбы с преступностью в Забайкальском крае зависит от комплексного подхода, включающего профилактические меры, сотрудничество с населением и внедрение инновационных технологий.

Необходимость анализа существующих программ обусловлена важностью понимания их влияния на криминальную обстановку в регионе. Оценка результативности позволит выявить сильные и слабые стороны текущих подходов и предложить пути их оптимизации.

В научной литературе уделяется значительное внимание вопросам уголовной политики и региональной специфики. Однако конкретные исследования, посвящённые Забайкальскому краю, остаются недостаточными. Большинство публикаций сосредоточены на общих аспектах криминологии, тогда как изучение местных инициатив остаётся фрагментарным [5].

Преступность представляет собой серьёзную угрозу социальной стабильности и экономического развития региона. Понимание механизмов функционирования региональных программ позволяет не только улучшить качество жизни населения, но и повысить доверие к государственным институтам.

Забайкальский край, как и любой другой регион России, сталкивается с проблемой преступности. Для снижения уровня правонарушений и обеспечения безопасности населения разрабатываются и реализуются различные региональные программы. В данной статье рассмотрим основные направления этих программ и оценим их эффективность.

Рассмотрим региональную программу Забайкальского края «Профилактика деструктивного поведения, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних Забайкальского края на 2022–2025 годы», утверждённая Постановлением Правительства Забайкальского края от 4 апреля 2022 года № 120 [1].

Некоторые цели программы:

1) обеспечение комплекса мер по профилактике деструктивного поведения, безнадзорности, правонарушений и преступлений несовершеннолетних;

2) повышение эффективности индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними, находящимися в социально опасном положении;

3) совершенствование деятельности и межведомственного взаимодействия органов и учреждений региональной системы профилактики деструктивного поведения, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Некоторые мероприятия программы: профилактика экстремизма и терроризма в молодёжной среде, организация профильной смены для несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом, духовно-патриотическое воспитание несовершеннолетних, помощь семьям и несовершеннолетним, находящимся в социально опасном положении.

Оценка эффективности программы может быть следующей: по информации на 2023 год, количество несовершеннолетних преступников уменьшилось на 27 %, в том числе на 37 % стало меньше подростков, состоящих на учёте в ПДН. А количество совершённых данной категорией преступлений снизилось на 15 % [4].

По данным на 2024 год, согласно отчёту главы УМВД по краю Вячеслава Еговцева, число зарегистрированных преступлений сократилось на 0,5 %, против личности — на 12,1 %, в том числе против жизни и здоровья граждан — на 13,2 %. Уменьшилось число умышленных убийств с покушениями, фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью и случаев изнасилования.

Однако, по информации на февраль 2025 года, с учётом уменьшения численности жителей уровень преступности остаётся высоким — в общероссийском рейтинге Забайкалье занимает 75-е место.

Обобщим программы по борьбе с преступностью в Забайкальском крае.

– Программа профилактики преступлений среди несовершеннолетних. Эта программа направлена на предотвращение подростковой преступности путем вовлечения молодежи в социально полезные занятия, организацию спортивных секций, кружков и клубов по интересам. Программа также предусматривает работу с неблагополучными семьями и проведение профилактических бесед в школах.

– Программа противодействия наркотикам. Борьба с незаконным оборотом наркотиков остается одной из приоритетных задач правоохранительных органов ре-

гиона. Программа включает меры по выявлению и ликвидации каналов поставки наркотических веществ, а также профилактику наркомании среди населения.

– Программа повышения безопасности дорожного движения. Снижение числа дорожно-транспортных происшествий достигается благодаря установке камер видеонаблюдения, улучшению дорожной инфраструктуры и проведению массовых информационных кампаний.

– Программа по профилактике экстремизма и терроризма. Данная программа направлена на выявление и пресечение экстремистских и террористических угроз, а также на воспитание толерантности и межнационального согласия среди жителей края [2].

Для оценки эффективности программ используются различные показатели, включая уровень преступности, количество раскрытых преступлений, общественное мнение и данные социологических исследований.

Уровень преступности. Согласно официальным данным, уровень преступности в Забайкальском крае снизился за последние годы. Это свидетельствует о положительном эффекте реализуемых программ.

Количество раскрытых преступлений. Увеличение процента раскрываемости преступлений также указывает на улучшение работы правоохранительных органов и успешность проводимых мероприятий.

Общественное мнение. Социологические опросы показывают, что жители края стали ощущать себя более защи-

щенными, что говорит о повышении доверия к правоохранительным органам и эффективности принимаемых мер.

Данные социологических исследований. Исследования подтверждают снижение уровня алкоголизма и наркомании среди молодежи, что является результатом успешной реализации профилактических программ [5].

Анализ показал, что комплексный подход действительно является ключом к успеху региональных программ. Программы, включающие меры по профилактике преступности, работе с молодежью и внедрению технических средств контроля, демонстрируют наибольшую эффективность.

Результаты исследования подтвердили значимость комплексного подхода к борьбе с преступностью. Дальнейшее совершенствование программ должно учитывать локальную специфику региона и потребности различных групп населения.

Реализация региональных программ борьбы с преступностью в Забайкальском крае приносит ощутимые результаты. Снижение уровня преступности, повышение раскрываемости преступлений и улучшение общественного мнения свидетельствуют о правильности выбранного курса. Однако для дальнейшего повышения эффективности необходимо продолжать совершенствовать существующие программы и внедрять новые подходы, учитывая меняющиеся социальные и экономические условия.

Литература:

1. Постановление Правительства Забайкальского края от 4 апреля 2022 года № 120 «Об утверждении региональной программы Забайкальского края «Профилактика деструктивного поведения, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних Забайкальского края на 2022–2025 годы» // СПС Консультант Плюс.
2. Алексеев А. И., Якимович Ю. К. и др. «Криминология: Учебник для вузов». Москва: Норма, 2024.
3. Безрукова О. В., Дементьев И. А. «Эффективность региональных программ по борьбе с преступностью: опыт российских регионов». Журнал «Государственная власть и местное самоуправление», 2023, № 12.
4. Буранов Г. К. «Борьба с преступностью в регионах России: правовые и организационные аспекты». Саратов: Издательство Саратовского университета, 2019.
5. Волошина Л. А., Лебедев С. Я. «Профилактическая работа с несовершеннолетними в рамках региональных программ». Материалы конференции «Современные тенденции в криминологии», 2020.
6. Голик Ю. В., Коробеев А. И. «Правоохранительная политика и эффективность региональных программ в сфере борьбы с преступностью». Монография. Санкт-Петербург: Питер, 2018.
7. Жариков Е. С., Миронов Д. А. «Оценка эффективности региональных программ по снижению уровня преступности: методика и практика». Вестник Московского университета МВД России, 2022, № 2.
8. Козловская Т. Н., Чернышева В. П. «Проблемы и перспективы реализации региональных программ по борьбе с преступностью в субъектах РФ». Научные труды Академии управления МВД России, 2021, № 4.
9. Петренко А. М., Скрипченко Н. Ю. «Региональные программы профилактики преступности: опыт Забайкальского края». Доклады Всероссийской научно-практической конференции, 2023.
10. Степанов К. Г., Шиловцев А. В. «Комплексный подход к оценке эффективности региональных программ борьбы с преступностью». Уголовное право, 2024, № 3.
11. Трубников В. М., Павлов В. Ф. «Анализ и оценка эффективности региональных программ по профилактике преступности в Забайкальском крае». Сборник статей Всероссийской конференции, 2022.

Понятие превышения должностных полномочий

Джуккаев Инал Курманович, студент магистратуры
Северо-Кавказская государственная академия (г. Черкесск)

Научный руководитель: Лопашенко Наталья Александровна, доктор юридических наук, профессор
Саратовская государственная юридическая академия

Представленная статья посвящена анализу понятия и общественной опасности превышения должностных полномочий. Основное внимание уделяется термину «явность» выхода за пределы предоставленных полномочий. Автором рассматриваются формы превышения должностных полномочий. В обосновании представленных выводов авторами приводятся примеры судебной практики.

Ключевые слова: превышение должностных полномочий, должностные преступления, должностное лицо, проблемы квалификации, преступления главы 30 УК РФ.

Совершение преступных деяний, структурно помещенных законодателем в главе 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления», на протяжении длительного времени остается в поле зрения российских правоведов и научного сообщества. Совершая преступление, данная категория лиц в значительно большей степени, чем частные лица, подрывают авторитет закона и устои правового государства, влияют на общественную безопасность. Характеризуя общественную опасность деяния, предусмотренного ст. 286 УК РФ, следует, в первую очередь, обратить внимание на значительный уровень латентности данного незаконного явления. Как справедливо отмечал Д. Д. Додиджашвили, «должностные преступления, и превышение должностных полномочий в их числе, влекут за собой нередко далеко идущие отрицательные последствия» [6, с. 7]. Реалии сегодняшнего дня гласят, что превышение должностных полномочий имеет место практически в всех сферах общественной жизни, включая государственное управление, образование, здравоохранение, финансово — кредитную и банковскую сферы, отдельные отрасли экономики, сферу бюджетных взаимоотношений.

В соответствии с диспозицией ст. 286 Уголовного кодекса Российской Федерации, под превышением должностных полномочий законодатель понимает «совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан и организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства». В результате осуществления обозначенных преступных действий имеет место нарушение «нормальной, регламентированной деятельности государственных и муниципальных органов, ущемление прав и законных интересов граждан и организаций, а также интересов общества и государства» [2, с. 24]. Как отмечают А. А. Степашкина и Л. В. Смешкова, «содержательный аспект превышения полномочий должностного лица сводится к общественно опасному посягательству на отношения в социуме, которые охраняются на законодательном уровне» [12, с. 135].

При этом превышение должностных полномочий может выражаться в разнообразных формах и конкретных действиях, которые совершаются должностным лицом при исполнении служебных обязанностей в следующих ситуациях:

- лицо берет на себя исполнение полномочий, которые принадлежат другому должностному лицу (вышестоящего или равного по статусу);
- должностное лицо совершает действия, на которые имеет право только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте и в данном случае они отсутствуют;
- единоличное принятие должностным лицом решения, которое должно приниматься коллегиально либо в соответствии с порядком, установленным законом по согласованию с другим должностным лицом или органом;
- действия должностного лица явно выходят за пределы его полномочий, никто и ни при каких обстоятельствах не вправе их совершать [8].

При рассмотрении и разрешении уголовных дел, связанных с превышением должностных полномочий, судам следует исходить из того, что, превышение должностных полномочий может осуществляться только лицами, отвечающими определенным критериям, полный перечень лиц, попадающих под категорию «должностных», отражен в примечании 1 к ст. 285 УК РФ. Однако, квалификация действий как превышение должностных полномочий наряду с тем, что обвиняемый, занимая государственную должность, осуществляет полномочия должностного лица, предусматривает соблюдение одновременно нескольких условий: действия не входят в рамки полномочий согласно занимаемой должности; деяния нанесли ущерб, который может быть оценен; наличие четкой причинно-следственной связи между нарушением полномочий и нанесением ущерба [3].

Применительно к установлению объема и содержания должностных полномочий важно правильно очертить выход за пределы полномочий должностного лица, в связи с этим возникла необходимость обращения к мнению научного сообщества. Так, В. И. Михайлов по данному вопросу резюмирует, что «установление объема полномочий

есть очерчивание спектра прав, обязанностей и должностных компетенций, регламентированных нормативно-правовой базой и индивидуальными актами, включая должностные инструкции, распоряжения, приказы» [7, с. 97]. Согласно позиции М. Д. Давитадзе, «под использованием должностных полномочий вопреки интересам службы признаются только те деяния должностных (служащего) лиц, которые были осуществлены в рамках служебных полномочий». По мнению автора, «в качестве основания уголовной ответственности следует признать использование должностным (служащим) лицом вопреки интересам службы не только должностного полномочия, но и положения должностного лица» [5, с. 116]. Содержание разъяснительных положений Постановления Пленума ВС РФ от 16 октября 2009 № 19 гласит о том, что ответственность за превышение должностных полномочий наступает только в случае, если лицом совершены действия, «явно выходящие за пределы его полномочий, которые повлекли существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства» [12].

Анализ выше обозначенных позиций позволяет установить в качестве одного из важнейших признаков, характеризующих рассматриваемый состав, «явный выход» за пределы спектра полномочий, которыми наделено должностное лицо. «Это явный выход за пределы должен быть очевидным и отличается осознанностью» [12, с. 136].

Рассматривая исследуемую проблему, С. Г. Айдаев отмечает крайнюю нестабильность толкования правоприменителем понятия «действия, явно выходящие за пределы полномочий» и считает необходимым внесение изменений, поясняющих данное определение непосредственно в примечании анализируемой нормы. Автор отмечает, что «признак явности имеет не субъективное, а объективное содержание» [1, с.7] и, соответственно, несоблюдение установленных границ должно быть очевидным для окружения.

Интересное пояснение по данному вопросу внесено А. Я. Светловым, который акцентировал внимание на таком аспекте, как субъективный момент, когда «виновный, хорошо зная объемы своей служебной и властной компетенции, явно ее превышает» [11, с. 20].

Содержательной представляется также позиция Б. В. Волженкина, который уточнил, что «объем прав и полномочий представителя власти, управленческих работников государственных и муниципальных органов и учреждений, военнослужащих Вооружённых Сил,

других войск и воинских формирований определяется их должностной компетенцией, которая закрепляется в различных нормативных актах, законах, уставах, положениях, инструкциях, приказах. Поэтому, чтобы решить, что должностное лицо совершило действия, явно выходящие за пределы его полномочий, нужно установить эти пределы, выяснить, каким именно правовым актом они регулируются и какие положения этого акта были нарушены» [4, с.155].

Основываясь на выше приведенных мнениях, в целом считаем правильным под должностными полномочиями государственного служащего рассматривать тот объем полномочий, прав и обязанностей, которыми он наделен в соответствии с нормативно-правовыми актами в рамках занимаемой должности. В качестве примера, подтверждающего данный вывод, можно привести постановление Президиума Тверского областного суда от 28.11.2016 по делу № 44у-162/2016, в котором акцентируется внимание на том, что «для установления факта превышения должностных полномочий необходимо выяснять, каким законом либо иным нормативным правовым актом регламентированы полномочия должностного лица и в чем конкретно выразилось их противоправное превышение» [9].

Таким образом, рассмотрев понятие превышения должностных полномочий, можно сделать следующий вывод. Совершение должностных преступлений и, в частности, превышения должностных полномочий имеет место практически во всех социальных и политических отраслях. При этом в практической деятельности превышение должностных полномочий может проявляться в разнообразных формах, каждая из которых реализуется, только если должностные полномочия связаны со служебной деятельностью, исполняемой лицом как официальным представителем власти, а не как частным лицом.

Рассмотрение проблемы сущностного понимания превышения должностных полномочий показало, что очевидной проблемой является точное определение пределов полномочий, прав и обязанностей должностного лица. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости оптимизации действующего законодательства в разрезе регламентации такого понятия, как «явность выхода за пределы должностных полномочий». В связи с этим, нам видится правильным решением следующее: для установления факта превышения должностных полномочий необходимо выяснить, каким законом либо иным нормативным правовым актом регламентированы полномочия должностного лица и в чем конкретно выразилось их противоправное превышение.

Литература:

1. Айдаев С. Г. Превышение должностных полномочий: автореф. дис.... канд. юрид. наук. — М., 2014. С.7.
2. Бугрова, Е. В. Наказуемость превышения должностных полномочий / Е. В. Бугрова // Журнал «Национальная ассоциация ученых», № 59. 2020. С.19–24.
3. Виды превышения должностных полномочий // Ошеров, Онисковец и Партнеры [Электронный ресурс]. URL: <https://advokat-osherov.ru/blog/vidy-prevysheniya-dolzhnostnykh-polnomochiy> (дата обращения: 05.10.2025).
4. Волженки Б. В. Служебные преступления. — М.: Юрист, 2000. С. 155. (Библиотека следователя).

5. Давитадзе М. Д. Злоупотребление должностными полномочиями // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 5. С. 116.
6. Доиджашвили, Д. Д. Уголовная ответственность за превышение власти или служебных полномочий: автореферат дис ... канд. юрид. наук. М., 1989.
7. Михайлов В. И. Защита интересов личности, общества и государства от преступных посягательств и иных угроз: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2015. № 2. С. 97.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.10.2025).
9. Постановление Президиума Тверского областного суда от 28.11.2016 по делу N 44у-162/2016 Приговор: Ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий) // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.10.2025).
10. Приговор № 1–158/2018 от 26 июля 2018 г. по делу № 1–158/2018 // СудАкт.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oh2KYiNAYYd4> (дата обращения: 05.10.2025).
11. Светлов А. Я. Ответственность за должностные преступления / А. Я. Светлов. — Киев, 1978. № 2. С. 20.
12. Степашкина А. А., Смешкова Л. В. Об определении понятия превышения должностных полномочий в современном уголовном праве // Перспективы развития науки в современном мире: сборник научных статей по материалам III Международной научно-практической конференции. Уфа, 2022. С. 136.

Особенности административной ответственности за правонарушения в области организации дорожного движения

Дида Михаил Григорьевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Дудченко Оксана Сергеевна, доктор юридических наук, профессор

Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются вопросы, связанные с теоретическими взглядами на институт административной ответственности за правонарушения в сфере организации дорожного движения, а также исследуются особенности применения административной ответственности за правонарушения в сфере организации дорожного движения. Кроме того, рассмотрены виды административных взысканий, среди которых наиболее проблемным административным взысканием является предупреждение, поэтому автором предложены актуальные изменения норм действующего административного законодательства.

Ключевые слова: административная ответственность, административные правонарушения, организация дорожного движения, безопасность дорожного движения, виды административных наказаний; предупреждение.

Укрепление дисциплины участников дорожного движения представляет собой одно из основных направлений работы. Профилактическая деятельность включает в себя как определение ответственности за правонарушения в области безопасности дорожного движения, так и внедрение принципа неизбежности наказания за административные нарушения.

В настоящее время административная ответственность считается одним из самых распространенных и востребованных видов юридической ответственности. Законодательное установление и регламентация административной ответственности, а также совершение административного правонарушения конкретным лицом служат необходимым и достаточным основанием для привлечения к административной ответственности.

Четкого понятия «административной ответственности» в нормативно-правовых актах не указано. Его можно вывести самому, исходя из практики, собствен-

ного мнения и определения «административного правонарушения», данного в статье 2.1 КоАП РФ [1].

В юридической литературе к проблеме понимания административной ответственности существуют различные подходы. Л. Л. Поповым под административной ответственностью понимается «...реализацию административно-правовых санкций, применение уполномоченным органом или должностным лицом административных взысканий к гражданам и юридическим лицам, совершившим правонарушение» [3, С. 335].

Аналогичное определение административной ответственности дают и другие авторы. Так, например, Е. В. Додин подчеркивает, что «...административная ответственность состоит в применении к правонарушителю административно-правовой санкции» [4, С. 175].

Таким образом, административная ответственность — это вид юридической ответственности, наступление которой связано с совершением правонарушителем проти-

воправных действий (бездействия), относящихся к сфере регулирования административного права, за которые привлекается лицо и (или) лица к мерам административного принуждения.

Применение административной ответственности за правонарушения в сфере дорожного движения является одним из способов обеспечения безопасности дорожного движения, а реализация на практике этого вида ответственности имеет ряд своих особенностей и отличительных черт, которые в свою очередь приводят к формированию проблем применения административной ответственности за правонарушения в сфере дорожного движения.

Правонарушения в сфере организации дорожного движения влекут за собой повышенную общественную опасность, однако правонарушения в сфере дорожного движения вообще являются одним из наиболее распространенных видов административных правонарушений. [7, С. 163]. Профессор Б. В. Россинский отмечал следующее: «Постоянно растет доля наказаний водителей транспортных средств в числе всех административных наказаний в этой сфере, приближаясь к 100 %» [6, С. 179]. В определенной степени к этому приводят технические средства, которые в автоматическом режиме фиксируют нарушение ПДД.

Субъектами ответственности за правонарушения в данной сфере являются участники дорожного движения. В соответствии с пунктом 1.2 ПДД к участникам дорожного движения относятся водители, пешеходы и пассажиры транспортных средств. В отдельных правонарушениях предусмотрен специальный субъект.

Следует отметить, что законодатель провел большую работу по усовершенствованию административной ответственности за правонарушения в сфере дорожного движения, например, увеличено количество видов административных правонарушений в сфере дорожного движения, увеличены отдельные санкции статей главы 12 КоАП РФ, но в то же время внесение изменений в содержание действующих нормативных актов не привело к снижению аварийности и смертности на дорогах как в России в целом, так и в отдельных ее регионах.

Особое внимание законодатель уделил обязанностям водителей транспортных средств, классифицируемых в зависимости от категории транспортного средства.

Так, Федеральным законом от 7 мая 2013 года № 92-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [2] введена в новой редакции ст. 25 Федерального закона «О безопасности дорожного движения», в которой впервые в России предусматриваются не только новые категории, но и подкатегории транспортных средств, на управление которыми предоставляется специальное право.

Ответственность за деяния в области безопасности дорожного движения устанавливается только федеральным

законом. За совершение административных правонарушений в сфере дорожного движения предусмотрены следующие виды административных взысканий: предупреждение, административный штраф, конфискация орудия или предмет административного правонарушения, лишение специального права, административный арест и обязательные работы. Их применение также регулируется Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации.

Каждый из этих видов наказания нашел свое закрепление в санкциях статей главы 12 КоАП РФ, при этом наиболее распространенным видом наказания является административный штраф. Особенностью этого вида наказания является новация, введенная в 2016 году, позволяющая нарушителю в сфере дорожного движения уплатить половину суммы наложенного на него штрафа, но при одном условии он должен быть исполнен не позднее двадцати дней со дня принятия решения о его наложении [5, С. 9].

Также законодателем предусмотрена возможность замены одного наказания другим, а также возможность освобождения от наказания, по четырем основаниям, прямо предусмотренных в КоАП РФ.

Законодатель ужесточает ответственность, если виновный ранее уже совершал административные правонарушения в сфере дорожного движения. Повторность является квалифицирующим признаком, например, статьях 12.15, 12.16 КоАП РФ. В остальных случаях это обстоятельство учитывается при назначении наказания, как обстоятельство, отягчающее ответственность.

Итак, за совершение административных правонарушений в сфере дорожного движения может быть назначено шесть из десяти существующих видов административных взысканий. В то же время следует отметить, что за совершение административных правонарушений в этой сфере практически не применим такой вид административного взыскания, как «предупреждение».

Такой вывод можно обосновать положениями ч. 2 ст. 3.4 КоАП РФ, содержащей условия для наложения административного взыскания посредством предупреждения: одна из них — отсутствие угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, объектов.

Подводя итоги, отметим, что на сегодняшний день, несмотря на проведенную законодателем работу в области административной ответственности, предусмотренной за нарушение ПДД, действующие нормы КоАП РФ еще нуждаются в доработке и изменениях. Целесообразно, по нашему мнению, исключить из главы 12 КоАП РФ вид наказания, предусмотренный частью четвертой статьи 3 КоАП РФ, — предупреждение, в связи с тем, что данный вид наказания не оказывает должного влияния на нарушителей правил дорожного движения и не несет в себе соразмерности и определение степени тяжести совершённого административного правонарушения в сфере дорожного движения.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. N 1 (часть I) ст. 1.
2. Федеральный закон от 07.05.2013 № 92-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства Российской Федерации от 13 мая 2013 г. N 19 ст. 2319.
3. Административное право: учебник / под ред. Л. Л. Попова, М. С. Студеникиной. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. — 736 с.
4. Доказательства в административном процессе / Додин Е. В. — М.: Юрид. лит., 1973. — 192 с.
5. Ильина А. Н. Особенности классификации административных правонарушений в области дорожного движения / А. Н. Ильина, И. С.
6. Лаврентьева // Вестник современных исследований. — 2019. — № 3.19(30). — С. 8–10.
7. Россинский Б. В. Влияние административных наказаний в сфере дорожного движения на аварийность на автомобильном транспорте // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права. — Санкт-Петербург, 2015. — С. 178–184.

Проблемы квалификации деяния по статье 210.1 УК РФ в судебной практике Российской Федерации

Додон Игорь Сергеевич, слушатель

Научный руководитель: Хлебушкин Артем Геннадьевич, доктор юридических наук, доцент, профессор
Санкт-Петербургский университет МВД России

В статье анализируются теоретические и практические аспекты применения ст. 210.1 УК РФ. Рассматриваются неопределенность понятий «преступная иерархия» и «высшее положение» и их влияние на квалификацию. Исследуются судебные решения и обстоятельства, имеющие доказательственное значение для установления статуса лица. Формулируются выводы о необходимости нормативного уточнения и судебного толкования.

Ключевые слова: уголовное право, преступная иерархия, высшее положение, судебная практика, квалификация.

В 2019 г. с принятием Федерального закона № 46-ФЗ в Уголовный кодекс РФ была введена ст. 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии». Диспозиция сформулирована лаконично и фактически воспроизводит название, без нормативного раскрытия ключевых понятий, что затрудняет квалификацию и порождает разницу подходов в правоприменении. На уровне правового анализа фиксируется отсутствие в законе определений «преступной иерархии» и «высшего положения», а также отсутствие разъяснений высших судов, что препятствует выработке стабильных критериев доказывания статуса лица в процессуальной форме [7, с. 124–126]. Указанные лакуны напрямую отражаются на судебной практике: неточность юридической техники трактуется как причина оправдательных решений по делам данной категории и предмет постоянной критики со стороны участников процесса [4, с. 506–507; 5, с. 66–67].

Нормативная проблема ст. 210.1 УК РФ состоит в том, что запрет сформулирован через статус субъекта при отсутствии легальных определений «преступная иерархия» и «высшее положение». Это расходится с императивом ст. 8 УК РФ о деянии как основании ответственности

и влечет разнонаправленную практику; недопустимость привлечения «за одно звание» и потребность конкретизации признаков объективной стороны отмечаются в доктрине и делах с оправдательными приговорами [2, с. 3–5; 4, с. 502–503; 5, с. 66–67].

В теории «преступная иерархия» описывается как система соподчиненных отношений лиц, придерживающихся правил и традиций преступного мира на определенной территории [1, с. 68]. В практике высшее положение устанавливается по совокупности проверяемых ориентиров: функциональные проявления лидерства (организационно-распорядительные и «судебные» функции), «прогоны» и иные документы, показания осведомленных лиц, атрибуты субкультуры, данные о реальной возможности руководить; для единообразия критериев доказывания требуются нормативное уточнение и разъяснения высшей судебной инстанции [1; 4; 5; 7].

Содержательно-терминологическая неопределенность диспозиции ст. 210.1 УК РФ заключается в неясности границ объективной стороны и момента окончания деяния. Эту неопределенность усиливает грамматическая амбивалентность слова «занятие», до-

пускающего понимание как события «заял», так и состояния «занимает» как длящегося факта. От выбора толкования зависят квалификационные и процессуальные последствия, включая пределы возможного повторного преследования при сохранении статуса после осуждения. Научные предложения сходятся к необходимости разъяснения критериев момента окончания и характера деяния с учетом особенностей статуса в криминальной среде [4, с. 505–506]. Для устранения правовой неопределенности обоснованно предлагается судебное толкование ключевых признаков субъекта и объективной стороны, что позволит уйти от подмены деяния статусом как таковым [4, с. 506–507].

Судебная практика по ст. 210.1 УК РФ неоднородна. Оправдательные решения нередко мотивируются отсутствием доказательств реализации полномочий после 1 апреля 2019 г. и спорностью установления титула в пределах инкриминируемого периода. В деле Т. Гигиберии суд указал на отсутствие конкретных действий, подтверждающих реализацию статуса «вора в законе» после введения ст. 210.1; в деле К. Найбауэра коллегия присяжных не признала доказанным титул, что повлекло оправдание в суде первой инстанции [5, с. 66–67]. Одновременно статистика фиксировала рост регистрации преступлений по ст. 210.1: с 36 в 2019 г. до 374 в 2021 г.; первым обвинительным приговором стал приговор в отношении Ш. Озманова, впоследствии оставленный без изменения кассацией Верховного Суда РФ [5, с. 67–68].

Доказательственная база по делам данной категории, как правило, включает экспертизу татуировок, показания свидетелей с использованием псевдонима и мер безопасности в порядке ч. 3 ст. 11 и ч. 9 ст. 166 УПК РФ, а также «прогоны» о статусе, приобщаемые как иные документы по ст. 84 УПК РФ. Защита традиционно оспаривает допустимость и достаточность таких источников, указывая на их оценочный характер и ограниченную проверяемость; суды же нередко принимают выводы экспертов и специалистов как подтверждение атрибутивных и функциональных признаков статуса [5, с. 68–69]. Правоприменитель сталкивается с дилеммой: как распределять доказательственное значение между атрибутами субкультуры и фактическими проявлениями лидерских функций в криминальной среде при отсутствии прямой привязки к управлению конкретным сообществом по ст. 210 УК РФ [5, с. 68–69].

Криминологический анализ вступивших в силу приговоров по ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ показывает актуальные признаки руководителей криминальной среды. Изученные решения фиксируют изменение портрета: семейное положение, дети, регистрация и трудоустроенность больше не рассматриваются судами как признаки, подтверждающие высшее положение. Одновременно в практике прослеживается отождествление терминов «вор в законе» и «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», при опоре на мнения специалистов и экспертов, приведенные в приговорах [6, с. 361–

363]. По верифицированным в УИС данным первым вступившим в силу приговором по ст. 210.1 является решение от 26 мая 2021 г. в отношении Жаринова; в 2021 г. осуждены 10 лиц, в 2022 г. — 6, в 2023 г. — 1, что опровергает представление об исключительно единичной практике [6, с. 363–368].

Для целей уголовно-правовой квалификации по ст. 210.1 УК РФ подлежащие установлению обстоятельства описываются в криминалистической литературе как последовательность действий по присвоению и удержанию высшего положения в преступной иерархии: подготовка, осуществление, сокрытие [7, с. 128–129]. Подготовка включает формирование авторитета, интеграцию в «высшие круги», участие в «сходках» и демонстрацию приверженности «воровским» нормам; осуществление охватывает присвоение и удержание статуса с реализацией организационно распорядительных, нормативных «прогонов», «судебных» и карательных функций в криминальной среде; сокрытие выражается в конспирации коммуникаций и обрядов признания [7, с. 128–129]. Атрибутивные признаки кличка, татуировки, аксессуары рассматриваются как факультативные и оцениваются только во взаимосвязи с функциональными проявлениями лидерства [7, с. 129–130].

Проблема разграничения ст. 210.1 и ч. 4 ст. 210 УК РФ сохраняет значение. В ряде дел суды, устанавливая высшее положение, одновременно учитывают факты координации и регулирования криминальной среды. Это сближает установленные признаки с руководством преступным сообществом и создает риск конкуренции норм и избыточной квалификации [6, с. 361–364]. Наблюдается устойчивая практика отождествления «вора в законе» и «лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии». Для единообразия следует определить, какие признаки подтверждают статус по ст. 210.1, а какие свидетельствуют о руководстве сообществом по ч. 4 ст. 210, исходя из объекта посягательства и реального управленческого влияния [6, с. 361–364].

Решение видится в разъяснениях Верховного Суда РФ по ст. 210.1 УК РФ, где нужно прямо указать, какие фактические обстоятельства подлежат установлению и какими доказательствами они подтверждаются. Речь идет об оценке собственного отношения лица к статусу; показаниях осведомленных лиц из криминальной среды о положении лица; фактах распорядительных полномочий и подчинения; суждениях иных лиц «высшего уровня» о статусе; «прогонах» и иных документах; экспертизах и заключениях специалистов по атрибутам субкультуры и коммуникациям [4, с. 500–506; 7, с. 129–131].

Единый подход к оценке доказательств с приоритетом функциональных признаков лидерства и четкими процессуальными гарантиями участникам процесса снизит зависимость от оценочных суждений и сделает судебные решения более предсказуемыми [4, с. 506; 5, с. 68–69; 7, с. 128–131].

Таким образом, действующая редакция ст. 210.1 УК РФ направлена на пресечение влияния лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, при этом неопределенность диспозиции и отсутствие легальных дефиниций порождают разное толкование и фрагментарную практику [1, с.68–69; 5, с.66–69]. Е. В. Косьяненко показывает, что фиксация статуса без описания деяния затрудняет доказывание и приводит к оправданиям в судах первой инстанции [5, с. 66–69]. В. Н. Бурлаков указывает на пересечение со ст. 210 УК РФ и риск конкуренции норм при установлении координирующих функций [3, с. 15–17]. С. В. Бельский предлагает рабочее определение «преступной иерархии» и ставит вопрос о нормативной конкретизации признаков статуса [1, с. 68–69]. В. Н. Борков акцентирует уголовно правовую природу запрета и общественную опасность статуса как основания криминализации [2, с. 3–5]. А. С. Морозов на массиве вступивших

в силу приговоров фиксирует изменение портрета лидера и устойчивое отождествление статуса «вора в законе» с высшим положением [6, с. 361–368]. О. В. Чельшева описывает проверяемые функциональные признаки лидерства и последовательность действий по присвоению и удержанию статуса, пригодные для оценки доказательств [7, с. 128–131]. И. В. Пикин формулирует практико-ориентированные критерии и обосновывает необходимость разъяснений Пленума Верховного Суда РФ для унификации квалификации по ст. 210.1 УК РФ [4, с. 500–507]. Представляется целесообразным закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ перечень проверяемых критериев статуса и допустимых источников их установления и дополнить ст. 210.1 примечанием с легальными дефинициями, что снизит конкуренцию с ч. 4 ст. 210 и обеспечит единообразие квалификации деяний, связанных с занятием высшего положения в преступной иерархии.

Литература:

1. Бельский С. В. Понятие высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) //Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2023. — №. 3 (65). — С. 68–73.
2. Борков В. Н. Занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) //Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2022. — №. 2. — С. 3–13.
3. Бурлаков В. Н., Щепельков В. Ф. Занятие высшего положения в преступной иерархии как основание уголовной ответственности // КриминалистЪ. — 2020. — №. 2 (31). — С. 14–19.
4. Пикин И. В., Тараканов И. А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: особенности уголовно-правовой квалификации //Актуальные проблемы государства и права. — 2021. — Т. 5. — №. 19. — С. 500–509.
5. Косьяненко Е. В., Кармановский М. С. Критический анализ положений ст. 210.1 УК РФ и практики ее применения //Научный портал МВД России. — 2022. — №. 2 (58). — С. 66–70.
6. Морозов А. С. Криминологический портрет лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии: по результатам анализа вступивших в силу обвинительных приговоров судов по части 4 статьи 210 УК РФ и статьи 210.1 УК РФ //Всероссийский криминологический журнал. — 2023. — Т. 17. — №. 4. — С. 361–373.
7. Чельшева О. В., Бородулин С. С. К вопросу о понятии и способах совершения преступления, предусмотренного статьей 210.1 УК РФ (занятие высшего положения в преступной иерархии) //КриминалистЪ. — 2023. — №. 2 (43). — С. 124–131.

Общая характеристика процессуального порядка постановления приговора

Долгушина Анастасия Сергеевна, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В данной статье проводится комплексный анализ приговора как центрального акта правосудия в российском уголовном судопроизводстве. Исследуется его сущность через систему внутренних (законность, обоснованность, справедливость, мотивированность) и внешних (общеобязательность, исключительность, преюдициальность и др.) свойств, раскрывается их содержание и взаимосвязь. Особое внимание уделяется роли суда как независимого арбитра, ответственного за обеспечение соответствия приговора установленным законом требованиям. В работе детально рассматриваются законодательные основы постановления приговора, включая конституционные принципы и нормы уголовного и уголовно-процессуального права. Проводится классификация приговоров на обвинительные и оправдательные, а также анализируются их процессуальные особенности в зависимости от порядка судебного разбирательства (общий, особый порядок, суд с участием присяжных заседателей и т. д.). Делается вывод о том, что приговор, воплощающий государственную реакцию на преступление, является итоговым актом, через свойства которого достигаются цели восстановления социальной справедливости и обеспечения правовой определенности.

Ключевые слова: приговор, акт правосудия, уголовное судопроизводство, свойства приговора, законность приговора, обоснованность приговора, справедливость приговора, виды приговоров, обвинительный приговор, оправдательный приговор, роль суда, УПК РФ.

Приговор в уголовном судопроизводстве России представляет собой центральный институт, венчающий деятельность суда по разрешению уголовного дела по существу. Этот акт правосудия не только подводит итог судебному разбирательству, но и олицетворяет собой воплощение принципов справедливости и законности, провозглашенных государством. Его значение многогранно и проистекает из той фундаментальной роли, которую он играет в защите прав и законных интересов личности, общества и государства, а также в укреплении авторитета судебной власти и правопорядка в целом. Понятие приговора может быть рассмотрено в нескольких аспектах: как процессуальный акт, как правовой институт и как совокупность уголовно-процессуальных отношений. В рамках настоящего анализа основное внимание уделяется первому аспекту, а именно сущности приговора, принимаемого судом, через призму его свойств.

Согласно ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее УПК РФ) УПК РФ, приговор определяется как процессуальный акт правосудия — решение суда о виновности или невиновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции [2]. Простыми словами, приговор — это судебное решение, являющееся лакмусовой бумажкой для оценки справедливости и законности всего уголовного процесса, поскольку судебные ошибки наносят непоправимый вред не только конкретному человеку, но и подрывают веру в справедливость и беспристрастность судов в целом, что метко подчеркнул Уильям Уильз, отмечая, что «один ошибочный приговор наносит непоправимый вред людям, подрывает веру в справедливость и беспристрастность судов и неизменно вызывает ряд общественных зол» [12].

Качественная определенность приговора как процессуального акта раскрывается через систему его свойств, которые в российской уголовно-процессуальной доктрине принято делить на внутренние и внешние. Эти свойства, как верно отмечает А. В. Бунина, находятся в диалектической взаимосвязи, выражая сущность данного акта в системе процессуальных решений [6]. К внутренним свойствам, перечисленным в ч. 1 ст. 297 УПК РФ, относятся законность, обоснованность и справедливость. Однако в данной статье законодатель не упоминает мотивированность, что представляет собой очевидный пробел, поскольку ее необходимость прямо вытекает из ч. 4 ст. 7 УПК РФ, устанавливающей, что все процессуальные решения, включая судебные, должны быть мотивированными. Таким образом, к внутренним свойствам правомерно относить четыре требования: законность, обоснованность, справедливость и мотивированность. К внешним свой-

ствам приговора относятся его исключительность, общеобязательность, законная сила, презумпция истинности и преюдициальное значение.

Требование законности приговора является производным от общепроцессуального принципа законности. Как справедливо указывает С. Г. Мирецкий, законность приговора заключается в строгом соблюдении не только норм уголовного закона, но и норм других отраслей права, применяемых при рассмотрении уголовного дела [10]. Это означает, что законным является не только приговор, форма и суть которого соответствуют закону, но и тот, который постановлен в результате судебного процесса, полностью соответствующего процедурным требованиям. Таким образом, законность приговора охватывает его строгое соответствие как материальному, так и процессуальному праву.

Следующим фундаментальным свойством является обоснованность, под которой понимается соответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела, установленным на основе всестороннего, полного и объективного исследования доказательств. Обоснованность отражает доказательственные признаки судебного решения и служит критерием его достоверности. Она реализуется через опору суда исключительно на допустимые и относимые доказательства, их всестороннюю оценку по внутреннему убеждению судей и детальную мотивировку, объясняющую, почему одни доказательства положены в основу выводов, а другие отвергнуты. Необоснованным считается приговор, выводы которого не подтверждаются доказательствами, основаны на непроверенных данных или содержат неустраненные существенные противоречия [4].

Особого внимания заслуживает взаимосвязь законности и обоснованности. С. З. Багаев, анализируя эту связь, указывает, что понятие законности приговора включает в себя и его обоснованность, поскольку требование обоснованности прямо сформулировано в уголовно-процессуальном законе [5]. Следовательно, необоснованное решение всегда является незаконным. В то же время незаконность приговора может быть следствием его необоснованности, так как процессуальная форма предназначена для обеспечения надлежащего обоснования. Однако возможны ситуации, когда обоснованный по факту приговор может быть незаконным в силу процедурных нарушений. Справедливость как свойство приговора, тесно связанное с законностью и обоснованностью, имеет прежде всего нравственную окраску и означает, что осужден должен быть лишь виновный, а невиновный — оправдан, и наказание должно быть соразмерным содеянному. Мотивированность же является формальным выражением обоснованности, заключааясь в изложении в приговоре всех

фактических и юридических доводов, подтверждающих выводы суда. Недостаточность или отсутствие мотивировки ставит под сомнение справедливость всего судебного акта.

Внешние свойства приговора определяют его действие после вступления в законную силу. Свойство общеобязательности (ст. 392 УПК РФ) означает, что вступивший в силу приговор обязателен для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц и граждан. Как писал М. С. Строгович, приговор применяется как закон к конкретному делу, разрешая уголовно-правовые отношения, бывшие его содержанием. Презумпция истинности вступившего в законную силу приговора есть признанное на правовом уровне положение о том, что он отражает объективную истину, а его опровержение возможно лишь в исключительном порядке. Законная сила приговора определяет границы его действия во времени, пространстве и по кругу лиц [11].

Исключительность приговора означает, что по тому же обвинению и в отношении того же лица не может быть вынесен новый приговор, что прямо следует из п. 4 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, предписывающего прекращение уголовного преследования при наличии вступившего в силу приговора. Наконец, преюдициальность заключается в общеобязательности установленных судом фактов для всех судов и правоприменительных органов при рассмотрении других дел, что обеспечивает стабильность судебных актов, непротиворечивость практики и процессуальную экономию.

Центральная роль в обеспечении законности и обоснованности приговора принадлежит суду. Объективное и справедливое разрешение уголовно-правового спора возможно лишь при наличии самостоятельного, независимого и беспристрастного субъекта, каковым является суд. Этот принцип, заложенный в Концепции судебной реформы 1991 года и конституционно закрепленный в основном законе страны [1], реализуется через разделение функций обвинения, защиты и разрешения дела. Суд выполняет несколько ключевых функций: разрешение дела по существу, судебный контроль на досудебных стадиях и в ходе исполнения приговора. В рамках своей основной функции суд выступает как арбитр в споре между обвинением и защитой, при этом, как обоснованно отмечает П. А. Лупинская, он не пассивен, а активно участвует в исследовании доказательств для установления истины [9]. Судебный контроль, анализируемый А. М. Исаевой, может быть предварительным (санкционирование мер процессуального принуждения) и последующим (рассмотрение жалоб на действия следствия) [8]. Широкие властные полномочия суда сопряжены с высочайшей ответственностью за обеспечение законности, обоснованности и справедливости выносимых решений.

Классификация приговоров на виды обусловлена итоговым решением суда о виновности. Статья 302 УПК РФ

предусматривает два принципиально различных вида приговоров: обвинительный и оправдательный. Обвинительный приговор постановляется только при условии, что виновность подсудимого доказана в полном объеме и подтверждена всей совокупностью исследованных доказательств. Он подразделяется на:

- приговор с назначением наказания, подлежащего отбыванию;
- с назначением наказания, но с освобождением от его отбывания;
- без назначения наказания.

Оправдательный приговор выносится по основаниям, исчерпывающе перечисленным в законе — не установление события преступления, непричастность подсудимого к совершению преступления, отсутствие в деянии состава преступления, а также на основании оправдательного вердикта присяжных заседателей. Независимо от основания, оправдание влечет право на реабилитацию. Особого внимания заслуживает классификация приговоров по критерию процессуальной формы их постановления. Выделяются приговоры, вынесенные:

- в общем порядке;
- в особом порядке при согласии обвиняемого с обвинением;
- в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве;
- по делу, по которому дознание проводилось в сокращенной форме;
- в отсутствие обвиняемого;
- на основании вердикта присяжных заседателей.

Специфика каждой из этих форм накладывает отпечаток на глубину исследования доказательств, объем мотивировочной части и, как следствие, на устойчивость приговора при пересмотре.

Законодательные основы постановления приговора образуют иерархическую систему нормативных актов. Во главе этой системы находятся конституционные принципы, такие как презумпция невиновности (ст. 49 Конституции РФ) и состязательность сторон (ст. 123 Конституции РФ). Уголовно-процессуальный кодекс РФ детализирует эти принципы, закрепляя в ст. 297 требования законности, обоснованности и справедливости приговора. Глава 39 УПК РФ регламентирует процедуру постановления приговора, включая тайну совещания судей (ст. 298) и перечень вопросов, разрешаемых судом одновременно (ст. 299).

Уголовный кодекс РФ (далее УК РФ) обеспечивает материально-правовую основу, определяя составы преступлений и общие начала назначения наказания (ст. 60 УК РФ) [2]. Специальные нормы регулируют постановление приговора в особых порядках (главы 40, 40.1 УПК РФ), с участием присяжных (глава 42 УПК РФ) и в отношении несовершеннолетних (глава 50 УПК РФ). Таким образом, законодательная база, регулирующая постановление приговора, представляет собой целостную систему, обеспечи-

вающую строгое соблюдение прав личности и вынесение законного, обоснованного и справедливого судебного решения.

В заключение следует подчеркнуть, что приговор суда как итоговый акт правосудия является воплощением государственной реакции на преступление. Все его свойства — как внутренние, так и внешние — находятся в системной взаимосвязи, образуя комплекс гарантий его

истинности и стабильности. Через неуклонное соблюдение требований законности, обоснованности, справедливости и мотивированности достигается основная цель правосудия — восстановление социальной справедливости и обеспечение правовой определенности. Роль суда как независимого арбитра и гаранта соблюдения этих требований является центральной и определяющей для всего уголовного судопроизводства.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, от 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. — 2020. — № 144.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
4. Алещенко А. А. Судебное разбирательство в суде первой инстанции и его этапы / А. А. Алещенко // Научное сообщество студентов. Междисциплинарные исследования: электронный сборник статей по материалам XXXII студенческой международной научно-практической конференции. — 2017. — С. 45–48.
5. Багаев С. З. Судебные прения и вынесение решения по делу как заключительные этапы судебного разбирательства / С. З. Багаев // Актуальные вопросы гражданского, арбитражного, административного судопроизводства: теория, методология, практика: материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Москва, 2024. — С. 19–22.
6. Бунина А. В. Приговор суда как акт правосудия. Его свойства / А. В. Бунина. — Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2006. — 168 с.
7. Гераськина Ю. А. Судебный приговор как акт правосудия / Ю. А. Гераськина, В. Ю. Антонова // European Scientific Conference: сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции: в 2 ч. — 2020. — С. 136–139.
8. Исаева А. М. Специальные познания в уголовном судопроизводстве / А. М. Исаева. — М.: Юрмис, 2017. — С. 299–301.
9. Лупинская П. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / П. А. Лупинская. — М.: Норма, 2017. — 1072 с.
10. Мирецкий С. Г. Приговор суда / С. Г. Мирецкий. — М.: Юридическая литература, 1989. — 109 с.
11. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. В 2 т. Т. 2: Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву / М. С. Строгович. — М.: Наука, 1970. — 324 с.
12. Уильз У. Опыт теории косвенных улик, объясненный примерами / У. Уильз. — М.: Типография Грачева и Ко, 1864. — 250 с.

Система принципов правосудия как конституционная основа судебной власти

Дудикова Алёна Юрьевна, студент магистратуры

Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Статья посвящена исследованию системы принципов правосудия. Автор анализирует научные подходы и нормативные акты, регулирующие эту сферу, а также выделяет ряд проблем, требующих повышенного внимания со стороны государства. Делается вывод о важности применения всех принципов правосудия для соблюдения требований справедливого судебного разбирательства.

Ключевые слова: конституционные принципы, принципы правосудия, право на справедливый суд, судебная власть, законность, независимость суда, гласность, справедливое разбирательство, судебная система.

Важным условием развития демократического общества на современном этапе является возможность беспрепятственного обращения к судебным инстанциям,

в результате чего на должном уровне будет обеспечиваться защита граждан от посягательств на их права и свободы. В связи с этим большое значение имеет совершенство-

вание соответствующей законодательной базы, которая призвана обеспечить надлежащий доступ граждан к правосудию. Особенно актуально это в условиях обеспечения правосудия в государстве, где доступ к правосудию является одним из определяющих его частей.

Правосудие как основополагающий правозащитный механизм может выполнять свою роль именно благодаря общепризнанным принципам, которые являются ориентиром в нормотворческой деятельности в процессе совершенствования судопроизводства и предоставляют возможность суду обеспечить правильное применение законодательства.

В контексте реформирования судебной системы важное место занимают вопросы общепризнанных принципов осуществления правосудия, отдельные аспекты которых до сих пор носят дискуссионный характер.

Общие принципы права (ряд которых относится, в частности, к регулированию судебной деятельности) в соответствии со ст. 38 Устава Международного суда [15] применяются для разрешения споров наряду с нормами международных договоров. Общие принципы не только способствуют унификации права разных государств, но и выступают вспомогательным инструментом для преодоления пробелов нормативной основы.

Единство принципов правосудия и системы национальных судов для международных органов, осуществляющих функции правосудия, может стать основой для выработки общих подходов к осуществлению судебной деятельности, а также создания предпосылок для формирования единой унифицированной системы органов, обеспечивающих судебные процедуры защиты прав личности, общества, государства на национальном и международном уровнях.

Принципы права в целом и принципы правосудия в частности являются результатом решений или определений соответствующих властных или уполномоченных лиц, а также институтов. Выявление определенных закономерностей в ходе научных исследований и их последующая систематизация может служить основой для формирования принципов, которые могут получить нормативное закрепление. Нормативное закрепление системы принципов способствует обеспечению информированности всех участников правоотношений и оказывает непосредственное влияние на правосознание. В то же время система принципов оказывает определенную помощь и задает направление развития правотворчества.

Рассматривая вопрос процессуально-правового режима, в литературе высказывается тезис о том, что для его эффективности важную роль играют специализированные (процессуальные) принципы, такие базовые положения, непосредственно влияющие на оптимальность каждого из процессуальных режимов. Среди них отличаются: принцип уважения и соблюдения прав личности; процессуального равенства; объективности; процессуальной экономии; процессуальной справедливости (мотивированности); гласности; процессуальной ответствен-

ности; осуществление процессуальной деятельности; профессионализма; независимости судей и должностных лиц, осуществляющих правоприменительную деятельность; непосредственности и т. д.

Следует отметить, что общая система принципов приводит к стандартизации подходов (в том числе и к осуществлению правосудия). Для осуществления правосудия важной функцией системы принципов является возможность их применения в случае пробелов в законодательстве. В то же время значение правосудия на самом деле достаточно сложно переоценить, ведь судам удается изменить право, не отменяя формально нормы. Но любое толкование нормы возможно только в рамках существующих принципов права и, прежде всего, принципов судопроизводства.

Принципы правосудия, являясь частью общих принципов права, можно определить как совокупность идей, положений и юридико-технических правил, опирающихся на логику и сформулированных в виде стандарта, применяемого в процессе осуществления правосудия. Сам термин «принцип правосудия» получил широкое распространение: он используется в нормативно-правовых актах разных уровней, в практике правоприменения, в юридической науке и литературе. Однако при этом до настоящего времени отсутствует единый подход к пониманию их сущности, внутреннего содержания и структуры. Именно по этой причине, в условиях отсутствия общепризнанной системы принципов правосудия, возникают трудности, а порой и невозможность их эффективного использования при толковании норм материального и процессуального права.

Отличительная черта принципов правосудия заключается в том, что, во-первых, их положения обязательны к соблюдению не только судьями, но и всеми участниками судебного процесса, а во-вторых, они выступают ориентирами для законодательной власти, задавая направление в нормотворческой деятельности [11, с. 182].

Правосудие в России осуществляется исключительно судами в пределах конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. Независимо от конкретной разновидности процесса, ему присуща система принципов, составляющих фундамент как организации судебной власти, так и ее процессуальной деятельности. В научной литературе, посвященной изучению судебной системы, данные принципы традиционно разделяют на принципы судостроительства и судопроизводства. Вместе они образуют единую систему, реализация которой обеспечивается нормами права: в сфере организации судебной власти — нормами судостроительными, а в процессе рассмотрения дел — процессуальными средствами [1].

В эту систему входят положения, определяющие статус суда как органа государственной власти, его место в системе органов власти, порядок формирования и состав. Именно в таком виде они закреплены в Конституции РФ. Однако, несмотря на активное внимание ученых-правоведов к данной проблематике, единой позиции относительно сущности и определения понятия «принципы пра-

восудия» до сих пор не существует. Так, В. И. Анишина рассматривает демократические принципы правосудия как исходные положения, определяющие ключевые направления деятельности государства, главной целью которых является справедливое и законное разрешение дел, связанных с защитой прав человека, гражданина и иных субъектов права [2].

Некоторые исследователи трактуют данные принципы как руководящие идеи, направляющие работу судов, другие — как определённые правовые положения, третьи же полагают, что они должны иметь строгое нормативное закрепление в законодательстве. По мнению Н. А. Громова и В. В. Николайченко, подобные разногласия носят терминологический характер и обусловлены тем, что часть авторов придаёт термину «принцип» чрезмерно широкий смысл. Само слово «*principium*» в переводе с латинского означает «начало, первоисточник, основу» [5, с. 70].

Системный характер принципов правосудия позволяет группировать их по определённым основаниям. Такими основаниями могут служить: а) источник закрепления того или иного принципа и б) содержание принципа.

По источнику закрепления можно выделить три группы принципов:

- а) закреплённые в актах международного права и являющиеся общепризнанными принципами и нормами;
- б) закреплённые в Конституции РФ;
- в) закреплённые в специальных законодательных актах о судостроительстве или судопроизводстве.

В зависимости от содержания принципа все их также можно разделить на две основные группы:

- а) характеризующие судебную власть и осуществление правосудия;
- б) характеризующие положение личности в государстве при осуществлении правосудия [14, с. 47].

Функции принципов правосудия проявляются в нескольких аспектах: они определяют содержание и сущность судебной деятельности, выражают политические, правовые и моральные идеи общества на определённом этапе развития, а также лежат в основе всей системы правосудия [1]. Для их реализации необходимо законодательное закрепление, однако существуют и такие принципы, которые прямо в законе не формулируются, но проявляются через правовую идеологию. Ранее к ним относились, например, состязательность сторон и презумпция невиновности.

Ряд учёных отмечает, что некорректно приравнивать принципы, закреплённые в нормативных актах, и идеи, отражающие лишь отдельные характеристики правосудия: нарушение первых влечёт за собой процессуальные ошибки и влияет на законность судебного решения, тогда как игнорирование вторых не разрушает процессуальной формы. В юридической науке существует метафора, согласно которой принципы правосудия сравнивают с кровеносными сосудами, питающими весь механизм судебной деятельности. Они определяют права и обязанности участников процесса, суть судопроизводства и нередко именуется конституционными основами правосудия [9, с. 199].

Помимо общих принципов правосудия, каждый вид судопроизводства обладает и своими специфическими принципами. Так, например, в Гражданском процессуальном кодексе РФ [4] (статьи 5, 56, 79, 190, 359), а также в статьях 1 и 9 Арбитражного процессуального кодекса РФ [3] закреплёны отдельные положения, отражающие основы гражданского и арбитражного судопроизводства. Кодекс административного судопроизводства РФ [7] в статье 6 содержит перечень принципов, среди которых: независимость судей, равенство всех перед законом и судом, законность и справедливость при разрешении административных дел, соблюдение разумных сроков рассмотрения и исполнения судебных решений, открытость процесса, непосредственность судебного разбирательства, а также состязательность и равноправие сторон при активной роли суда.

При этом центральное место во всех видах судопроизводства занимают конституционные и международно-признанные принципы правосудия. Их значимость подтверждается уголовно-правовыми и процессуальными санкциями, установленными за нарушение процессуальных норм. Так, судебный приговор признаётся законным, обоснованным и справедливым лишь тогда, когда он соответствует требованиям уголовно-процессуального законодательства, вынесен с соблюдением формы и порядка постановления и основан на правильном применении уголовного закона. Согласно статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года [10] и статье 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года [8, с. 163], решение суда может считаться правомерным только при условии, что оно вынесено по итогам справедливого судебного разбирательства. Таким образом, основная функция принципов правосудия заключается в обеспечении фундаментальных прав и свобод человека, закреплённых как в национальных, так и в международных правовых актах.

Следовательно, базовые положения, определяющие организацию судебной системы и порядок реализации ее полномочий, закреплёны в Конституции РФ либо вытекают из ее норм. Они и составляют систему принципов правосудия, выступая фундаментальными идеями, которые определяют сущность судебной власти, структуру судебной системы и характер ее деятельности. Эти положения отражают ключевые особенности судебной деятельности как особой формы государственной власти.

Ни судостроительное, ни судопроизводственное законодательство не дают легального определения понятию «принципы судопроизводства». Однако анализ судебной практики позволяет рассматривать их как самостоятельные конституционные начала, регулирующие осуществление правосудия. В совокупности они образуют систему, включающую как принципы организации судебной системы, так и принципы процессуальной деятельности. Причем с учетом их тесной взаимосвязи в юридической науке принято рассматривать принципы судостроительства и судопроизводства в единстве, обозначая их как принципы правосудия [6, с. 142].

Конституционные принципы правосудия можно охарактеризовать как основополагающие правовые положения, определяющие устройство и деятельность судебных органов и раскрывающие сущность правосудия как формы реализации судебной власти. В их составе можно выделить две группы: судостроительные и судопроизводственные. Первая категория отражает основы построения судебной системы и порядок функционирования судов; сюда относят принципы осуществления правосудия исключительно судом, независимости судей и их подчинения только закону, равенства всех перед законом и судом, а также доступности правосудия. Вторая категория касается порядка осуществления процессуальной деятельности и включает принципы законности, использования государственного языка судопроизводства, гласности, разумных сроков, обеспечения судебной защиты прав граждан, участия общества в отправлении правосудия, состязательности и равноправия сторон, непосредственности и устности судебного разбирательства.

Таким образом, к основополагающим принципам судебной власти относятся следующие:

1. Осуществление правосудия исключительно судами. Данный принцип закрепляет, что в Российской Федерации только суды обладают исключительным правом рассматривать и разрешать гражданские, уголовные и иные категории дел. Ни один другой государственный или общественный орган не может быть наделен подобными полномочиями.

2. Самостоятельность судов и независимость судей. Суды реализуют судебную власть автономно, не подчиняясь ничьему влиянию, кроме требований Конституции РФ и закона. Судьи, присяжные заседатели и арбитражные заседатели, участвующие в отправлении правосудия, также независимы и подчиняются исключительно закону. Запрещается принятие нормативных актов, которые могут ограничить либо отменить судебную самостоятельность. Любое незаконное воздействие на судью или вмешательство в деятельность суда влечет установленную законом ответственность. Узурпация полномочий суда квалифицируется как преступление и преследуется по уголовному закону.

3. Принцип неприкосновенности судей. Он закреплен в статье 16 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 № 3132-1 [12]. Неприкосновенность включает защиту личности судьи, его жилых и служебных помещений, используемого транспорта, имущества и документов, а также гарантию тайны переписки, телефонных переговоров и иных видов личной корреспонденции.

4. Несменяемость судей. Эта гарантия отражена в Конституции РФ и в нормах законодательства о судебной си-

стеме. Несменяемость предполагает, что судья осуществляет свои полномочия до достижения предельного возраста пребывания в должности. Перевод в другой суд или на другую должность допускается только с согласия самого судьи. Нормативное закрепление содержится в статье 15 Закона «О судебной системе» [13] и статье 12 Закона «О статусе судей».

5. Открытость судебного разбирательства. Все судебные заседания, как правило, являются открытыми. Закрытые процессы возможны лишь в случаях, прямо указанных федеральным законом. Так, Уголовно-процессуальный кодекс РФ предусматривает возможность закрытого рассмотрения, если разбирательство может повлечь разглашение государственной тайны, при рассмотрении дел несовершеннолетних, а также в целях обеспечения безопасности участников процесса и их близких.

6. Принцип гласности. Он тесно связан с принципами устности, непосредственности, состязательности и равноправия сторон. Гласность обеспечивает прямое взаимодействие суда с участниками процесса, равный доступ к информации и контроль общества за деятельностью судебной власти.

7. Состязательность и равенство сторон. Все участники процесса обладают равными правами и обязанностями. Суд не вправе предоставлять одной стороне преимущества или ограничивать возможности другой. Каждому участнику гарантировано право представлять доказательства, заявлять ходатайства, излагать доводы и давать объяснения по вопросам, связанным с делом.

8. Запрет заочного разбирательства уголовных дел. Конституция РФ (ч. 2 ст. 123) прямо устанавливает, что рассмотрение уголовных дел в отсутствие подсудимого не допускается, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом.

9. Участие граждан в отправлении правосудия. Данный принцип реализуется, в частности, через участие присяжных заседателей. Конституция РФ (ч. 4 ст. 123, ч. 2 ст. 20, ч. 2 ст. 47) закрепляет право обвиняемого в установленных законом случаях на рассмотрение дела судом с участием присяжных. Хотя это право не входит в число неотчуждаемых и универсальных, оно направлено на усиление гарантий защиты обвиняемого.

10. Равенство всех перед законом и судом. Судебные органы обязаны обеспечивать равные условия для всех лиц независимо от их социального статуса, пола, национальности, языка, расы, происхождения, места жительства, имущественного положения, должности, вероисповедания, политических взглядов или принадлежности к общественным объединениям.

Литература:

1. Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации: Учебник / Н. В. Азаренок, В. А. Байдуков, В. М. Бозров и др.; под ред. В. М. Бозрова. М.: Юстиция, 2017. — 568 с.
2. Анишина, В. И. Система основополагающих принципов правосудия в российском праве // Самостоятельность и независимость судебной власти Российской Федерации / Под ред. В. В. Ершова. М., 2006.

3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета. — № 137. — 27.07.2002.
4. Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации: офиц. Текст // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2019. — № 42.
5. Громов, Н. А. Принципы уголовного процесса, их понятие и система / Н. А. Громов, В. В. Николайченко // Государство и право. 1997. № 7.
6. Кашепов, В. П. Преобразование системы принципов судопроизводства при осуществлении судебной реформы / В. П. Кашепов // Журнал российского права. 2017. № 2 (242).
7. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Российская газета. — № 49. — 11.03.2015.
8. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS No 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 2.
9. Конституционные принципы судебной власти Российской Федерации / Под ред. В. П. Кошопова. М., 2011.
10. Международный пакт о гражданских и политических правах» (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — № 12. — 1994.
11. Мосина, К. А. Понятие конституционных принципов судебной власти, их система и юридическая природа / К. А. Мосина // Молодой ученый. 2024. № 6 (505).
12. О статусе судей в Российской Федерации: Закон РФ от 26 июня 1992 г. N 3132-I (с изменениями и дополнениями) — Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
13. О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) — Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Принципы правосудия и их развитие в информационном обществе: коллективная монография / под ред. А. А. Дорской, В. А. Косовской. — СПб.: Астерион, 2023.
15. Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.): сайт — Режим доступа: <https://base.garant.ru/2540400/3602bc72660234b37912039719ae1824/> — Загл. с экрана.

Аренда недвижимых вещей: проблемы и перспективы развития

Евстратенко Юлия Денисовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Богуславская Наталья Ароновна, кандидат юридических наук, доцент
Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Хабаровск)

В статье анализируются теоретические и практические аспекты договора аренды недвижимого имущества в российском праве. Рассматривается правовая природа договора, его существенные условия, вопросы государственной регистрации. Особое внимание уделяется анализу судебной практики, выявляющей проблемы определения объекта аренды и порядка прекращения договора, а также специфике заключения договоров с множественностью лиц.

Ключевые слова: договор аренды, недвижимое имущество, существенные условия, предмет договора, арендная плата, государственная регистрация, судебная практика.

Rental of real estate: problems and development prospects

Evstratenko Yuliya Denisovna, master's student

Scientific advisor: Boguslavskaya Natalya Aronovna, phd in law, associate professor
Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (Khabarovsk)

The article analyzes the theoretical and practical aspects of the lease of real estate in Russian law. The legal nature of the contract, its essential conditions, and issues of state registration are considered. Special attention is paid to the analysis of judicial practice, which reveals the problems of determining the rental object and the procedure for terminating the contract, as well as the specifics of concluding contracts with a plurality of persons.

Keywords: lease agreement, real estate, essential terms, subject of the agreement, rent, state registration, judicial practice.

Институт аренды недвижимого имущества является одним из центральных в системе гражданско-пра-

вовых отношений. Он обеспечивает удовлетворение потребностей как коммерческих организаций, для которых

аренда зданий, сооружений и земельных участков составляет основу хозяйственной деятельности, так и граждан, реализующих свои жилищные права. Динамичное развитие экономических отношений и усложнение оборота недвижимости неизбежно приводят к возникновению новых правовых вызовов и актуализируют необходимость комплексного научного осмысления существующих норм и правоприменительной практики. Несмотря на детальную, на первый взгляд, регламентацию в Гражданском и Земельном кодексах РФ, правовое регулирование арендных отношений обладает рядом пробелов и недостатков, что порождает противоречивые судебные решения и создает правовую неопределенность для участников оборота [4, с. 95].

Актуальность данного исследования обусловлена не только теоретической значимостью, но и практической необходимостью выработки единых подходов к решению сложных вопросов, возникающих при заключении, исполнении и прекращении договоров аренды. К таким вопросам относятся, в частности, определение существенных условий договора, проблемы квалификации соглашений об использовании отдельных конструктивных элементов зданий, порядок государственной регистрации и его правовые последствия, а также специфика правового режима земельных участков, находящихся под зданиями с множественностью собственников. Целью настоящей статьи является анализ ключевых теоретических и практических проблем в сфере аренды недвижимого имущества и предложение возможных путей их решения на основе изучения доктрины, законодательства и судебной практики.

Договор аренды недвижимого имущества по своей правовой природе является консенсуальным, возмездным и двусторонне обязывающим. Ключевым моментом, определяющим действительность и заключенность договора, является достижение сторонами соглашения по всем его существенным условиям. Согласно пункту 1 статьи 432 ГК РФ, к таковым относятся условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

Основным и бесспорным существенным условием любого договора аренды является его предмет (объект). Проблема возникает, когда в аренду передается не весь объект, а лишь его часть. Анализ доктринальных положений и законодательства показывает, что предметом договора может выступать как земельный участок целиком, так и его часть, что требует четкого описания ее границ и местоположения для однозначной идентификации [6, с. 58]. При этом правило об определении цены по аналогии (п. 3 ст. 424 ГК РФ) в данном случае не применяется. Законодательство также устанавливает ограничение на частоту изменения размера арендной платы — по соглашению сторон она может изменяться не чаще одного раза

в год (п. 3 ст. 614 ГК РФ), если иное не предусмотрено договором.

Вопрос об отнесении срока к существенным условиям договора аренды недвижимости является дискуссионным. ГК РФ допускает заключение договора на неопределенный срок (п. 2 ст. 610 ГК РФ), что, казалось бы, свидетельствует против его существенности. В таком случае каждая из сторон вправе в любое время отказаться от договора, предупредив другую сторону за три месяца. Однако на практике срок имеет огромное значение, в первую очередь, в связи с необходимостью государственной регистрации. Договоры, заключенные на срок менее года, позволяют сторонам избежать этой процедуры.

Форма договора аренды недвижимого имущества напрямую зависит от его срока. Согласно пункту 1 статьи 609 ГК РФ, договор аренды на срок более года, а если хотя бы одной из сторон договора является юридическое лицо, независимо от срока, должен быть заключен в письменной форме. Для договоров аренды зданий, сооружений и земельных участков, заключенных на срок не менее года, законодатель устанавливает дополнительное требование — обязательную государственную регистрацию (п. 2 ст. 651 ГК РФ, п. 2 ст. 26 ЗК РФ). Такой договор считается заключенным для третьих лиц с момента его регистрации.

Несоблюдение требования о государственной регистрации влечет серьезные правовые последствия. Хотя в отношениях между собой стороны такого договора связаны его условиями, для третьих лиц он юридически не существует. Это означает, что арендатор не сможет защитить свои права, например, против нового собственника имущества, который не будет связан условиями незарегистрированного договора. Системные проблемы, связанные с терминологической неопределенностью и дублированием норм в различных кодексах, особенно остро проявляются в вопросах регистрации. Например, ГК РФ регулирует аренду «зданий и сооружений», но понятие «помещение» прямо не включено в перечень объектов, что порождает споры о необходимости регистрации аренды отдельных нежилых помещений [7, с. 90]. Судебная практика исходит из того, что на аренду нежилых помещений распространяются правила об аренде зданий, и, следовательно, долгосрочные договоры подлежат регистрации.

Унификация терминологии путем прямого включения помещений в перечень объектов аренды в ГК РФ позволила бы устранить существующие правовые пробелы и снизить количество споров. Четкое законодательное регулирование необходимо для обеспечения стабильности гражданского оборота и защиты прав как арендаторов, так и арендодателей.

Сравнительный анализ правового режима аренды различных видов недвижимости

Правовое регулирование аренды недвижимости дифференцируется в зависимости от вида объекта. Для наглядного представления различий целесообразно провести сравнительный анализ в виде таблицы.

Таблица 1. Сравнительный анализ договоров аренды различных объектов недвижимости

Критерий	Аренда зданий и сооружений	Аренда земельных участков	Наем жилого помещения
Основное регулирование	Глава 34 ГК РФ (§1, §4)	Глава 34 ГК РФ (§1), Земельный кодекс РФ	Глава 35 ГК РФ, Жилищный кодекс РФ
Специфика объекта	Обособленный объект капитального строительства (целиком). Передача прав на земельный участок под ним.	Природный объект, часть поверхности земли с определенными границами. Целевое назначение.	Изолированное жилое помещение, пригодное для постоянного проживания (квартира, дом, комната).
Существенные условия	Предмет, цена.	Предмет, цена (арендная плата).	Предмет (конкретное жилое помещение).
Форма и регистрация	Письменная форма. Обязательная регистрация при сроке от 1 года.	Письменная форма. Обязательная регистрация при сроке от 1 года.	Письменная форма. Регистрации подлежит только обременение права собственности при сроке от 1 года.
Предельные сроки	Не установлены.	Могут быть установлены законом для отдельных видов земель и случаев.	Не более 5 лет. Если срок не определен, считается заключенным на 5 лет.
Права и обязанности сторон	Арендодатель отвечает за капитальный ремонт. Арендатор — за текущий.	Арендатор обязан использовать участок в соответствии с целевым назначением.	Наймодатель обязан осуществлять надлежащую эксплуатацию дома, предоставлять коммунальные услуги.

Анализ табл. 1. показывает, что, несмотря на общую родовую принадлежность к договорам по передаче имущества в пользование, каждый из рассмотренных видов аренды имеет существенные особенности, обусловленные спецификой объекта и его социальным или экономическим назначением.

Судебная практика является важнейшим индикатором проблем в правовом регулировании. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой» до сих пор сохраняет свою актуальность и содержит разъяснения по многим сложным вопросам.

Другой сложный вопрос касается определения срока договора и порядка его прекращения. В пункте 4 Обзора анализируется договор, в котором срок его действия определен «до начала реконструкции сданного внаем объекта». Суд указал, что такое условие не может рассматриваться как условие о сроке, поскольку оно связано с событием, относительно которого неизвестно, наступит оно или нет. В силу статьи 190 ГК РФ, срок может определяться указанием на событие, которое должно неизбежно наступить. Поскольку реконструкция не является таким событием, суд квалифицировал данный договор как заключенный на неопределенный срок. Следовательно, его прекращение возможно по правилам пункта 2 статьи 610 ГК РФ — путем направления одной из сторон уведомления об отказе от договора за три месяца. Эта позиция демонстрирует важность корректной формулировки условия о сроке и последствий его отсутствия [3, с. 4].

Проблемы аренды земельного участка с множественностью лиц

Особого внимания заслуживают вопросы заключения договора аренды государственного или муниципального земельного участка, на котором расположены здания или сооружения, принадлежащие нескольким лицам. Ранее правовой режим для таких ситуаций был недостаточно урегулирован, что приводило к неосновательному обогащению пользователей земли за счет экономии на арендной плате [5, с. 190].

Действующая редакция статьи 39.20 Земельного кодекса РФ предусматривает, что такой земельный участок может быть предоставлен этим лицам в аренду с множественностью лиц на стороне арендатора. Ключевое изменение состоит в том, что оформление прав на земельный участок из права превратилось в обязанность правообладателей недвижимости. Если один из правообладателей обращается с заявлением о заключении договора аренды, уполномоченный орган направляет остальным правообладателям проекты договоров. В случае их уклонения от заключения, уполномоченный орган обязан в течение трех месяцев обратиться в суд с требованием о понуждении к заключению договора. Более того, уполномоченный орган вправе обратиться в суд с иском о понуждении к заключению договора, даже если ни один из правообладателей самостоятельно не подал заявление.

Такое регулирование направлено на устранение пробела, позволявшего годами использовать землю безвозмездно. Судебная практика подтверждает, что оформ-

ление прав на земельный участок является обязанностью правообладателей находящихся на нем объектов недвижимости. Суды также положительно рассматривают иски уполномоченных органов о взыскании с таких лиц неосновательного обогащения в связи с бесплатным использованием земли. Данный механизм обеспечивает баланс частных и публичных интересов, защищая права собственника земельного участка (государства или муниципалитета) и стимулируя пользователей к оформлению своих прав в установленном законом порядке [5, с. 189].

Проведенное исследование демонстрирует, что институт аренды недвижимого имущества, несмотря на его фундаментальный характер, содержит ряд теоретических и практических проблем, требующих внимания как законодателя, так и правоприменителя. Основные сложности связаны с недостаточной четкостью законодательных формулировок, особенно в части определения объекта аренды (проблема аренды частей недвижимости) и соотношения норм гражданского, земельного и жилищного законодательства.

Анализ судебной практики показывает, что суды играют ключевую роль в восполнении пробелов и толковании норм, однако их подходы не всегда единообразны,

что снижает предсказуемость правового регулирования. Важным шагом к упорядочиванию отношений стало введение обязанности для правообладателей недвижимости по оформлению аренды земельных участков с множественностью лиц, что способствует защите публичных интересов.

Для дальнейшего совершенствования законодательства представляется целесообразным:

1. Внести изменения в Главу 34 ГК РФ, прямо закрепив возможность аренды нежилых помещений и частей недвижимых вещей с установлением четких критериев их индивидуализации.

2. Унифицировать понятийный аппарат в ГК РФ, ЗК РФ и ЖК РФ для устранения коллизий в регулировании смежных отношений.

3. Разработать на уровне Верховного Суда РФ новые обзоры практики, учитывающие современные экономические реалии и накопившиеся спорные вопросы, в частности, касающиеся электронных процедур заключения и регистрации договоров.

Решение этих задач позволит повысить стабильность и прозрачность оборота недвижимости, обеспечив более надежную защиту прав и законных интересов всех его участников.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 44. — Ст. 4147.
3. Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 № 66 // Вестник ВАС РФ. — 2002. — № 3.
4. Гребенюк, И. А. Правовые аспекты заключения и исполнения договоров аренды недвижимости проблемы и пути их решения / И. А. Гребенюк // Актуальные научные исследования: сборник статей XXVII Международной научно-практической конференции. В 2 ч., Пенза, 20 мая 2025 года. — Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2025. — С. 94–96.
5. Кириллова, Т. К. Проблемы заключения договора аренды земельного участка со множественностью лиц на стороне арендатора / Т. К. Кириллова, О. С. Великая // Закон. Право. Государство. — 2022. — № 1(33). — С. 187–192.
6. Коваленко, К. О. Существенные условия договора аренды земельных участков в России: особенности и проблемы определения / К. О. Коваленко // Вестник научной мысли. — 2022. — № 7. — С. 58–63.
7. Оруджова, Д. Х. Проблемы гражданско-правового регулирования отношений по аренде нежилых недвижимости / Д. Х. Оруджова, Я. А. Ключникова // Проблемы экономики и юридической практики. — 2024. — Т. 20, № 2. — С. 89–92.

Аренда недвижимых вещей: вопросы теории и практики

Евстратенко Юлия Денисовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Богуславская Наталья Ароновна, кандидат юридических наук, доцент
Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Хабаровск)

В статье представлен комплексный анализ договора аренды недвижимого имущества в России. Рассматриваются теоретические основы, включая понятие и существенные условия договора, и практические аспекты на основе анализа судебной практики. Выявлены ключевые проблемы правового регулирования, такие как коллизии законодательства, и предложены пути их решения для совершенствования арендных отношений.

Ключевые слова: договор аренды, недвижимое имущество, государственная регистрация, судебная практика, земельный участок, арендная плата.

Rental of real estate: questions of theory and practice

Evstratenko Yuliya Denisovna, master's student

Scientific advisor: Boguslavskaya Natalya Aronovna, phd in law, associate professor
Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (Khabarovsk)

The article presents a comprehensive analysis of the real estate lease agreement in Russia. The theoretical foundations, including the concept and essential terms of the contract, and practical aspects are considered based on the analysis of judicial practice. The key problems of legal regulation, such as legislative conflicts, are identified and ways to solve them for improving rental relations are proposed.

Keywords: lease agreement, real estate, state registration, judicial practice, land plot, rent.

Договор аренды недвижимости является одним из наиболее востребованных и распространенных видов гражданско-правовых договоров в Российской Федерации, играя ключевую роль как в предпринимательской деятельности, так и в удовлетворении жилищных потребностей граждан. Правовое регулирование арендных отношений в сфере недвижимости, несмотря на длительное реформирование и развитую правоприменительную практику, до сих пор содержит множество пробелов и коллизий, что порождает многочисленные судебные споры и требует доктринального осмысления. Сложность регулирования данных отношений обусловлена особым правовым статусом недвижимости как объекта гражданских прав, а также необходимостью соблюдения баланса частных и публичных интересов.

Актуальность исследования обусловлена динамичным развитием рынка недвижимости и необходимостью совершенствования законодательства, регулирующего арендные отношения. Особое внимание в научной литературе и судебной практике уделяется вопросам, связанным с существенными условиями договора, государственной регистрацией, правами и обязанностями сторон, а также основаниями и порядком расторжения договора. Развитие рынка коммерческой недвижимости, в частности, показывает высокий потенциал и постоянный рост спроса на аренду, что привлекает как местных, так и иностранных инвесторов, но вместе с тем актуализирует проблемы правовой защиты их интересов [7, с. 101]. Несмотря на значительное количество научных работ, посвященных данной проблематике, ряд вопросов остается дискуссионным, что требует дальнейшего глубокого анализа. Целью настоящей статьи является комплексное исследование теоретических и практических проблем, возникающих в сфере аренды недвижимого имущества, а также выработка предложений по совершенствованию действующего законодательства.

В соответствии со статьей 606 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1] по договору аренды (имущественного найма) арендодатель (наймода-

тель) обязуется предоставить арендатору (нанимателю) имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование. Договор аренды недвижимости, являясь разновидностью договора аренды, обладает рядом особенностей, обусловленных спецификой объекта — недвижимого имущества. К недвижимым вещам относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства (ст. 130 ГК РФ) [1]. Данный вид договора представляет собой правовой инструмент, позволяющий регулировать отношения между сторонами, и обеспечивает стабильность и справедливость в их взаимоотношениях, способствуя развитию рынка недвижимости в стране [3, с. 97].

Важнейшими элементами любого договора аренды, включая договор аренды недвижимости, являются его стороны, предмет, цена и срок. Сторонами договора выступают арендодатель и арендатор. В качестве арендодателя может выступать собственник имущества либо лицо, уполномоченное законом или собственником сдавать имущество в аренду (ст. 608 ГК РФ). Арендатором может быть любое дееспособное физическое или юридическое лицо.

Предмет договора аренды недвижимости должен быть четко определен. В договоре должны быть указаны данные, позволяющие однозначно установить имущество, подлежащее передаче арендатору в качестве объекта аренды. При отсутствии этих данных в договоре условие об объекте, подлежащем передаче в аренду, считается не согласованным сторонами, а соответствующий договор не считается заключенным (п. 3 ст. 607 ГК РФ). Для индивидуализации объекта недвижимости в договоре указываются его наименование, назначение, площадь, адрес местонахождения, кадастровый номер и иные характеристики, позволяющие его идентифицировать. Недвижимое имущество, являясь объектом современного российского гражданского права, представляет собой наиболее

важную социально-экономическую ценность, что обуславливает повышенные требования к его описанию в договоре [6, с. 201].

Цена является существенным условием договора аренды зданий и сооружений. При отсутствии согласованного сторонами в письменной форме условия о размере арендной платы договор аренды здания или сооружения считается незаключенным (п. 1 ст. 654 ГК РФ). Размер арендной платы может быть установлен в виде определенных в твердой сумме платежей, вносимых периодически или единовременно; установленной доли полученных в результате использования арендованного имущества продукции, плодов или доходов; предоставления арендатором определенных услуг; передачи арендатором арендодателю обусловленной договором вещи в собственность или в аренду; возложения на арендатора обусловленных договором затрат на улучшение арендованного имущества (п. 2 ст. 614 ГК РФ).

Срок в договоре аренды недвижимости не всегда является его существенным условием. Если срок аренды в договоре не определен, договор считается заключенным на неопределенный срок (п. 2 ст. 610 ГК РФ). В этом случае каждая из сторон вправе в любое время отказаться от договора, предупредив об этом другую сторону за три месяца. Однако для отдельных видов аренды, например, аренды земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, установлены предельные (максимальные и минимальные) сроки (ст. 39.8 Земельного кодекса РФ) [2].

Одной из ключевых особенностей правового регулирования договора аренды недвижимости является требование о его государственной регистрации. В соответствии с п. 2 ст. 609 ГК РФ договор аренды недвижимого имущества подлежит государственной регистрации, если иное не установлено законом. Договор аренды здания или сооружения, заключенный на срок не менее года, подлежит государственной регистрации и считается заключенным с момента такой регистрации (п. 2 ст. 651 ГК РФ). Аналогичное правило действует и в отношении договоров аренды земельных участков, а также нежилых помещений.

Государственная регистрация обеспечивает публичность и достоверность сведений о правах на недвижимое имущество и сделках с ним, защищая права и законные интересы участников гражданского оборота. Отсутствие государственной регистрации договора аренды, подлежащего таковой, влечет его незаключенность. Это означает, что такой договор не порождает правовых последствий для его сторон и третьих лиц. Судебная практика исходит из того, что до регистрации договора аренды у арендатора не возникает права аренды, а у арендодателя — права на получение арендной платы. В то же время, если стороны фактически исполняли незарегистрированный договор, то в отношениях между собой они не вправе ссылаться на его незаключенность.

Проблемы, возникающие при сдаче недвижимости в аренду, часто связаны с несоблюдением письменной

формы договора или требований о его регистрации, что лишает устные договоренности юридической силы и ставит стороны в зависимость исключительно от их добросовестности [3, с. 98].

Анализ судебной практики показывает, что наиболее распространенными являются споры, связанные с взъёмом арендной платы, расторжением договора аренды, а также споры о судьбе улучшений, произведенных арендатором. Высшим Арбитражным Судом РФ был обобщен значительный массив дел, на основе которого были вырабатываемы рекомендации, сохраняющие свою актуальность.

Одним из показательных примеров является дело, в котором рассматривался вопрос о правовой природе договора, предоставляющего право использовать конструктивный элемент здания (крышу) для рекламных целей. Акционерное общество, использовавшее крышу для размещения рекламы, полагало, что заключенный договор является договором аренды, и на основании статьи 621 ГК РФ требовало перевода на себя прав и обязанностей по новому аналогичному договору, заключенному собственником с другим лицом. Суд отказал в удовлетворении иска, указав, что крыша представляет собой конструктивный элемент здания и не является самостоятельным объектом недвижимости, который мог бы быть передан в пользование отдельно от здания. Следовательно, крыша не может являться объектом аренды. Правоотношения сторон были квалифицированы как обязательственные, регулируемые общими положениями о договорах, а не специальными нормами главы 34 ГК РФ об аренде [1]. Этот пример демонстрирует важность правильной квалификации предмета договора для определения применимых правовых норм и защиты прав сторон.

Другой важной категорией споров являются дела, связанные с реализацией арендаторами публичной недвижимости преимущественного права на выкуп арендованного имущества. В одном из таких дел Росимущество отказало предпринимателю в выкупе арендованного здания, сославшись на то, что объект находится в неудовлетворительном состоянии, что является нарушением условий договора аренды. Суды трех инстанций поддерживали арендатора. Было установлено, что предприниматель изначально получил здание в неудовлетворительном состоянии, что было зафиксировано в акте приема-передачи. При этом Росимущество не представило доказательств того, что состояние недвижимости за время аренды значительно ухудшилось по вине арендатора. Таким образом, суд пришел к выводу, что отказ в реализации права на выкуп был необоснованным злоупотреблением правом со стороны государственного органа [8]. Данный кейс подчеркивает, что для лишения арендатора права выкупа арендодатель должен доказать факт существенного ухудшения состояния объекта именно в период аренды.

Несмотря на детальное, на первый взгляд, регулирование, практика применения законодательства об аренде недвижимости выявляет ряд проблемных аспектов, тре-

бующих своего разрешения. Особую сложность представляют вопросы, возникающие при аренде земельных участков, где нормы гражданского законодательства вступают в противоречие со специальными нормами земельного, лесного и иного отраслевого законодательства. Актуальные проблемы аренды земельных участков как объектов недвижимости в Российской Федерации требуют комплексного подхода, позволяющего выстроить баланс как между частными и публичными интересами, так и между нормами гражданского и земельного права.

Таким образом, правовое регулирование аренды недвижимости в Российской Федерации представляет собой сложный и многогранный институт, имеющий как теоретические, так и практические проблемы. Анализ действующего законодательства и судебной практики позволил выявить ряд коллизий и пробелов, в частности, в вопросах соотношения норм гражданского, земельного и лесного законодательства, определения правовой природы отдельных видов договоров, а также реализации прав арендаторов.

Для повышения эффективности правового регулирования арендных отношений необходимо принятие комплекса мер, направленных на унификацию законодательства, устранение существующих противоречий и восполнение пробелов. Перспективным направлением видится дальнейшее совершенствование Земельного кодекса РФ, в частности, принятие специального федерального закона «Об аренде земельных участков», который бы комплексно урегулировал все вопросы, связанные с арендой земли. Кроме того, целесообразно дополнить ГК РФ специальным параграфом, посвященным особенностям аренды недвижимого имущества, что позволит систематизировать существующие нормы и обеспечить их единообразное применение. Разрешение выявленных проблем будет способствовать стабилизации гражданского оборота, повышению инвестиционной привлекательности рынка недвижимости и обеспечению надежной защиты прав и законных интересов всех его участников.

Таблица 1. Анализ проблемных аспектов в сфере аренды недвижимости

Проблемный аспект	Существующее регулирование	Анализ проблемы и судебной практики	Предложения по совершенствованию
Коллизия норм о субаренде земельного участка	п. 2 ст. 615 ГК РФ устанавливает, что арендатор вправе сдавать имущество в субаренду только с согласия арендодателя. В то же время, п. 5, 6 ст. 22 Земельного кодекса РФ позволяют арендатору земельного участка передавать его в субаренду без согласия собственника, при условии его уведомления.	Данная коллизия порождает правовую неопределенность и многочисленные судебные споры. Судебная практика по данному вопросу неоднозначна, однако в последнее время наметилась тенденция к применению специальных норм земельного законодательства как имеющих приоритет в регулировании земельных отношений.	Оптимальным решением видится внесение изменений в ГК РФ, предусматривающих, что для отдельных видов имущества (включая земельные участки) законом могут быть установлены иные правила передачи в субаренду.
«Двойная аренда» лесных участков	ГК РФ и ЗК РФ исходят из невозможности «двойной аренды» одного и того же объекта. Однако Лесной кодекс РФ прямо не запрещает передачу одного и того же лесного участка в аренду разным лицам для осуществления разных видов лесопользования (например, заготовки древесины и рекреационной деятельности).	Позиция Высшего Арбитражного Суда РФ, допускающая «двойную аренду» лесных участков, вызывает многочисленные споры в научной среде. Противники данной конструкции указывают на нарушение основополагающих принципов гражданского права, в частности, принципа определенности объекта права.	Требуется приведение норм Лесного кодекса РФ в соответствие с общими положениями ГК РФ и ЗК РФ. Следует законодательно закрепить прямой запрет на «двойную аренду» либо разработать четкий правовой механизм, разграничивающий права и обязанности нескольких арендаторов одного участка.
Аренда земельных долей	Действующее законодательство не предусматривает возможность аренды земельной доли как самостоятельного объекта права. Для сдачи в аренду части земельного участка, находящегося в долевой собственности, необходимо сначала выделить эту часть в натуре.	На практике, особенно в аграрном секторе, собственники земельных долей сталкиваются со сложностями при распоряжении своим имуществом. Процедура выдела доли трудоемка и затратна, что делает аренду неэффективной. Это создает препятствия для вовлечения земель сельскохозяйственного назначения в оборот.	Следует усовершенствовать законодательный механизм распоряжения земельными долями, в том числе путем введения возможности передачи их в аренду без выдела в натуре. Возможно, это можно реализовать через институт доверительного управления общим имуществом или путем заключения договора аренды со множественностью лиц на стороне арендодателя.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — ст. 410.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 44. — ст. 4147.
3. «Лесной кодекс Российской Федерации» от 04.12.2006 N 200-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025)
4. Годунова, Е. Д. Анализ проблем, возникающих при сдаче недвижимости в аренду / Е. Д. Годунова, С. В. Домнина // Российская наука: актуальные исследования и разработки: Сборник научных статей XVII Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х частях, Самара, 22 марта 2024 года. — Самара: Самарский государственный экономический университет, 2024. — С. 97–100.
5. Инжиева, Б. Б. Актуальные проблемы аренды земельных участков как объектов недвижимости в Российской Федерации / Б. Б. Инжиева // Правовая парадигма. — 2022. — Т. 21, № 1. — С. 115–121.
6. Кейсы из обзора подскажут, какие риски учесть перед тем, как взять или сдать в аренду строения, сооружения, земельные участки // URL: <https://www.law.ru/article/28239-obzor-sudebnoy-praktiki-po-arende-nedvijimosti> (Дата обращения: 31.08.2025).
7. Кошеляк, Б. Е. Понятие и особенности договора аренды недвижимости / Б. Е. Кошеляк, О. И. Левицкая // Аграрное и земельное право. — 2024. — № 1(229). — С. 200–202.
8. Мамлыга, А. А. Договор аренды недвижимости: понятие и его элементы / А. А. Мамлыга // Трибуна ученого. — 2023. — № 12. — С. 97–101.
9. Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 N 66 // URL: https://arbitr.ru/materials/2986?path=%2Farxiv%2Fvas_info_letter%2F (Дата обращения: 31.08.2025).
10. Расковский, И. С. Перспективы развития рынка аренды торговой недвижимости / И. С. Расковский, С. А. Санникова // Будущее науки: взгляд молодых ученых на инновационное развитие общества: Сборник научных статей 2-й Всероссийской молодежной научной конференции. В 3-х томах, Курск, 30 мая 2024 года. — Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024. — С. 178–182.

Обход закона как одна из форм злоупотребления правом

Зотова Алина Владимировна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена актуальной проблеме злоупотребления правом в российском гражданском и международном частном праве. Ключевое значение в статье занимают основные признаки обхода закона: активный характер действий, направленность против императивной нормы, заведомая недобросовестность деятеля, противоправная цель и получение неоправданного преимущества. Анализ доктринальных источников и судебной практики показывают, что обход закона формально не нарушает позитивных предписаний, но противоречит их смыслу и призван защищаться посредством применения сверхимперативных норм и отказа в судебной защите. Исследование завершается рекомендациями по необходимости правовой и доктринальной конкретизации института злоупотребления правом.

Ключевые слова: злоупотребление правом, обход закона, добросовестность, заведомая недобросовестность, правовые последствия.

Единообразного мнения относительно природы «обхода закона» в современной судебной практики, на сегодняшний день по-прежнему нет. Обход закона является правовой конструкцией, обладающей отличительными признаками, которые обуславливают ее самостоятельность.

Во-первых, обход закона может быть совершен только активным действием (несколькими взаимосвязанными действиями). Важно отметить, что обход закона может совершаться не только путем заключения соответствующих

сделок, но также и осуществлением фактических действий. К действиям, совершенным в обход закона, следует отнести оказание услуг без заключения государственного контракта по правилам ГК РФ и Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ, заключение договора займа с участником юридического лица в обход норм об увеличении уставного капитала, передача имущества государственному учреждению или предприятию с целью обхода закона о приватизации и дальнейшая его продажа и т. д.

Некоторые правоведы (напр., И. В. Сазанова) полагают, что такие действия следует квалифицировать, как правонарушение. Под правонарушением в общей теории права понимается виновно совершаемое деяние, нарушающее законодательно установленный запрет, предусматривающий определенную негативную реакцию со стороны государства [2, с. 428]. Представляется, что действия в обход закона не являются правонарушением, поскольку в их характеристике отсутствует признак противоправности. По утверждению Е. Д. Суворова, «обходные» действия нарушают норму, которая может быть сформулирована по аналогии закона [3, с. 46], но, согласно правилам толкования, законодательный запрет не может толковаться расширительно.

Таким образом, действия в обход закона формально не нарушают позитивных предписаний, но являются неправомерными по своему содержанию, так как вступают в противоречие с требованиями нормы, сформулированной по аналогии, которая, однако, не может быть применена.

Во-вторых, обход закона может быть совершен в отношении только императивной нормы и действия в обход закона всегда посягают на положения объективного права, не нарушая субъективное право конкретного лица.

В-третьих, важным признаком обхода закона является заведомая недобросовестность лица, которая следует из абз. 1 п. 1 ст. 10 ГК РФ. Её содержание состоит в осознании лицом того, что совершаемое им деяние противоречит общему стандарту поведения участников гражданского оборота, и в сознательном осуществлении соответствующих действий. Поэтому при «обходных» сделках обе стороны должны действовать заведомо недобросовестно. Суды, решая вопрос о добросовестности, нередко обращаются к категории «обычной хозяйственной деятельности», позволяющей им сравнить действия лица со средним стандартным участником гражданского оборота.

В-четвертых, действия в обход закона всегда совершаются с противоправной целью, а ее отсутствие приводит к невозможности осуществления квалификации по п. 1 ст. 10 ГК РФ. В связи с этим в литературе критикуется формулировка, использованная законодателем в п. 1 ст. 10 ГК РФ, так как она позволяет сделать вывод о том, что возможен обход закона без противоправной цели, следовательно, незапрещённый. В связи с этим наличие в тексте ст. 10 ГК РФ словосочетания «с противоправной целью» представляется несовершенством законодательной техники [4, с. 60–67]. Стоит отметить, что на практике именно наличие противоправной цели имеет решающее значение при квалификации судом действий, совершенных лицом [6, с. 88].

В-пятых, при обходе закона всегда имеет место последствие в виде достижения неоправданного преимущественного положения лица по отношению к добросовестным участникам гражданского оборота [7, с. 191]. Такое последствие заключается в приобретении лицом права, которое не может возникнуть у других участников, действующих добросовестно. Это могут быть различные имущественные выгоды, включение в реестр кредиторов

юридического лица, в отношении которого инициирована процедура банкротства и др.

Проблема правового регулирования обхода закона обсуждалась ещё в отечественной юриспруденции с момента появления данного термина. Феномен обхода закона возникает из-за существования самого закона и несоответствия его норм интересам субъектов права. Когда намерения законодателя противоречат интересам субъектов права, последние пытаются избежать применения нежелательного закона, не нарушая его прямо, а используя формальные подходы для соответствия нормам права, которые им выгодны.

Одним из распространённых способов обхода закона в международных сделках является указание места заключения договора в стране, правовой порядок которой, стороны желают применить к регулированию своих правоотношений. Однако данный метод, как и другие, может оказаться неэффективным из-за повсеместного признания принципа тесной связи между правопорядком определённого государства и соответствующего правоотношения. Эта тенденция подтверждается пунктом 5 статьи 1210 ГК РФ. Соглашение о выборе права, применимого к договору, касающееся только одного правопорядка, не может изменить императивную норму данного правопорядка. Хотя сторона, стремящаяся обойти закон, хочет избежать действия императивной нормы. В данном случае, ей могут помешать различные правовые меры: оговорка о публичном порядке, наличие императивных и сверхимперативных норм в законодательстве того государства, с которым правоотношение сторон связано наиболее тесным образом.

Одним из основных последствий совершенных действий, направленных в обход закона, является отказ в судебной защите. Также выделяются и иные меры, предусмотренные законом. В доктрине международного частного права выделяется ряд правовых последствий обхода закона, которые возможны [8, с. 258]:

1. Ничтожность сделки, которая заключена в обход закона
2. Возвращение к положению дел, существовавшему до заключения сделки
3. Применение закона в соответствии с правоотношением, которое возникает между сторонами при условии, что права третьих лиц не нарушаются. Основным юридическим последствием выступает применение к такого рода сделкам сверхимперативных норм национального законодательства определённого государства, впоследствии чего сделка может оказаться недействительной. Об этом свидетельствует практика судов.

Известный советский учёный Л. А. Лунц утверждает, что ситуация, связанная с обходом закона, не требует создания отдельного правового механизма для её регулирования или признания недействительной. По мнению Л. А. Лунца, в таком случае, следует использовать оговорку о публичном порядке [9, с. 290].

Совершение действий в обход закона — форма злоупотребления правом. Данный факт широко признан в юри-

дической науке. Стоит отметить, что до внесения изменений в текст статьи 10 ГК РФ, запрет на злоупотребление правом считался основополагающим принципом гражданского права, нарушение которого влекло соответствующие правовые последствия.

В связи с этим, следует согласиться с А. В. Волковым, который указывает на формализм и абстрактность гражданской правовой системы, что способствует появлению возможности злоупотребления правом, путём обхода закона, аргументируя необходимость запрета на такие действия [10, с. 67]. Вопрос, однако, в том, насколько введение этого запрета в ГК РФ помогло решить существующие проблемы. Возможно, что изменение текста ст. 10 ГК РФ было своего рода «религиозным актом» со стороны законодателя, который в условиях профессионализации обходных схем, видимо, не нашёл более эффективного способа, чем добавить в закон ещё одну запрещающую норму.

Характеризуя судебную практику российских судов по делам, связанным с обходом закона, ограниченных предметом международного частного права, можно сделать следующие выводы. Несмотря на незначительное количество судебных решений об обходе закона, прослеживается чёткая тенденция разрешения соответствующих дел на основании положений ст. 1192 и 1193 ГК РФ. Такой обход закона в судебных решениях выступает в качестве дополнительного квалифицирующего признака поведения сторон правоотношения. При установлении факта обхода закона суды применяют сверхимперативную норму, которую стороны договора желали обойти.

Т. П. Подшивалов объясняет такое поведение судов отсутствием в разделе 6 ГК РФ прямого запрета на обход закона, так как положение ст. 10 ГК РФ распространяет своё действие на правоотношения, которые осложнены иностранным элементом, через взаимосвязь данной статьи со ст. 1192 ГК РФ, содержанием которой выступают нормы непосредственного применения [11, с. 143–153].

Наличие запрета на обход закона в общей части ГК РФ не является обязательным для действующих судебных решений. Это связано с тем, что прежняя редакция ст. 10 ГК РФ также закрепляла запрет на злоупотребление правом, которым суды могут руководствоваться в случае необходимости.

Иллюстративным в данном случае выступает следующий пример: при рассмотрении апелляционной жалобы между иностранными юридическими лицами в споре о передаче контрольного пакета акций компании «Мегафон», Девятый арбитражный апелляционный суд города Москвы отменил постановление первой инстанции, считая, что подчинение правоотношений иностранному правопорядку было предпринято с целью обойти Закон № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства», который обладает сверхимперативным значением по сравнению с нормами иностранного права. В данном примере показана ситуация,

когда суд, исходя из важности норм Закона № 57-ФЗ, опирается на ст. 1192 ГК РФ при составлении судебного решения, которая является его основой.

Другой случай, рассмотренный арбитражным судом, иллюстрирует, как суды применяют оговорку о публичном порядке к ситуации уклонения от закона. Так, Арбитражный суд Уральского округа пришёл к выводу, что соглашение сторон о выборе применимого права было направлено на обход положений Закона № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» и применил данный Закон к отношениям сторон по договору поставки, подчеркнув, что иное толкование было бы эквивалентно согласию суда на нарушение публичного порядка.

Таким образом, при рассмотрении ситуаций, связанных с обходом закона в международных частноправовых отношениях, следует отметить, что факт обхода закона может быть установлен исключительно судом, поскольку участники гражданских правоотношений находятся в равных положениях между собой. Норма о запрете обхода закона адресована, прежде всего, суду. Возможность для суда определить поведение лица, как обход закона, не зависит от того, ссылается ли сторона спора на злоупотребление правом другой стороны. Суд может по своему усмотрению отказать в защите прав лицу, которое злоупотребляет своими правами и прибегает к обходу закона.

В связи с вышеизложенным, следует сделать вывод, что запрет на обход закона не может быть признан избыточным регулированием. Он имеет свою сферу применения, охватывающую ситуации фактически правомерных, но существенно нарушающих закон действий и обеспечивает правопорядок, защиту прав и законных интересов добросовестных участников гражданского оборота.

Потенциальная возможность нарушения прав частных лиц, заложенная в анализируемой правовой конструкции: постквалификация совершенного действия как обход закона, требует сведения к минимуму ситуации некорректного и необоснованного применения судами пункта первой статьи 10 ГК РФ, а также формирования единообразной судебной практики. В связи с чем необходимым представляется принятие Пленумом Верховного Суда РФ отдельного постановления по данному вопросу. В нем важно было бы определить сущностные признаки понятий «злоупотребление правом», «обход закона с противоправной целью», сформулировать правила квалификации действий по пункту первой статьи 10 ГК РФ с указанием на обязательность конкретизации того, какая именно форма заведомо недобросовестного поведения имеет место, привести наиболее распространенные примеры действий в обход закона и т. д.

Кроме того, необходимо конкретизировать последствия обхода закона в положениях Гражданского кодекса РФ, поскольку на данный момент соответствующие нормы носят общий характер.

В целом конструкция обхода закона должна подвергнуться более детальному осмыслению на доктринальном уровне и более последовательно применяться на практике.

Литература:

1. Поляков А. В. Общая теория права: учебник. 2-е изд. / под ред. А. В. Поляков, Е. В. Тимошина. // Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та. 2015. С. 428.
2. Суворов Е. Д. Действия в обход закона: правовая квалификация и последствия // Закон. 2013. № 9. С. 46.
3. Курбатов А. Я. Принцип недопустимости злоупотребления правом: к старым проблемам добавились новые // Закон. 2013. № 9. С. 60–67.
4. Постановление 8-го арбитражного суда г. Омск от 29.03.2018 г. по делу № А46–5085/2017 [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/eNkBzWExpBrR/> (дата обращения: 13.10.2024)
5. Подшивалов Т. П. Запрет обхода закона в российском гражданском законодательстве и судебной практике // Вестник гражданского права. 2015. № 2. С. 88.
6. Международное частное право: Общая часть: курс лекций / под. ред. Е. В. Прокопьева. М.: Юстицинформ, 2008. С. 191.
7. Правовое регулирование международных частных отношений: книга / под. ред. В.В Кудашкина. М.: Пресс, 2004. С. 258.
8. Курс международного частного права: учебник: Изд. 2-е, перераб и доп. / под. ред. Л. А. Лунца. М.: Спарк, 2002. С. 290.
9. Волков А. В. Понятие «обход закона» в доктрине и практике гражданского права. // Законы России, опыт, анализ, практика. 2013. № 1. С. 67.
10. Подшивалов Т. П. Обход закона в международном частном праве. // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 145–153.

Регулирование правовых аспектов оказания банковских услуг через мобильные приложения

Исакадиева Бика Мурадовна, студент магистратуры
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

Развитие электронного и онлайн обслуживания в банковской сфере выявило проблемы нормативного регулирования этих процессов. С каждым годом растет число предлагаемых и используемых банковских сервисов. В результате выявляются новые пробелы в российском законодательстве, в том числе отсутствие четких юридических определений таких понятий, как интернет-банкинг.

Ключевые слова: электронное обслуживание банками, интернет-банкинг, банковские сервисы, банковские операции.

Regulation of the legal aspects of providing banking services through mobile applications

Isakadiyeva Bika Muradovna, master's student
North-Caucasian Federal University (Stavropol)

The development of electronic and online services in the banking sector has revealed problems with the regulatory regulation of these processes. Every year, the number of banking services offered and used increases. As a result, new gaps in Russian legislation are revealed, including the lack of clear legal definitions of concepts such as online banking.

Keywords: electronic banking services, Internet banking, banking services, banking transactions.

Информационные технологии оказывают значительное влияние на все аспекты нашей жизни, включая финансовую сферу. Развитие технологий сопровождается изменениями в законодательстве, направленными на регулирование современных инноваций. Онлайн-банковские услуги постоянно совершенствуются,

предоставляя клиентам возможность осуществлять финансовые операции дистанционно через интернет-устройства. В России эта практика существует уже около 30 лет. Однако такие функции, как управление личным кабинетом через мобильные приложения и получение SMS-уведомлений, в настоящее время не регулируются.

лируются законодательством, и соответствующие нормы отсутствуют.

В научной статье Е. Б. Стародубцева к преимуществам электронного обслуживания банками относит:

- простое и удобное в обращении программное обеспечение, не требующее от пользователя особых знаний и навыков;
- минимизацию ошибок при заполнении платёжных документов;
- возможность обработки и передачи большого количества документов;
- высокий уровень защиты данных, возможность шифрования/дешифрования информации.

Федеральными законами обеспечивается правовая защита персональных данных в банковской сфере. К таким относятся Федеральный закон «О персональных данных» [3], а также Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [4]. Например, в Федеральном законе «О персональных данных» в статье 19 указаны меры безопасности, которые необходимы при обработке персональных данных.

В статье рассматриваются меры, которые оператор должен принимать для защиты персональных данных от несанкционированного или случайного доступа. Указан перечень угроз, от которых необходимо обеспечивать защиту данных, включая их изменение, распространение, копирование, уничтожение, предоставление, блокирование и несанкционированный доступ.

Закон также регулирует обработку персональных данных в контексте дистанционного банковского обслуживания, охватывая автоматизированные системы и информационно-телекоммуникационные сети. В статье дано определение биометрических персональных данных как сведений, характеризующих физиологические и биологические особенности человека, которые позволяют установить его личность. Во втором пункте статьи 11 перечислены условия, при которых обработка биометрических данных гражданина может осуществляться без его согласия.

Так, например, Октябрьский районный суд г. Красноярска по делу № 2–4355/2020 взыскал в пользу ООО «Бастион» с физического лица проценты за пользование чужими денежными средствами в размере 55489,49 руб. за период с 27.08.2016 по 31.05.2019 год, проценты за пользование чужими денежными средствами начисляемые

на сумму основного долга в размере 238559,11 рублей начиная с 01.06.2019 г. по день фактической уплаты суммы долга, возврат госпошлины в размере 1489,9 руб. [6]. Вина должника не является условием, при котором производится индексация суммы причиненного вреда, поскольку применение индексов роста цен направлено не на усиление экономических санкций в отношении должника, а на правильное определение размера реального и полного возмещения вреда при рассмотрении спора в суде. Единственным основанием для индексации взысканных сумм является их обесценивание на день фактического исполнения решения суда. Вместе с тем, проценты за пользование чужими денежными средствами, предусмотренные статьей 395 Гражданского кодекса Российской Федерации, являются мерой гражданско-правовой ответственности и применяются вне зависимости от наличия либо отсутствия инфляции и от ее уровня. Предусмотренные данной нормой проценты не связаны с наличием или отсутствием инфляции, основанием их уплаты является просрочка денежного обязательства, и их начисление возможно без вынесения решения о взыскании долга, тогда как индексация производится на сумму, взысканную решением суда.

В настоящее время в России отсутствует полноценное законодательное регулирование электронного и онлайн-обслуживания, предоставляемого банками. Письма Банка России, хотя и содержат рекомендации, не обладают статусом нормативно-правовых актов. Это приводит к неопределенности в терминологии, механизмах регулирования, способах защиты и ответственности в сфере онлайн-банковского обслуживания, что вызывает противоречивую судебную практику.

Такой законодательный пробел позволяет банкам и кредитным организациям устанавливать свои правила в локальных актах, что создает дополнительные сложности для пользователей. Интернет-банкинг до сих пор остается вне внимания российского законодательства.

Для решения этой проблемы необходимо разработать унифицированный закон, который будет регулировать все аспекты интернет-банкинга, начиная с терминологии и заканчивая правами и обязанностями сторон, а также их ответственностью. Такой закон должен быть свободен от разночтений с другими нормативными актами и обеспечить четкость и прозрачность в сфере онлайн-банковского обслуживания.

Литература:

1. Федеральный закон № 395–1 от 02 декабря 1990 «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 6, 05.02.96.
2. Федеральный закон № 161-ФЗ от 27 июня 2011 «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 27, 04.07.2011.
3. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ.
4. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ.
5. Закон РФ № 2300–1 от 07 февраля 1992 «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 3, 15.01.96.

6. Решение Октябрьского районного суда г. Красноярска № 2–4355/2020 от 2 июля 2020 г. по делу № 2–4355/2020 // sudact: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/A0ileUmiPbLp/>.
7. Указание Банка России от 14 сентября 2011 № 2695-У «О требованиях к обеспечению бесперебойности осуществления перевода электронных денежных средств».

Проблемные аспекты привлечения к административной ответственности за недекларирование либо недостоверное декларирование товаров (статья 16.2 КоАП РФ)

Казанская Валерия Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Сацкевич Татьяна Константиновна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Настоящая статья посвящена исследованию наиболее проблемных ситуаций, которые возникают у правоприменителя в рамках использования положений действующего законодательства об административной ответственности за недекларирование или недостоверное декларирование товаров (ст. 16.2 КоАП РФ).

В рамках статьи автор поступательно исследует специфику объективной стороны правонарушений, ответственность за совершение которых закреплена в ч. 1 и ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ. В статье даётся сопоставление данных составов, анализируется применительно к каждой из частей материальная и формальная составляющая состава.

В связи с наличием большого количества отсылок и отсутствием фактического определения наиболее значимых для правоприменителя правовых категорий, автор уделяет отдельное внимание группе профильных актов таможенного законодательства, а также актам судов высшего звена, которые в той или иной степени позволяют восполнить пробелы и упорядочить практику применения положений ч. 1 и ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ.

Ключевые слова: публичное право, административное право, таможенное право, таможенное регулирование, КоАП РФ, Таможенный кодекс ЕАЭС, декларирование товаров, административная ответственность, административный штраф, конфискация.

Заявленная в заглавии к настоящей статье тема исследования актуальна по целому ряду причин. Во-первых, стоит отметить существующую на сегодняшний день правовую неопределённость при привлечении надлежащих субъектов к административной ответственности по ч. 1 и ч. 2 ст. 16.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) [1]. Грань между названными составами является крайне неоднозначной. При этом у правоприменителя в лице представителей таможенного органа и суда возникают реальные проблемы при квалификации конкретного правонарушения по соответствующей части ст. 16.2 КоАП РФ. Подобная проблема дифференциации в дальнейшем обуславливает формирование разрозненной судебной практики в различных субъектах Российской Федерации.

Во-вторых, важно понимать, что правильная квалификация совершенного деяния в дальнейшем во многом сказывается на возможности судебного обжалования акта таможенного органа. Так, при правильной квалификации деяния и последующем обжаловании постановления таможенного органа возможно добиться существенных результатов в виде применения к совершённому деянию нормы о малозначительности или о признании судом отсутствия в совершённом деянии такого важного признака субъективной стороны как вина субъекта правонарушения.

В ст. 16.2 КоАП РФ законодатель закрепил три основных состава, которые напрямую связаны с обязанностью субъектов хозяйствования в рамках массива таможенного законодательства как национального, так и международного толка по декларированию товаров. В рамках настоящей статьи мы попытаемся проследить особенности квалификации деяний по ч. 1 и ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ, поскольку применение именно названных норм на практике, как было указано выше, порождает наибольшее количество споров и противоречий среди правоприменителей.

Отправной точкой настоящего исследования, безусловно, является норма ч. 1 ст. 16.2 КоАП РФ, в которой законодатель закрепил положения об административной ответственности за недекларирование товаров в установленной на нормативном уровне форме. При этом важно понимать, что применение положений ст. 16.2 КоАП РФ практически невозможно без перехода от бланкетных норм кодифицированного акта к нормам профильного источника регулирования таможенных правоотношений, а именно к нормам Таможенного кодекса ЕАЭС [2]. Так, правильное применение положений ч. 1 ст. 16.2 КоАП РФ, предусматривающей в качестве санкции наложение на виновного субъекта хозяйствования административного штрафа с/без конфискацией незадекларированных

по установленной форме товаров или применение в отношении такого субъекта санкции в виде конфискации предметов административного правонарушения, невозможно без предварительного исследования норм, содержащихся в п. 2 ст. 81, ст. 84, ст. 104, пп. 1 п. 2 ст. 255, ст. 256, п. 4 ст. 258, ст. 260, п. 4 ст. 272, ст. 278 Таможенного кодекса ЕАЭС.

Совокупное прочтение и толкование приведённых выше норм во многом способствует упрощению деятельности правоприменителя по привлечению виновных лиц к административной ответственности в рамках ч. 1 ст. 16.2 КоАП РФ. Без обращения к специальным положениям Таможенного кодекса ЕАЭС применение ч. 1 ст. 16.2 КоАП РФ видится крайне сложным процессом, в котором присутствует высокая доля неопределённости. Иными словами, только при комплексном прочтении двух актов достигается позитивный синергетический эффект. Сами по себе нормы ст. 16.2 КоАП РФ являются слабо детализированными и прямо предусматривают необходимость обращения к профильной дефинитивной базе, содержащейся в Таможенном кодексе ЕАЭС.

Следующей нормой об ответственности в рамках ст. 16.2 КоАП РФ является интересующая нас норма, закреплённая в ч. 2 анализируемой статьи. В ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ объективная сторона административного правонарушения проявляется в заявлении субъектом декларирования — декларантом или уполномоченным на осуществление действия по декларированию товара таможенным представителем недостоверных сведений о: наименовании, описании, классификационном коде по Единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского союза [3] (далее — ТН ВЭД ЕАЭС), утверждённой странами-участницами регионального объединения 14 сентября 2021 г.; информации о стране происхождения товара; данных о реальной таможенной стоимости ввозимых товаров.

Отдельное внимание законодателем и судебными органами уделяется пресечению практики искажения информации иного рода, в тех случаях, когда подобная информация в последующем выступает в качестве основания для освобождения декларанта от уплаты обязательных таможенных пошлин в отношении ввозимого на территорию государства товара или в тех случаях, когда подобное искажение информации не полностью снимает с декларанта бремя по уплате обязательных таможенных платежей, но, при этом, в значительной степени способствует их занижению, что также является по смыслу ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ административным правонарушением. Правильное применение санкции из КоАП РФ по ч. 2 ст. 16.2 также во многом зависит от комплексного исследования относящихся к специфике объективной стороны исследуемого деяния корреспондирующих норм из Таможенного кодекса ЕАЭС, а именно положений, содержащихся в ст. 38, п. 1 ст. 54, ст. 56, ст. 61, п. 3 ст. 84, ст. 105, пп. 4 п. 1 ст. 106.

Если соотносить объективную сторону деяний, административная ответственность за реализацию которой

предусмотрена в ч. 1 и ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ, напрашивается однозначный вывод о том, что недекларирование по логике законодателя является наиболее опасным для общества и государства деянием. Степень общественной опасности здесь напрямую связывается с характером самого состава административного правонарушения и теми санкциями, которым установлены в анализируемых нормах. Так, важно отметить, что ответственность для надлежащего субъекта по ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ наступает только в том случае, если наличествует единая причинно-следственная цепочка в виде совершения деяния, обладающего всеми признаками объективной стороны, которые описываются законодателем в рамках ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ, а также неблагоприятными последствиями, которые выразились на практике в неуплате таможенных платежей.

Таким образом, под действие исследуемой нормы ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ также подпадают случаи, когда само по себе освобождение от исполнения обязанности от уплаты таможенных платежей полностью или в части стало следствием указания декларантом сведений о ввозимом товаре не в полном объёме.

При этом при прочтении положений ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ у правоприменителя остается ряд неразрешённых вопросов, которые обусловлены во многом отсылочным характером норм акта публично-правового толка. Так, например, основной вопрос у правоприменителя при прочтении ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ возникает при решении вопроса об истинном содержании категории «ТН ВЭД ЕАЭС» [4]. Без всестороннего установления содержания данной категории правильное применение положений ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ сводится к минимуму.

Для решения вопроса установления границ категории «ТН ВЭД ЕАЭС» с последующим решением практических особенностей применения положений ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ, правоприменителю во многом помогает Постановление Пленума ВАС РФ от 08.11.2013 № 79 «О некоторых вопросах применения таможенного законодательства» (далее — Постановление Пленума ВАС РФ № 79) [5]. В названном акте подчёркивается, что в качестве товарного кода в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС должна признаваться информация о товаре, полученная из основных сведений о нем.

Далее ВАС РФ фиксирует порядок действий для правоприменителя в тех случаях, когда декларант заявляет в таможенной декларации полные, достоверные сведения о товаре, которые при этом не соответствуют коду по ТН ВЭД ТС. Так, ВАС РФ уточняет, что таможенный орган либо в соответствии с п. 4 ст. 190 ТК ТС отказывает в регистрации таможенной декларации, либо в соответствии с п. 2 ст. 201 ТК ТС отказывает в выпуске товара, либо в соответствии со ст. 93 ТК ТС предпринимает меры по довызысканию с декларанта таможенных пошлин, налогов (абз. 3 п. 9 Постановления Пленума ВАС РФ № 79). Однако, из внимательного прочтения данного разъяснения остаётся нерешённым однозначно вопрос о том, следует

ли помимо описанных в анализируемом абзаце действий далее прибегать к норме ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ?

Ответ на данный вопрос мы находим лишь в конце следующего абзаца, в котором указано, что в тех случаях, когда декларант в таможенной декларации заявляет полные, достоверные сведения о товарах, но не соответствующие при этом коду ТН ВЭД ЕАЭС, то в соответствии с п. 5 ст. 111 ТК ЕАЭС таможенный орган отказывает в регистрации таможенной декларации, либо в соответствии с п. 1 ст. 125 ТК ЕАЭС отказывает в выпуске товаров, либо в соответствии со ст. 268 ТК ЕАЭС принимает меры по довысканию таможенных пошлин, налогов со стороны декларанта. Иными словами, данное событие не может служить основанием для привлечения декларанта к административной ответственности в соответствии с ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ (абз. 4 п. 9 Постановления Пленума ВАС РФ № 79).

На практике нередки случаи, когда правоприменитель верно устанавливает все элементы административного правонарушения, однако, испытывает серьёзные трудности в части установления момента окончания административного правонарушения.

Здесь важно учитывать положения абз. 2 п. 11 Постановления Пленума ВАС РФ № 79, согласно которому при рассмотрении дел об оспаривании постановлений таможенных органов о привлечении к указанной административной ответственности судам необходимо учитывать, что соответствующие административные правонарушения следует считать оконченными с момента регистрации таможенным органом таможенной декларации, содержащей такие сведения, поскольку в силу п. 7 ст. 190 ТК ТС с момента регистрации таможенная декларация становится документом, свидетельствующим о фактах, имеющих юридическое значение, в частности для определения размера таможенных пошлин и налогов.

Не менее важные разъяснения содержатся в другом акте суда высшего звена, а именно в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.10.2006 № 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 18) [6]. Именно при обращении к Постановлению Пленума ВС РФ № 18, а именно к его п. 29 и 30, мы можем обозначить одну из наиболее насущных практических проблем, которая в равной степени беспокоит как декларанта товаров, так и уполномоченного представителя таможенного органа. Данная проблема заключается в квалификации деяния потенциального субъекта административного правонарушения в том случае, если товар им задекларирован, однако, при проверке его весового соответствия со сведениями, содержащимися в декларации, были выявлены расхождения.

К сожалению, в п. 30 Постановления Пленума ВС РФ № 18 суд использовал такую категорию как «качественные характеристики товара». Подобная категория применима к такому частному явлению в таможенной практике как

пересортица, которая может быть выражена, например, в недостатке и излишке товаров в разных группах при общем количественном соответствии с поданной декларацией. При этом товар, в отношении которого применяются весовые характеристики и который невозможно обособить иным образом, не упоминается в тексте п. 30 и не охватывается в полной мере категорией «качественные характеристики».

При этом в п. 29 Постановления Пленума ВС РФ № 18, которая посвящена разрешению проблем, возникающих при использовании ч. 3 ст. 16.1 КоАП РФ, содержится интересное положение об определении вины перевозчика товара, который сообщает представителю таможенного органа недостоверные сведения о ввозимом им грузе, количество которого определяется по его весовым характеристикам. Здесь ВС РФ формулирует следующие составляющие, которые в обязательном порядке должен установить правоприменитель. Так, представитель таможенного органа для правильной квалификации содеянного должен, в частности, установить:

1. Соотношение количества фактически ввозимого товара с тем его количеством, которое было указано в товарораспорядительных документах;
2. Очевидность такого несоответствия для перевозчика с учётом его профессиональных навыков и опыта.

Данное правило наглядно демонстрирует индивидуальность подхода для разрешения конкретного дела. Подобные положения должны быть трансформированы под нужды применения положения ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ и включены в текст разъяснений п. 30 Постановления Пленума ВС РФ № 18 по аналогии с разъяснением о весовых различиях, которые даны в п. 29 этого же постановления.

На данную проблему под другим углом обратил внимание также Конституционный Суд Российской Федерации в 2024 году. Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 05.03.2024 № 9-П [7] содержится важное пояснение относительно применения нормы ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ.

В своём постановлении КС РФ неоднократно подчеркивает, что данный административный состав по своей правовой природе является материальным. Ответственность потенциального субъекта несения административной ответственности фактически невозможна без наступления таких благоприятных для декларанта и таких неблагоприятных для государства последствий как освобождение от уплаты таможенных платежей или занижение их размера, что обуславливает общественную опасность данного деяния, которая выражается в непоступлении соответствующих денежных средств в казну.

В названном деле КС РФ также разъяснил правоприменителю, что в своей практической деятельности представители таможенных органов исходят из того, что оспариваемой нормой охватывается неверное указание веса одного из товаров, изменяющее его таможенную стоимость, вне зависимости от увеличения стоимости всей партии. Подобная логика свидетельствует о явном прене-

брежении материальной составляющей анализируемого состава. В связи с чем, КС РФ обоснованно подчеркнул, что не всякое недостоверное декларирование товара, даже формально свидетельствующее о незаконном перемещении через таможенную границу ЕАЭС, обязательно влечёт за собой наступление публично-правовой ответственности.

Подводя итог настоящей статьи, автор видит необходимым качественно переработать положения п. 30 Постановления Пленума ВС РФ в части разграничения административных деяний, ответственность за которые предусмотрена в ч. 1 и ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ. При этом рекомендуется в полной мере учитывать положения актуального и своевременного Постановления Конституционного Суда РФ от 05.03.2024 № 9-П, которое должно выступать в качестве отправного (базового) акта при регулировании российского таможенного и административного законодательства.

Кроме того, крайне важно акцентировать внимание конечного правоприменителя на материальной составляющей состава, содержащегося в ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ. Предположения, содержащиеся в научной доктрине о необходимости разграничения состава административного правонарушения по ч. 1 ст. 16.2 КоАП РФ на материальный и формальный составы также должно быть учтено. Ответ на вопрос о характере и значении связи действия потенциального субъекта административного правонарушения с наступившими последствиями имеет принципиальное значение как разграничительная линия между формальным и материальным составами [8]. Учитывая подобное предложение, в дальнейшем также можно будет вести речь и об уточнении санкций в рамках ст. 16.2 КоАП РФ, в целях придания им большей вариативности в зависимости от реальной степени общественной опасности совершенного лицом административного правонарушения.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // Парламентская газета. 05.01.2002 г. № 2–5.
2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации: [электронный ресурс]: URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.06.2025 г.)
3. Единая Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза (утв. Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 14 сентября 2021 г. № 80) // [электронный ресурс]: URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.06.2025 г.)
4. Классификация товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС // [электронный ресурс]: URL: https://eec.eaeunion.org/commission/departement/dep_tamoj_zak/klassifikatsiya-tovarov-v-sootvetstvii-s-tn-ved-eaes/ (дата обращения: 18.06.2025 г.)
5. Постановление Пленума ВАС РФ от 08.11.2013 № 79 (ред. от 12.05.2016) «О некоторых вопросах применения таможенного законодательства» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.10.2006 № 18 (ред. от 25.06.2019) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.03.2024 № 9-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 16.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Газпромнефть — Смазочные материалы» и общества с ограниченной ответственностью «ВИРЕМ РУС» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Ладохин Е. И. Проблемы квалификации административного правонарушения в части недекларирования и недостоверного декларирования товаров // Развитие таможенного дела Российской Федерации: дальневосточный вектор. 2021. С. 123–128.

Правовые проблемы заключения и исполнения договора купли-продажи жилого помещения

Калининченко Анастасия Георгиевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Ким Елена Витальевна, кандидат юридических наук, доцент

Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Хабаровск)

В статье рассматриваются актуальные проблемы заключения и исполнения договора купли-продажи жилого помещения в условиях современного развития гражданского законодательства. Особое внимание уделено анализу правовых рисков, возникающих на стадиях оформления сделки, регистрации перехода права собственности и исполнения обязательств сторон. Автор выделяет ключевые недостатки действующего правового регулирования, в том числе отсутствие единого порядка заключения электронных сделок, неурегулированность деятельности посредников и недостаточную защищенность добросовестных приобретателей. По результатам исследования предложены направления совершенствования законодательства и практики в целях повышения правовой определённости и прозрачности оборота жилых помещений.

Ключевые слова: договор купли-продажи, жилое помещение, недвижимость, регистрация права собственности, правовые риски, добросовестный приобретатель, цифровизация сделок, эскроу-счет.

Legal problems of concluding and executing a contract for the sale of residential premises

The article examines current issues related to the conclusion and performance of contracts for the sale of residential premises in the context of the modern development of civil legislation. Particular attention is paid to the analysis of legal risks arising at the stages of transaction execution, registration of ownership transfer, and fulfillment of the parties' obligations. The author identifies key shortcomings of the existing legal regulation, including the lack of a unified procedure for concluding electronic transactions, the insufficient regulation of intermediary activities, and the inadequate protection of bona fide purchasers. Based on the results of the study, proposals are made to improve legislation and practice in order to enhance legal certainty and transparency in the turnover of residential real estate.

Keywords: contract of sale, residential premises, real estate, registration of ownership, legal risks, bona fide purchaser, digitalization of transactions, escrow account.

Договор купли-продажи жилого помещения является одной из самых распространённых и социально значимых гражданско-правовых сделок. Корректное заключение и исполнение такого договора влияет не только на имущественные интересы участников сделки, но и на реализацию конституционного права граждан на жильё. Несмотря на наличие подробного законодательства, практика применения норм демонстрирует, что сделки с жилыми помещениями остаются источником множества споров. Основные трудности возникают при оформлении договора, проверке правового статуса объекта, государственной регистрации перехода права собственности и выполнении обязательств сторон. Цель статьи — выявить ключевые проблемы правового регулирования договора купли-продажи жилого помещения и предложить пути их решения.

Одной из ключевых проблем на стадии заключения договора является несоблюдение требований к форме и содержанию сделки. Согласно ст. 550 ГК РФ договор купли-продажи недвижимого имущества заключается в письменной форме, а по смыслу ст. 558 ГК РФ — должен содержать сведения о лицах, сохраняющих право пользования жилым помещением. Однако на практике стороны часто игнорируют это требование, ограничиваясь указа-

нием лишь адреса объекта и цены. Это создаёт риск признания сделки недействительной, поскольку суды расценивают отсутствие таких сведений как нарушение прав лиц, проживающих в помещении. Так, Верховный Суд РФ отметил, что непредставление сведений о зарегистрированных жильцах нарушает права граждан и может являться основанием для признания договора ничтожным (Определение ВС РФ от 15.11.2023 № 18-КГ23-147). Поэтому несоблюдение требований к форме и содержанию договора купли-продажи жилого помещения создаёт риск его признания недействительным и нарушает права зарегистрированных жильцов.

Вторая существенная проблема связана с цифровизацией сделок. Законодательство допускает использование электронной подписи, однако порядок заключения договора купли-продажи в электронной форме до конца не урегулирован. Отсутствие единого подхода создаёт риск признания сделки незаключённой. Проблемой остаётся также проверка правового статуса объекта недвижимости, так как сведения ЕГРН не всегда достоверны. Неурегулированность деятельности посредников (риелторов) создаёт правовую неопределённость и способствует злоупотреблениям.

После заключения договора основное значение приобретает его исполнение. Наиболее распространённые проблемы связаны с моментом перехода права собственности и фактической передачей помещения. Согласно ст. 551 ГК РФ, переход права собственности подлежит государственной регистрации, но фактическая передача объекта часто осуществляется до её завершения. Это создаёт неопределённость в отношении распределения рисков. Другая проблема — несоответствие состояния жилого помещения условиям договора. Закон не устанавливает критериев качества жилья, что приводит к противоречивым решениям судов. Проблемы расчётов между сторонами также остаются актуальными: несмотря на возможность использования эскроу-счетов, многие сделки совершаются без документального подтверждения, что повышает риск мошенничества. Особое внимание требует вопрос снятия с регистрационного учёта и освобождения помещения. В некоторых случаях продавцы затягивают выезд, что вынуждает покупателей обращаться в суд. Защита прав добросовестных приобретателей также остаётся проблемной, поскольку суды по-разному толкуют критерии добросовестности. Как итог, исполнение договора купли-продажи жилого помещения осложняется вопросами передачи объекта, соответствия его состояния договорным требованиям, расчётов и защиты добросовестного приобретателя, что создаёт правовую неопределённость и повышает риск споров.

Для устранения указанных проблем представляется целесообразным:

1. Закрепить в Гражданском кодексе исчерпывающий перечень обязательных условий договора купли-продажи жилого помещения, включая сведения о зарегистрированных лицах и характеристиках объекта.
2. Разработать нормативное регулирование электронных сделок с недвижимостью, включающее порядок идентификации сторон и электронную регистрацию перехода права собственности.
3. Принять федеральный закон о риелторской деятельности, предусматривающий лицензирование, контроль и ответственность посредников.
4. Расширить практику применения эскроу-счетов для повышения безопасности расчётов между сторонами.
5. Создать единые методические рекомендации Верховного Суда РФ по применению ст. 302 ГК РФ о защите добросовестных приобретателей.

Таким образом, правовое регулирование договора купли-продажи жилого помещения остаётся сложным институтом гражданского права. Основные проблемы касаются содержания договора, цифровизации сделок, порядка расчётов и защиты добросовестных приобретателей. Совершенствование законодательства должно быть направлено на обеспечение прозрачности рынка недвижимости и снижение правовых рисков.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Текст Конституции опубликован в «Российской газете» от 25 декабря 1993 г. N 237 (первоначальный текст).
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 22.04.2024) с (изм. и доп., вступ. в силу с 25.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2005. — № 1. — Ст. 14 (Часть I).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений законодательства при рассмотрении дел о защите прав собственности» // Вестник Верховного Суда РФ. — 2015. — № 7.
4. Суханов Е. А. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. Т. 3: Общие положения об обязательствах и договорах. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2020. — 480 с.
5. Савельева Т. А. Дистанционные способы совершения сделок с использованием цифровых технологий // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2023. — № 1 (65). — С. 132–139.
6. Ермакова А. В. Публичность прав на недвижимое имущество в условиях ограничения доступа к персональным данным, содержащимся в реестре прав // Журнал российского права. — 2024. — № 2. — С. 58–67.
7. Определение Верховного Суда РФ от 15.11.2023 № 18-КГ23–147 // Вестник Верховного Суда РФ. — 2023. — № 11.

Эволюция института уголовной ответственности за преступления, совершаемые в составе организованных групп, в российском законодательстве

Киселев Константин Васильевич, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

В статье представлен ретроспективный анализ становления и развития института уголовной ответственности за преступления, совершаемые в составе организованных групп, в российском законодательстве. Рассмотрены ключевые этапы формирования правовых норм — от Соборного уложения 1649 года до современного Уголовного кодекса Российской Федерации.

Федерации. Особое внимание уделено влиянию политических и социальных факторов на уголовно-правовую политику государства в отношении организованной преступности. Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении эволюции законодательных подходов и выявлении закономерностей ужесточения уголовной ответственности в зависимости от общественно-политической ситуации.

Ключевые слова: организованная преступность, организованная группа, преступное сообщество, шайка, соучастие, историко-правовой анализ, бандитизм.

Институт уголовной ответственности за преступления, совершаемые в составе организованных групп, имеет глубокие исторические корни и прошёл сложный путь становления. Уже в дореволюционном законодательстве существовали нормы, регулирующие ответственность за участие в сообществах, преследующих преступные цели. После революции 1917 года в условиях смены политического курса произошёл временный отход от криминализации таких деяний, что объяснялось идеологическим убеждением в ликвидации причин преступности. Однако исторический опыт показал ошибочность подобного подхода — организованная преступность проявляет устойчивость вне зависимости от формы государственного устройства и социально-экономических условий.

Одним из первых нормативных актов, где упоминались организованные формы преступности, стало Соборное уложение 1649 года. Как отмечает С. Р. Хачисаров, законодательству того времени были известны формы соучастия в виде «скопа» и «заговора», тождественные современному понятию организованного сообщества [4]. Эти формы характеризовались множественностью участников и предварительным соглашением о совершении преступления, что, по сути, отражает признаки современной организованной преступности.

Развитие законодательства продолжилось в XVIII веке. В Уставе благочиния или полицейском (1782 г.) содержалось положение, согласно которому любые сообщества, наносящие ущерб общественным интересам, подлежали уничтожению, а попытка их создания — наказанию. Это свидетельствует о постепенном осознании обществом социальной опасности организованных форм преступности и необходимости их пресечения правовыми средствами.

Существенные изменения произошли с принятием Свода законов 1842 года, который установил контроль за деятельностью сообществ и обязательность их регистрации в полицейских органах. Любое нелегальное объединение рассматривалось как угроза государственной безопасности, а его участники — как государственные преступники.

Ключевым этапом стало издание Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.), где впервые было закреплено понятие «*преступное сообщество*». Закон дифференцировал ответственность организаторов и рядовых участников преступных групп, что стало важным шагом к совершенствованию уголовно-правового регулирования. Впервые также появилось понятие «*шайка*», использовавшееся как синоним преступного со-

общества, хотя четкое законодательное различие между ними отсутствовало [3, с. 273.].

Дальнейшее развитие получило в Уставе о предупреждении и пресечении преступлений (1857 г.), где впервые было проведено разграничение между законными общественными объединениями и преступными сообществами. С этого времени термин «*преступное сообщество*» закрепился исключительно за незаконными, тайными организациями, создающими угрозу общественному порядку.

В последующем законодательные акты, в частности закон 1867 года «О борьбе с противоправительственными сообществами», устанавливали строгую ответственность за создание, участие и укрывательство таких организаций [2]. Принятие закона 1874 года усилило ответственность за недонесение о существовании подобных сообществ, распространив уголовное наказание даже на лиц, не состоящих в них, но осведомлённых об их деятельности.

Следующий этап связан с Уголовным уложением 1903 года, которое детально регламентировало ответственность за участие в сообществах, созданных для совершения преступлений. Установление уголовного наказания за само вступление в преступное сообщество независимо от участия в конкретном преступлении свидетельствовало о признании высокой общественной опасности подобных структур.

Особенно суровые меры применялись в отношении сообществ, чья деятельность была направлена против царствующей семьи или государственного строя. Участие в таких организациях каралось бессрочной каторгой или смертной казнью, что отражало приоритет государственной безопасности над индивидуальными правами.

После революции 1917 года уголовно-правовая политика кардинально изменилась. Считалось, что в социалистическом обществе не существует социально-экономических предпосылок для организованной преступности, что привело к декриминализации ряда деяний. Однако уже к концу 1910-х годов практика показала ошибочность этого подхода.

20 июня 1919 года был издан Декрет ВЦИК, отнёсший участие в «шайках» к подсудности военных трибуналов. В Уголовном кодексе РСФСР 1926 года вновь была закреплена ответственность за участие в преступных организациях, созданных для целей, запрещённых законом. Статья 58 предусматривала наказание за деятельность, направленную на подготовку или исполнение преступлений, что фактически стало прообразом современной статьи 210 УК РФ.

В 1927 году в УК РСФСР появился новый состав — бандитизм, а для борьбы с ним создано Главное управление по борьбе с бандитизмом (ГУПБ). С этого времени понятие организованной преступности стало ассоциироваться с вооружёнными группами, устойчивостью связей и согласованностью действий участников.

Политические процессы конца 1980-х годов обусловили новый всплеск организованной преступности. Впервые проблема была официально обсуждена на Съезде народных депутатов СССР в 1989 году, что стало признанием угрозы организованной преступности для национальной безопасности.

С распадом СССР и переходом к рыночной экономике криминальные структуры получили новые возможности для развития. В Уголовном кодексе РФ 1996 года организованная преступность получила системное законодательное закрепление. Особое значение имеет статья 210 УК РФ, введённая в 2009 году, предусматривающая ответственность за организацию преступного сообщества.

Современные изменения в уголовном законодательстве отражают тенденцию к ужесточению ответственности. Введение статьи 210.1 УК РФ о «занятии высшего

положения в преступной иерархии» стало реакцией государства на новые формы криминальных структур и попытку устранить безнаказанность лидеров преступного мира [1, с.280].

Исторический анализ показывает, что институт уголовной ответственности за преступления, совершаемые в составе организованных групп, прошёл путь от примитивных понятий «заговора» и «шайки» до сложных правовых конструкций, закреплённых в современном уголовном законодательстве. На всех этапах развития государства отношение к организованной преступности определялось политической обстановкой и уровнем угрозы общественной безопасности.

Эволюция законодательства свидетельствует о закономерной тенденции: периоды социальной и политической нестабильности неизменно сопровождались усилением мер уголовной репрессии. Современный этап характеризуется стремлением государства к системной и научно обоснованной борьбе с организованной преступностью, что требует постоянного совершенствования уголовно-правовых норм и межведомственного взаимодействия.

Литература:

1. Бакиров Б. А., Бикеев И. И. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы и способы реализации ч.4 ст.210 и ст.210.1 УК РФ / В сборнике: Научные исследования: фундаментальные и прикладные аспекты — 2021. Сборник научных трудов. — Казань: Изд-во «Познание», 2021. С. 279–281.
2. О борьбе с противоправительственными сообществами: Закон, от 14 августа 1867 года, ст. 3. СПб.: Типография В. С. Балашева и К°, 1867. 24 с.
3. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, утвержденное 22 апреля 1845 года, ст. 1025. СПб.: Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1845. 784 с.
4. Хачиров С. Р. История организованной преступности в России: историко-правовой аспект // Вестник науки. 2021. № 12 (45). С. 120–123.

Проблемы уголовно-правовой квалификации по статье 126 УК РФ «Похищение человека», осуществленного с публичной демонстрацией

Коваленко Анастасия Евгеньевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Жегалов Евгений Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье исследуются проблемы уголовно-правовой квалификации признака «публичная демонстрация» применительно к ст. 126 УК РФ. Рассматриваются вопросы содержания этого признака, его соотношение с другими квалифицирующими обстоятельствами, особенности применения в условиях развития информационных технологий, а также практика судов по делам, связанным с трансляцией преступления в интернете. Выявляются проблемные вопросы квалификации и предлагаются практические рекомендации для правоприменения и судебной мотивации.

Ключевые слова: похищение человека, публичная демонстрация, СМИ, Интернет, цифровые доказательства, судебная практика, квалификация.

Актуальность указанной темы исследования определяется усиливающейся тенденцией к публичной демонстрации преступлений против личности, в том числе

через использование современных информационных технологий и коммуникационных платформ, таких как социальные сети.

Публичная демонстрация преступления, как отдельный фактор, который увеличивает общественную опасность деяния — по действующему законодательству влияет на квалификацию и меру наказания. В эпоху цифровых технологий показ факта похищения в прямом эфире, публикация видео с удержанием потерпевшего или требования выкупа через сети и мессенджеры создают новые вызовы, как для сотрудников правоохранительных органов, так и для ученых правоведов в области уголовного права, криминологии и криминалистики.

Законодательство прямо закрепляет ответственность за похищение человека с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет») п. «и» ч.2 ст. 126 Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) [1], а также учитывает обстоятельства, связанные с публичной демонстрацией при квалификации ряда составов.

Понятие «публичная демонстрация» — подробно в законодательстве не закреплено, однако применяется в некоторых нормах УК РФ, например, ст. 242, 242.1, но применительно к ст. 126 УК РФ его содержание остаётся недостаточно разработанным, как в законодательстве, так и в судебной практике. Это создаёт трудности при квалификации деяний, когда преступник транслирует действия через интернет или СМИ, стремясь вызвать общественный резонанс.

Согласно Федеральному закону № 218-ФЗ от 08.08.202 — совершение умышленного преступления с публичной демонстрацией — является одним из обстоятельств,отягчающих наказание (п. «т» ч. 1 ст. 63 УК РФ) [2].

Представленное законодательное изменение акцентирует внимание на повышенной общественной опасности рассматриваемых противоправных действий, что, в свою очередь, формирует правовую базу для применения более строгих санкционных мер в отношении лиц, совершивших данные деяния.

Определение понятия «публичная демонстрация» дано в пункте 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 года № 37 [3]. Следует отметить, что данное определение имеет ограниченную применимость в контексте ст. 126 УК РФ, так как оно изначально было сформулировано для статей 242 и 242.1 УК РФ. На данный момент законодательством не предложено более подходящего определения, что создает определенные трудности в судебной практике.

Публичная демонстрация предполагает наличие трёх обязательных признаков: 1) осознанное стремление преступника сделать свои действия достоянием общества; 2) использование технических или организационных средств для расширения аудитории (видеосъёмка, прямая трансляция, публикация в СМИ); 3) восприятие этих действий хотя бы одним посторонним лицом.

Таким образом, публичная демонстрация при похищении — это способ совершения преступления, когда

факт захвата или удержания жертвы доводится до широкой аудитории.

Ряд исследователей отмечает определённые сложности, возникающие при проведении расследований преступлений, связанных с публичной демонстрацией. Например, Ю. С. Пестерева, С. Е. Тимошенко видят проблему в том, что применительно к преступлениям, перечисленным в вышеназванном Федеральном законе, сеть «Интернет», в частности, не может рассматриваться как средство или способ совершения преступления, так как не участвует в механизме причинения вреда, в отличие, например, от ст. 128.1 УК РФ «Клевета», где использование средств массовой информации и сети «Интернет» значительно увеличивает круг осведомленных о заведомо ложных сведениях, порочащих честь и достоинство потерпевшего, а следовательно, выступает более эффективным средством совершения преступления, чем пересказ этой информации не-скольким людям на улице [6, с. 599].

Трансляция факта похищения человека может осуществляться как в режиме реального времени, так и постфактум посредством последующей публикации соответствующей видеозаписи. В последнем случае распространение информационного контента не может рассматриваться как элемент объективной стороны самого похищения, поскольку оно не относится к способу, средству или условиям совершения данного преступления. Возникает закономерный вопрос о возможности квалификации требования выкупа, адресованного членам семьи похищенного, в рамках данного контекста.

Вероятно, в данном случае речь идет о части объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 163 УК РФ, а не о похищении человека. В связи с этим возникает необходимость уточнения природы данного квалифицирующего признака применительно к рассматриваемым преступлениям, особенно в ситуациях, когда распространение информационного контента происходит уже после совершения преступления.

Проблематика квалификации при публичной демонстрации следующая.

1. Отграничение ст. 126 УК РФ от иных норм. Публичная демонстрация может быть, как способом воздействия (угроза, давление на родственников), так и самостоятельным обстоятельством квалификации. Возникает вопрос: относится ли публикация записи похищения, сделанная после освобождения, к объективной стороне похищения или является самостоятельным преступлением (распространение информации, вымогательство, т.д.). Публикация не всегда входит в объективную сторону похищения как способ.

2. Использование СМИ и Интернета как средств совершения и усиления вреда. Сети предоставляют преступникам широкую аудиторию: трансляция удержания, публичные требования выкупа, давление на администрацию ресурса — всё это может квалифицироваться как отягчающее обстоятельство или как дополнительный состав (вымогательство, публичные призывы и т. п.). К настоя-

щему времени фиксируется рост «треш-стримов» с демонстрацией насилия, что очевидно указывает на необходимость учёта медиа-аспекта при квалификации и оценке общественной опасности деяния.

3. Доказательственные сложности. Идентификация авторов трансляции, установление вины именно тех лиц, которые организовали демонстрацию, сохранность исходных материалов, проверка подлинности видео и времени съёмки — это ключевые вопросы доказывания, рассматриваемых обстоятельств. Сюда же относится экспертиза цифровых следов и осуществление быстрой координации с информационными платформами.

Приговоры по делам о преступлениях с трансляцией похищения в открытом доступе — встречаются редко; по материалам изученных дел суды указывают на необходимость индивидуальной оценки обстоятельств: наличие вымогательства, угроз, роль трансляции в общественном резонансе и т. д.

Вопрос достаточности доказательств также остаётся сложным: необходимо установить, кто создал, распространил или санкционировал демонстрацию. Цифровые следы (IP-адреса, метаданные файлов, временные метки) становятся важными доказательствами, но требуют для обретения свойства допустимости — специальных экспертиз.

Как правомерно отмечает В. А. Косых, факт трансляции совершаемого преступления должен быть зафиксирован и находить объективное подтверждение в материалах уголовного дела. Это возможно достичь следующими процессуальными действиями: выемка «скриншотов» у свидетелей; выемка записи трансляции со стриминговой платформы; изъятие в ходе осмотра или обыска мобильных устройств, компьютеров, планшетов, с которых запускалась онлайн-трансляция и т. п. [5, с. 267–268].

Определяя тактику следственных действий, Ю. С. Пестерева, С. Е. Тимошенко выделяют лиц, целенаправленно следивших за трансляцией; невольных зрителей (трансляция вышла в числе рекомендаций); находящихся на месте совершения преступления (по месту съёмки); лиц из круга общения того, кто осуществляет трансляцию (родственники, члены семьи, сожители). Указанных лиц авторы относят к свидетелям, даже тех, кто вносил плату за просмотр и (или) активно комментировали происходящее. Последние, по их мнению, совершают попустительство [6, с. 605–606].

В соответствии с действующим законодательством, попустительство не является уголовно наказуемым деянием, за исключением случаев, прямо предусмотренных соответствующими нормативными актами. Однако не стоит путать случайных людей, которые могут быть просто наблюдателями, с теми, кто платит за контент, который может быть преступным.

Что касается того, кто совершает насильственное деяние против личности, и того, кто осуществляет видеосъёмку, необходимо признавать их соисполнителями, т. к. их действия взаимообусловлены, и только в этом случае обуславливается «выполнение» всех признаков объективной стороны рассматриваемого квалифицированного состава [7, с. 188].

По совокупности высказанных учеными и практиками мнений сейчас обозначились подходы к решению изложенных проблем: 1) следует дать в примечаниях к ст. 126 легальное определение публичной демонстрации: «Публичная демонстрация с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» — это открытый показ материалов, который доступен неограниченному числу лиц, но без возможности их самостоятельного использования (сохранения, размещения от своего имени и т. п.). Публичная демонстрация включает действия в прямом эфире (например, на стриминговых сервисах) и размещение запрещённой законом информации на личных страницах и страницах групп пользователей в соцсетях»; 2) необходимо закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ [4] однозначные разъяснения по квалификации похищений с использованием цифровых технологий.

Заключение

Изучение приведенной проблемы подтверждает, что введение признака публичной демонстрации обоснованно и своевременно. Публичная демонстрация усложняет расследование из-за трудностей с установлением цифровых следов. Способы демонстрации разнообразны и развиваются с информационными технологиями, требуя гибкого подхода. Квалификация таких преступлений сейчас вызывает проблемы, включая сложность разграничения со смежными составами и решение вопросов квалификации по совокупности преступлений. Влияние цифровых средств на общественное настроение будет и далее возрастать, что несомненно продолжит споры о балансе общественной безопасности, свободы слова и личных прав.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Сов.Фед. 5 июня 1996 г.: [в действ. ред.] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — ст. 2954.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 08.08.2024 № 218-ФЗ принят Гос. Думой 30 июля 2024 г.: одобрен Сов.Фед. 2 августа 2024 г.: [в действ. ред.] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2024. — № 33 (часть 1). — ст. 4914.
3. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-

телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: пост Пленума ВС от 15 декабря 2022 г. № 37 [в действ. ред.]// Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации — 2023.— № 3.

4. О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми: пост Пленума ВС от 24 декабря 2019 г. № 58 [в действ. ред.]// Российская газета — 2019. — № 296 (8054).
5. Косых В. А. «Треш-стримы»: криминалистическая характеристика явления // Санкт-Петербургский международный криминалистический форум: материалы междунар. науч.-практ. конф. СПб., 10–11 июня 2024 г./ сост.: А. Р. Акиев, Т. А. Бадзгардзе. СПб.: С.-Петерб. ун-т МВД России, 2024. С. 265–270.
6. Пестерева Ю. С., Тимошенко С. Е. Уголовно-правовые, криминологические криминалистические аспекты публичной демонстрации преступлений против личности в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 4. С. 596–608.
7. Шевелева С. В., Михайлова О. Г. Совершение преступления с публичной демонстрацией как новелла уголовного законодательства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 2. С. 182–191.

Действия следователя на первоначальном этапе расследования похищения человека из корыстных побуждений

Коваленко Анастасия Евгеньевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Жегалов Евгений Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент

Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье рассматриваются ключевые аспекты, применяемые на начальном этапе расследования похищения человека. Анализируются современные подходы, используемые правоохранительными органами для выявления, сбора и анализа доказательств, а также для установления обстоятельств преступления. Особое внимание уделяется стратегиям взаимодействия с потерпевшими и свидетелями, методам оперативной разработки и техническим средствам, применяемым в ходе расследования.

Ключевые слова: похищение человека, криминалистика, первоначальный этап расследования.

В условиях роста преступности и усложнения способов совершения похищений человека, исследование действий следователя на первоначальном этапе расследования таких преступлений сейчас становится особенно актуальным.

В теории криминалистики дефиниция «следственная ситуация» рядом авторов понимается как совокупность условий, в которых происходит расследование, что можно рассматривать как фундамент построения действия следователя на первоначальном этапе расследования [1, с. 16].

Совокупность условий, под воздействием которых происходит предварительное расследование, образует термин «следственная ситуация». Указанная совокупность условий (обстановка расследования) обладает качествами динамичности, испытывая на себе воздействие объективных и субъективных факторов, которые, одновременно, согласно общеизвестным концептуальным положениям, разработанным Р. С. Белкиным, дифференцированы на следующие компоненты: информационный, организационный и материально-технический, процессуально-тактический, психологический [2].

Разработанная к сегодняшнему времени классификация следственных ситуаций разнообразна и проводится по различным критериям. Для разработки и совершен-

ствования криминалистических методик и оптимизации расследования, на наш взгляд, наиболее перспективна дифференциация по этапам и учет информационного компонента. Этот компонент отражает наличие и качество криминалистически значимой информации, способной стать доказательствами по уголовному делу.

В. В. Кубанов отмечал, что «в процессе расследования принято выделять первоначальный, последующий и заключительный этапы. На первоначальном этапе решаются следующие задачи: проверка типичных версий о событии преступления; уяснение фактов, подлежащих исследованию; сбор доказательств, могущих быть утраченными, принятие необходимых мер для розыска и задержания лица, заподозренного в совершении преступления. Значение следственной ситуации состоит в том, что фактические данные в их совокупности представляют собой полную и объективную картину расследуемого события на любой конкретный момент и позволяют следователю дать им надлежащую оценку и принять вытекающие из этой оценки решения о своих дальнейших действиях» [3].

На первоначальном этапе расследования необходимо организовать проведение неотложных следственных действий. Эти действия выполняются в соответствии с ме-

тодическими рекомендациями по расследованию конкретных видов преступлений.

Для анализа и раскрытия случаев похищения человека важен ситуационный подход, основанный на изучении исходных следственных ситуаций. Он помогает выявлять ключевые закономерности и мотивы преступлений. Криминалисты используют комплексную систему аналитических методов для эффективного выявления и интерпретации особенностей каждого случая.

О. В. Айвазова полагает, что по делам о похищении человека, мотивированных корыстными побуждениями, следственные ситуации формируются следующим образом:

1-я ситуация. Установлен факт похищения человека; преступниками предъявлен ультиматум о выкупе родственникам или близким лицам, который на данный момент не выполнен; похищенное лицо находится в распоряжении преступников.

2-я ситуация. Установлен факт похищения человека по корыстным мотивам, требования преступников о передаче выкупа выполнены.

3-я ситуация. Установлен факт похищения человека, похищенный отпущен преступниками под выполнение определенных условий.

4-я ситуация. Установлен факт похищения человека, а похищенный самостоятельно освободился с места удержания [4].

Рассмотрим ситуацию, когда факт похищения человека установлен, и родственникам похищенного выдвинуты требования о выплате выкупа, которые пока не выполнены, а сам похищенный находится у преступников. Также представим алгоритм действий следователя в этой ситуации.

Для установления факта похищения необходимо подать заявление в правоохранительные органы. Родственники потерпевшего должны предоставить всю информацию о нем. Если есть контакт с похитителем (например, телефонный звонок с требованием выкупа), важно фиксировать информацию о его голосе, манере общения и скорости речи. Похититель может использовать вымышленные данные, поэтому информация должна быть зафиксирована оперативно.

Преступник устанавливает контакт с родственниками потерпевшего через телефонные переговоры. Важно максимально продлить беседу, чтобы договориться о сумме и дате выкупа. Если возможно, следует попытаться снизить требуемую сумму, создавая видимость незаинтересованности в обращении в правоохранительные органы. Эта стратегия наиболее эффективна, когда правоохранительные органы не располагают информацией о местонахождении потерпевшего.

Для анализа используются современные технологии, такие как: системы видеонаблюдения, специализированные программы для обработки данных и мобильные устройства для отслеживания геолокации. Эти инструменты помогают определить источник звонка, включая

информацию о местоположении, операторе связи, имя и другие данные, которые могут помочь найти преступника или его личность.

На основе собранных данных проверяется наличие судимостей у звонившего, его принадлежность к силовым структурам и информация о зарегистрированных на его имя транспортных средствах. Если есть вероятность обнаружения места нахождения похищенного или членов преступной группы, за ними устанавливается наблюдение. Это позволяет выяснить их распорядок дня, взаимодействие между участниками и выбрать оптимальный момент для задержания и освобождения похищенного.

При планировании операции по задержанию лица, подозреваемого в совершении противоправных действий, необходимо учитывать характер и специфику данных действий. В случае, если подозреваемый осуществляет прием выкупа или удерживает заложника, указанные обстоятельства могут быть использованы для отвлечения его внимания.

Непосредственно после задержания следует провести комплекс оперативно-следственных мероприятий, включающий личный обыск задержанного, осмотр похищенного имущества и подозреваемых, а также осмотр места происшествия. Далее необходимо допросить потерпевшего и лиц, подозреваемых в совершении преступления. Рекомендуются провести обыски в местах, где могут находиться предметы, имеющие значение для расследования, а также допросить свидетелей.

В целях обеспечения полноты и объективности расследования назначить проведение экспертиз. После завершения экспертиз следует организовать проведение очных ставок, предъявление для опознания, проверку показаний на месте, следственный эксперимент, а также допросы свидетелей.

Анализ доказательственной базы включает в себя систематизацию и анализ собранных данных для выявления взаимосвязей и установления обстоятельств преступления. Особое внимание уделяется проверке подлинности и достоверности полученных доказательств.

Для повышения эффективности расследования похищений человека предлагается:

1. Совершенствование методик оперативной разработки: разработка новых алгоритмов и методик, направленных на повышение результативности оперативно-розыскных мероприятий.

2. Внедрение современных технических средств: постоянное обновление и модернизация технических средств, используемых в ходе расследования.

Заключение

Основным мотивом похищения человека чаще всего является корысть — стремление к незаконному обогащению путем получения выкупа.

Методика расследования похищения человека на начальном этапе определяет круг действий и вопросы, необходимых для выяснения обстоятельств дела и личности подозреваемых. При тщательном выполнении методических рекомендаций этого, как правило, достаточно для

успешного раскрытия преступления и установления вины причастных лиц.

Анализ ситуаций расследования таких преступлений показал, что совместные усилия следственных и других подразделений помогают предотвращать и пресекать по-

хищения. Важно разработать исчерпывающие рекомендации по подготовке к задержанию преступников. Они включают изучение личности подозреваемых, анализ обстановки возможных мест задержания и составление плана операции.

Литература:

1. Бондаренко, В. Г. Методологические основы первоначального этапа расследования похищения человека / В. Г. Бондаренко // Тенденции развития науки и образования. — 2021. — № 74–6. — С. 15–18.
2. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. — М.: Мегатрон XXI, 2000. — С. 202.
3. Кубанов В. В. Криминалистика: Ч. 2. Криминалистическая тактика. Криминалистическая методика: учебное пособие. — Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2016. — С. 59–60
4. Айвазова О. В., Варданян А. В., Говорухина Е. В. Современные проблемы борьбы с похищением людей: правовые и криминалистические аспекты: учебно-методическое пособие. — М.: ДГСК МВД России. — 2014. — 128 с.

Механизм слеодообразования как ключевой элемент криминалистической характеристики похищения человека

Коваленко Анастасия Евгеньевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Жегалов Евгений Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент

Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

Механизм слеодообразования играет центральную роль в криминалистической характеристике похищения человека, являясь фундаментальным аспектом, который позволяет раскрыть и доказать состав преступления, а также установить личность преступника и обстоятельства совершения деяния. В данной статье мы рассмотрим основные аспекты механизма слеодообразования, его значимость для расследования похищений и методы его использования в криминалистической практике.

Ключевые слова: похищение человека, механизм слеодообразования, криминалистическая характеристика.

Актуальность указанной темы исследования обусловлена тем, что похищение человека является сложным многоэтапным деянием, требующим индивидуального подхода к криминалистической характеристике преступлений при их расследовании. В процессе расследования необходимо учитывать широкий спектр следов преступления, как материальных, так и нематериальных (идеальных).

Криминалистическая характеристика преступления — это «научная категория, в которой с определенной степенью общности описаны типовые признаки и свойства события, обстановки, способы совершения общественно опасных деяний определенной классификационной группы, процесса образования и локализации следов, типологические качества личности и поведения виновных, потерпевших, устойчивые особенности иных объектов посягательства, а также связи и отношения между всеми перечисленными структурными элементами» [1].

На протяжении долгого времени исследований в области криминалистики не удалось достичь единого мнения относительно структуры криминалистической характеристики преступлений (КХП). Ученые-кримина-

листы предложили множество различных позиций о составе элементов КХП, которые анализировались и систематизировались разными авторами по различным критериям.

Структура, предложенная профессором С. И. Коноваловым, представляет собой, на наш взгляд, наиболее полное и детализированное изложение, позволяющее сформировать исчерпывающее представление о структурных компонентах криминалистической характеристики преступлений.

Анализ данных элементов в рамках иерархической последовательности обеспечивает более глубокое понимание их взаимосвязей и значимости в контексте криминалистического исследования.

К ним относятся: способ совершения преступления; субъект преступления (особенности личности); обстановка совершения преступления; объект (предмет) преступного посягательства; следы преступления (механизм слеодообразования); связи между структурными элементами; личность жертвы; мотив, цель, установка; условия совершения преступления; преступные связи; особенности сокрытия преступления; механизм преступления;

типичные следственные ситуации; орудия и средства преступной деятельности; связь с другими видами преступлений [2, с. 82–85].

В рамках данной статьи анализируется такой аспект криминалистической характеристики похищения как следы преступления, включая механизм их образования. Основное внимание будет уделено следам, оставленным на теле и одежде потерпевшего, а также на предметах, которые использовались при захвате, перемещении и удержании. Эти следы включают повреждения на одежде и теле, биологические материалы преступника, фрагменты его одежды, использованные предметы и средства, а также его запах. Кроме того, будут рассмотрены идеальные следы, запечатленные в памяти потерпевшего.

Стоит обратиться к классификация, предложенной А. Н. Калюжным и В. Н. Чаплыгиным, которая подразделяет материальные следы преступления на две категории:

а) следы вовлечения потерпевших в преступную деятельность, представляющие собой материальные отображения в предметах объективной действительности, имеющие целью облегчение совершения данных преступлений. К таким следам можно отнести данные телефонных переговоров преступников с будущими жертвами; письменные уведомления о необходимости явиться по адресам определенных организаций; следы пребывания преступников в заранее подготовленных местах совершения преступлений и местах предполагаемого удержания потерпевших и др.;

б) следы принуждения потерпевших и реализации преступного замысла, представляющие собой материальные отображения совершенных преступлений. Так, например, на месте преступлений, как правило, могут быть обнаружены следы пальцев рук, следы слюны, следы ног (обуви), следы автотранспортных средств, и в редких случаях — следы почерка, в случаях наличия записок с требованиями передачи выкупа [3].

Классифицировать следы преступления при проведении поисковых мероприятий можно по этапам похищения потерпевшего: следы подготовки и самого момента захвата; следы перемещения; следы удержания и достижение цели преступления.

К первой категории следует отнести такие следы, как отпечатки протектора автомобильных колес, следы обуви, оставленные преступником предметы (например, окурки сигарет, биологические следы), изменения внешнего окружения (сломанные ветки, перемещение объектов), взломанные двери и окна (в случае организации засады в закрытых помещениях), следы борьбы (обрывки одежды, волосы и т. п.), а также гильзы, пули и следы крови, возникающие при применении огнестрельного оружия.

Похищение человека, как правило, осуществляется с использованием транспортного средства, которое выступает в качестве средства преступления.

Например, приговор Бердюжского районного суда Тюменской области: подсудимый похитил потерпевшую,

схватил её за волосы, потащил к автомобилю, посадил на заднее сиденье и заблокировал двери [4].

В процессе перемещения могут остаться следы потерпевшего в транспортном средстве: биологические следы, отпечатки пальцев, выпавшие или оставленные предметы, микрочастицы с одежды.

Например, по приговору Ростовского областного суда подсудимые усадили потерпевшего на заднее сиденье, заблокировали выход и поехали к заранее оговоренному месту. По пути они останавливались в безлюдных местах, угрожая насилием и нанося удары руками и ногами, перемещая его в подготовленное место [5].

Также возможно перемещение посредством насильственного переноса потерпевшего с места его нахождения в место удержания.

Например, приговор Усольского городского суда Иркутской области гласит, что подсудимый, используя бессознательное состояние потерпевшей, совершил открытый захват последней в присутствии свидетелей, после чего вынес потерпевшую из квартиры и переместил в подъезд дома [6].

При использовании указанных способов перемещения — по маршруту могут оставаться следы в виде одежды, обуви и личных вещей, таких как телефоны, ключи и портмоне.

На месте удержания также можно обнаружить следы биологического происхождения, включая кал и мочу при длительном содержании. Возможны следы пыток, такие как кровь, выбитые зубы или утюги. При попытках побега остаются порванные верёвки, сломанные наручники, взломанные замки, выбитые двери и разбитые окна.

Также стоит отметить, что существуют нематериальные следы преступления (идеальные, следы-образы).

Идеальный след преступления — это результат психического отражения обстоятельств преступного события (криминалистически значимой информации) в чувственно-рациональной форме, сохранившегося в памяти человека в виде субъективного образа (и/или понятий), и который может быть воспроизведен самим носителем либо извлечен из его памяти научно обоснованными методами [7, с. 202].

Можно высказать некоторые предложения по усовершенствованию исследования механизма слеодообразования при расследовании похищения человека:

1) использование комплексного анализа информационного материала. Следует анализировать всю сопутствующую информацию, изучать иные признаки человека, кроме внешности, исследовать обстановку, анализировать звуковую информацию и т. п.;

2) улучшение информационного обеспечения экспертов-криминалистов. Нужно развивать автоматизированные информационно-поисковые системы и автоматизированные идентификационные системы.

Заключение

Таким образом, криминалистическая характеристика похищения человека — это система типичных

признаков преступлений данной категории, включающая способы подготовки, совершения и сокрытия следов таких преступлений, обстановку, мотивы, цели, механизм слеодообразования и личностные характеристики преступника и потерпевшего. Исследование этих элементов важно для быстрого и полного раскрытия преступлений.

Анализ перечисленных элементов помогает формировать версии о личности преступника, его мотивах и целях, а также круге лиц для поиска. Корректные версии определяют направление расследования. Знание криминалистики и умение применять её на практике повышают эффективность следственной деятельности и укрепляют правопорядок.

Литература:

1. Дралкин Л. Я. Криминалистическая методика: учебное пособие для вузов. — М.: Издательство Юрайт, 2023. 386 с.
2. Коновалов С. И. Теоретико-методологические проблемы криминалистики: монография. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2001. 208 с.
3. Калюжный А. Н., Чаплыгин В. Н. Расследование посягательств на свободу личности: теоретические основы и практические особенности: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 288 с.
4. Приговор Бердюжского районного суда Тюменской области от 17 февраля 2020 г. по делу № 1–7/2020 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ.
5. Приговор Ростовского областного суда от 22 января 2025 г. по делу № 2–11/2025 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ.
6. Приговор Усольского городского суд Иркутской области от 16 января 2020 г. по делу № 1–12/2020 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ.
7. Рахимов А. И. Идеальные следы преступления в криминалистике // Закон и право. 2022. № 6. С. 200–204.

Уголовно-правовой анализ разбойных нападений: современные тенденции и проблемы квалификации

Коньшин Дмитрий Николаевич, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

Статья посвящена актуальным проблемам разбоя как одного из наиболее общественно опасных видов имущественных преступлений. На основе анализа судебной практики и статистических данных выявлены современные тенденции разбойных нападений, особенности их квалификации и разграничения со смежными составами преступлений. Также внимание уделено проблемам квалификации разбоя с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, а также вопросам назначения наказания за данное преступление.

Ключевые слова: разбой, квалификация преступлений, насилие, хищение, имущественные преступления, уголовная ответственность.

Criminal law analysis of robberies: current trends and qualification problems

The article is devoted to the current problems of robbery as one of the most socially dangerous types of property crimes. Based on the analysis of judicial practice and statistical data, current trends in robberies, the peculiarities of their qualification and differentiation from related crimes have been identified. Attention is also paid to the problems of qualification of robbery with the use of weapons or objects used as weapons, as well as the issues of sentencing for this crime.

Keywords: robbery, qualification of crimes, violence, embezzlement, property crimes, criminal liability.

Введение

Разбой представляет собой одно из наиболее опасных преступлений против собственности, сочетающее в себе посягательство как на собственность, так и на личность. Согласно ст. 162 УК РФ, разбой определяется как напа-

дение в целях хищения чужого имущества, совершённое с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия [1].

Актуальность темы исследования обусловлена высокой степенью общественной опасности данного преступления, сложностями в его квалификации и разграни-

чении со смежными составами, а также необходимостью совершенствования мер противодействия данному виду преступлений в современных условиях.

Основная часть

В последние три года, несмотря на продолжающиеся реформы в системе МВД России, наблюдается постепенное увеличение преступности примерно на 1 % ежегодно. Статистика 2024 года демонстрирует особенно тревожную тенденцию: из 2044,2 тысяч зарегистрированных преступлений раскрыто лишь 1031,9 тысяч. Еще более настораживающим является увеличение доли тяжких и особо тяжких преступлений до 563204 случаев, что отражает рост на 13 % [2].

Верховный Суд РФ предоставляет детальные пояснения законодательных положений, облегчающие квалификацию преступлений по разбойным нападениям. Несмотря на значительную помощь правоохранительным органам в оценке противоправных деяний, некоторые аспекты квалификации трактуются неоднозначно. В частности, встречаются интерпретации, выходящие за рамки статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации, что вызывает определенные сложности для субъектов правоприменения.

В научных кругах есть разногласия относительно интерпретации ключевых аспектов разбоя, что подчеркивает необходимость более глубокого изучения этих вопросов.

Разбойные нападения характеризуются тем, что чаще при их совершении используется огнестрельное оружие, замечен рост разбоев, совершаемых при соучастии в разных формах, причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшим. Наряду с этим исследуемое нами общественно опасное деяние против собственности, как показывает практика, характеризуются высокой латентностью, отличается тенденцией «омолаживания». Такое положение свидетельствует о том, что принимаемые меры по предупреждению, пресечению, расследованию и наказанию виновных в совершении разбойных нападений не приносят положительного результата.

Для правильной квалификации разбоя с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, необходимо правильное понимание содержания данных категорий.

Согласно ст. 1 Федерального закона «Об оружии», оружие — это устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов [3]. При этом выделяются такие виды оружия как огнестрельное, холодное, метательное, пневматическое, газовое и др.

Понятие «предметы, используемые в качестве оружия» в законодательстве не раскрывается, что создает определенные трудности при квалификации. Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъясняет, что под предметами, используемыми в качестве оружия, следует понимать предметы, которыми потерпевшему

могли быть причинены телесные повреждения, опасные для жизни или здоровья (перочинный или кухонный нож, бритва, ножницы, топор, ломик и т. п.), а также предметы, предназначенные для временного поражения цели (например, механические распылители, аэрозольные и другие устройства, снаряженные раздражающими веществами) [4].

Одной из основных проблем является необходимость разграничения оружия и предметов, используемых в качестве оружия. Сложности возникают в случаях, когда предмет имеет двойное назначение или когда используются конструктивно схожие с оружием предметы.

Например, нож может быть признан холодным оружием, если он имеет соответствующие конструктивные характеристики, либо предметом, используемым в качестве оружия, если это бытовой кухонный нож. Для правильной квалификации в данном случае требуется проведение криминалистической экспертизы.

В Кассационном определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12.03.2020 по делу № 77–452/2020 суд признал бутылку предметом, используемым в качестве оружия, указав, что она обладала свойствами, позволяющими причинить вред здоровью, а подсудимый демонстрировал готовность применить её для преодоления сопротивления потерпевшего [5].

Судебная практика показывает, что нередко возникают затруднения при оценке таких предметов, как пневматическое оружие с дульной энергией ниже установленных параметров, бейсбольные биты, макеты оружия, газовые баллончики, электрошоковые устройства и т. д. [6, с. 1235]

В Апелляционном определении Верховного Суда РФ от 16.05.2019 № 33-АПУ19–6 суд рассмотрел дело, в котором подсудимый использовал при разбое пневматический пистолет. Защита настаивала на перекалфикации действий с п. «г» ч. 2 ст. 162 УК РФ на ч. 1 ст. 162 УК РФ, поскольку пистолет не был заряжен. Однако суд оставил квалификацию без изменения, указав, что для потерпевшего пистолет выглядел как реальное огнестрельное оружие, и угроза его применения воспринималась как реальная [7].

Важным аспектом является то, что для квалификации по п. «г» ч. 2 ст. 162 УК РФ достаточно самого факта применения оружия, независимо от наступления последствий для потерпевшего.

Отдельного внимания заслуживает проблема имитации оружия при совершении разбоя. Согласно п. 13 вышеуказанного Постановления Пленума ВС РФ, если лицо лишь демонстрировало оружие или его имитацию, не намереваясь использовать эти предметы для нападения, его действия не образуют рассматриваемого квалифицирующего признака.

Однако в судебной практике встречаются противоречивые решения. В одних случаях использование муляжа или игрушечного пистолета квалифицируется как разбой с применением предметов, используемых в качестве оружия, в других — как разбой, совершенный с угрозой применения насилия, опасного для жизни или здоровья (ч. 1 ст. 162 УК РФ) [8, с. 77].

Апелляционное определение Московского городского суда от 25.09.2018 по делу № 10–16547/2018 касалось случая, когда подсудимый использовал при разбое игрушечный пистолет. Суд первой инстанции квалифицировал деяние по ч. 1 ст. 162 УК РФ. Апелляционная инстанция согласилась с данной квалификацией, указав, что игрушечный пистолет не является ни оружием, ни предметом, используемым в качестве оружия, поскольку не обладает поражающими свойствами [9].

Противоположную позицию занял Верховный Суд РФ в Определении от 14.07.2015 № 48-АПУ15–29, указав, что при квалификации разбоя с применением макета пистолета необходимо учитывать, что такие предметы не относятся к оружию, но могут быть использованы в качестве таковых, если виновный демонстрирует их как настоящее оружие и потерпевший воспринимает угрозу как реальную [10].

Практика показывает, что нередко возникают сложности при квалификации случаев неудавшегося применения оружия (например, осечка при выстреле из огнестрельного оружия, неисправность механизма и т. д.). Большинство судов квалифицируют такие деяния по п. «г» ч. 2 ст. 162 УК РФ, поскольку виновное лицо имело умысел на применение оружия, однако по независящим от него обстоятельствам не смогло реализовать свой умысел до конца.

Важно отличать фактическое применение оружия от угрозы его применения, хотя для квалификации по п. «г» ч. 2 ст. 162 УК РФ достаточно как первого, так и второго [11, с. 121].

В Апелляционном определении Санкт-Петербургского городского суда от 11.11.2019 по делу № 22–7814/2019 рассматривался случай, когда подсудимый, угрожая ножом, завладел имуществом потерпевшего. Защита настаивала на переквалификации на грабеж, утверждая, что подсудимый лишь демонстрировал нож без намерения его применить. Суд указал, что для квалификации по п. «г» ч. 2 ст. 162 УК РФ достаточно самой угрозы применения оружия, если потерпевший воспринимал её как реальную [11].

В целях совершенствования законодательства, предлагаем следующие меры:

1. Для преодоления проблем квалификации разбоя с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, представляется целесообразным:

— законодательно закрепить понятие «предметы, используемые в качестве оружия», внося соответствующие дополнения в ст. 162 УК РФ;

— дифференцировать ответственность за разбой с применением оружия и с применением предметов, используемых в качестве оружия, учитывая различную степень общественной опасности таких деяний;

— уточнить позицию законодателя в отношении квалификации разбоя с применением имитаций оружия.

2. Верховному Суду РФ целесообразно дать более детальные разъяснения по следующим вопросам:

— критерии разграничения оружия и предметов, используемых в качестве оружия;

— подходы к квалификации разбоя с применением неисправного оружия или его имитации;

— особенности квалификации при применении предметов двойного назначения.

3. Для повышения эффективности расследования и правильной квалификации разбоев с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, необходимо:

— разработать подробные методические рекомендации для следователей и дознавателей;

— совершенствовать порядок проведения криминалистических экспертиз предметов, используемых при совершении разбоя;

— внедрить единую базу данных о предметах, признаваемых оружием или используемых в качестве оружия.

Заключение

Таким образом, разбой, являющийся одной из наиболее опасных форм преступлений против имущества, особенно опасен из-за применения насилия, направленного на быстрое завладение чужой собственностью. Это действие не только угрожает здоровью и жизни человека, но и одновременно нарушает множество общественных норм и правил. Важно подчеркнуть, что основная цель разбойного нападения — корысть, достигаемая через насильственные действия.

В заключении можно отметить, что разбой как уголовное деяние выделяется рядом характеристик. Основные черты включают нападение, которое не только угрожает жизни и здоровью жертвы, но и направлено на незаконное завладение имуществом, причём сам акт нападения уже считается завершением преступления, даже если имущество не было похищено. Эти особенности порождают споры среди юристов. Некоторые из них аргументируют, что разбой не следует относить к преступлениям против собственности, в то время как другие защищают классическую интерпретацию, согласно которой разбой является формой хищения.

Анализ проблем квалификации разбоя с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, свидетельствует о необходимости комплексного подхода к их решению. Требуется дальнейшее совершенствование законодательства, унификация судебной практики и развитие научных подходов к данной проблематике.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

2. Статистические данные // Официальный сайт Генеральной Прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf> (дата обращения: 25.09.2025).
3. Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 51. — Ст. 5681.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Российская газета. — 2003. — № 29.
5. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12.03.2020 по делу № 77–452/2020. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.10.2025).
6. Нагорный А. А. Разбой с применением предметов, используемых в качестве оружия: теоретико-правовой вопрос квалификации / А. А. Нагорный // Инновации. Наука. Образование. — 2021. — № 45. — С. 1233–1240.
7. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 16.05.2019 № 33-АПУ19–6. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.10.2025).
8. Виноградова Е. В. К вопросу о влиянии судебных решений на квалификацию преступлений, посягающих на безопасность / Е. В. Виноградова, И. Г. Соломоненко // Евразийская адвокатура. — 2018. — № 5(36). — С. 76–78.
9. Апелляционное определение Московского городского суда от 25.09.2018 по делу № 10–16547/2018. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.10.2025).
10. Определение Верховного Суда РФ от 14.07.2015 № 48-АПУ15–29. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.10.2025).
11. Токарев Д. С. Предметы, используемые в качестве оружия, как оценочное понятие в уголовном законе / Д. С. Токарев // Правоохранительные органы: теория и практика. — 2006. — № 3–4. — С. 120–122.
12. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 11.11.2019 по делу № 22–7814/2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.10.2025).

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 42 (593) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 29.10.2025. Дата выхода в свет: 05.11.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.